Я.Н. Засурский, профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой зарубежной журналистики и литературы, президент факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

КОЛОНКА РЕДАКТОРА: НОВАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ГАЗЕТЫ

Крупнейший специалист и одновременно монополист в сфере медиа Руперт Мердок начал издавать газету для Ipad-а. Это значит, что каждый день в 12 часов на сайт редакции газеты «Дейли» поступают материалы, которые можно читать на планшетном компьютере. Стоит эта газета относительно недорого, 99 центов в неделю, но пока неясно, насколько она в состоянии конкурировать с бумажными газетами. Скоро мы узнаем об этом из финансовых отчетов «Ньюз корпорейшен», которая принадлежит Мердоку.

Национальные качественные газеты — бренды мировой державы

Газетный мир переживает многочисленные дискуссии о настоящем и будущем газеты. В Москве, на факультете журналистики, выступил молодой исследователь и сообщил, что в ближайшие годы газеты прекратят свое существование и через 15—25 лет мир забудет про печатную прессу и будет жить исключительно в Интернете. Эти прогнозы, конечно, носят, с одной стороны, зловещий характер. С другой стороны — всегда, как только в медийной сфере появлялось что-то новое, возникали такие прогнозы.

Сейчас справедливо многие пишут о том, что когда появилось радио — говорили, что газеты умрут, когда появилось телевидение — говорили, что умрет радио, не говоря уже о газетах, появился Интернет — снова те же разговоры — газеты не выдержат конкуренции с Интернетом. Сегодня появилась мобильная журналистика — и это новый повод для того, чтобы похоронить газету. В данном случае, конечно, за мобильный и широкоформатный Интернет говорит быстрота доставки информации и возможность интерактивного общения с читателем.

Тем не менее разговоров о гибели печатной прессы много, а между тем продолжают издаваться газеты разные: газеты для любителей серьезной журналистики, дорогие, — их называют качественными, — такие как лондонская «Таймс», «Нью-

Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», «Франкфуртер альгемайне» в Германии, «Монд» во Франции. Создаются новые газеты — в Москве возобновили выход «Московские новости».

Конечно, каждая страна имеет свою качественную газету. В Англии такие газеты называют «истеблишментом», своего рода «устоем общества» наподобие парламента или Банка Англии. И устоями общества эти газеты, конечно, являются, потому что эти газеты не просто сообщают новости, как это делает Интернет, — они следят за тем, как развивается мир, и это сложный процесс, который заставляет задуматься над тем, что было в прошлом, над тем, что происходит сейчас и над тем, что будет завтра. Главное — что это ежедневный процесс.

Можно сказать, что первыми предшественниками таких качественных газет были летописцы — древнегреческий Геродот, древнерусский Пимен и многие другие легендарные создатели летописей, благодаря которым мы знаем истоки нашей истории.

Наследнки летописцев

Отличие от летописцев у газеты в том, что она доступна более широкому кругу людей, чем тексты летописей. Может быть, это не главное отличие. Главное сегодняшнее отличие в том, что газета не только сообщает новости каждый день, но и интерпретирует их. И чтение новостей позволяет увидеть мир в развитии, увидеть тенденции развития мира. Этот ежедневный мониторинг новостей включает нас в современное информационное пространство и заставляет нас задуматься над тем, куда идет мир.

Миру постоянно предсказывают всякие трудности, угрозы, катастрофы. Иногда эти прогнозы сбываются, иногда не сбываются, но всегда эти прогнозы газет вызывают к себе интерес и уважение, потому что газеты ведут гигантскую исследовательскую работу, изучая развитие современного мира через призму ежедневных новостей, которые газеты интерпретируют и используют для того, чтобы заглянуть в завтрашний день.

Конечно же сегодня при наличии мощной индустрии новостей, в которую входят и газеты, и радио, и телевидение, и мобильные средства массовой информации, где особенно важен Интернет, эти средства массовой информации позволяют действительно очень глубоко и разносторонне представить картину мира в развитии.

Тот, кто читает газеты каждый день, впитывает в себя не только новости, он учится видеть мир в движении, в развитии.

И это, конечно, оказывает огромную услугу тем, кто занимается политикой, всем тем, кто хочет заглянуть за рамки сегодняшнего дня, потому что анализ новостей, который преподносят газеты, выходит за пределы того текста, который мы получаем. Он помогает нам обдумывать нашу жизнь и видеть ее в развитии.

Конечно, «горячие головы» готовы отказаться от газет.

Какие же доводы здесь приводятся? — их можно пересчитать по пальцам одной руки: газета отстает, современный Интернет гораздо быстрее сообщает новости, — зачем в таких условиях нужна газета? Зачем нужно радио, если все можно получить посредством Интернета? Но оказывается, что есть некоторые особенности газеты, которые позволяют ей быть не только летописцем, но и в какой-то степени пророком, предсказывать куда движется мир.

Связь времен

Качественные газеты это не только серьезный и важный бренд, это своего рода национальный символ, которого опасно лишиться. Конечно, современные предсказатели, оракулы на каждый час, быстры на язык, на сообщения по Интернету, на СМС, на Твиттер, на Фейсбук. Подпишитесь на Фейсбук — все будете знать, читайте Твиттер, несколько строчек, — и будете знать, как развивается мир.

Эта попытка создать конкурентное поле сама по себе понятна, и, может быть, даже была бы полезна, если бы это конкурентное поле существовало. На деле же газета является чрезвычайно хрупким, но в то же время гибким и сложным инструментом. Газета создавалась веками, четыре века она несет свою службу — службу памяти. Сегодня, конечно, технических возможностей гораздо больше, но и событий в мире происходит больше.

Возникают новые возможности сбора и передачи новостей, и это, конечно, замечательно, но сам по себе сбор новостей и даже их анализ не решают проблему понимания сегодняшнего мира. Для того чтобы понять и увидеть перспективы, заглянуть в завтрашний день, нужно не только знать новости, но и уметь видеть тенденции развития. И газеты, имеющие исторический опыт, эту память не живую, а память новостную, аналитическую и прогностическую хранят и предают нам, и конечно, могут многое рассказать, просто заглянув в прошлое.

И там открывается картина не только вчерашнего дня, не только конца сегодняшнего дня, но и послезавтрашнего дня.

Газета уходит далеко от сегодняшнего дня благодаря той кропотливой, ежедневной, скрупулезной работе с теми новостями, что происходят в мире.

Мониторинг современной истории

Мониторинг, который ведет современная серьезная национальная газета, отличается особым качеством: это основательность анализа. Ведь чем ценна сегодняшняя качественная газета? Это прежде всего мозговой центр нации, его сила в тех уникальных журналистах, которые в состоянии помочь нации увидеть сегодняшний сложнейший и многомерный мир во всем его многообразии, многоцветьи и многоликости, в динамике его развития. И это очень дорогостоящий продукт, потому что для того чтобы получить новости, которые помогут нам увидеть завтрашний день, надо призвать самых серьезных журналистов. И они работают в современных газетах. Если мы возьмем, например, «Нью-Йорк Таймс», там в отделе экономики мы найдем нобелевского лауреата, который использует всю свою богатейшую фантазию, и, главное, аналитические выводы из того повседневного мониторинга, который он ведет, и внимательно изучая сегодняшний день, он видит день завтрашний. Новости начинаются утром, но вечером еще не завершаются. Понять, к чему приведут нас эти новости, может только институт, который ведет каждодневные наблюдения за тем, как развивается мир. Конечно, газета, которая выпускается Мердоком сегодня в 12 часов, говорит только о сегодняшнем дне, но говоря о сегодняшнем дне и о сегодняшнем вечере, невольно заглядывает в завтрашнее утро и в завтрашний вечер. И эта связь событий, связь времен устанавливается газетой. О связи времен беспокоился шекспировский Гамлет: она необходима для человечества, человечество утратит основу своей жизнеспособности, своего права на существование, если оно потеряет нить, которая позволяет увидеть связь времен. Газета прекрасно эту связь времен осуществляет.

Конечно, имеются разные газеты. Есть газеты, которые тешат людей красивыми картинками. Это всегда было так. Я не хотел бы никого обижать или оскорблять, но хотел бы напомнить, что картинки сыграли очень важную роль в развитии человечества, особенно, когда появилась христианская религия, когда Христос указал свой взгляд на мир и обратился к верующим со своими идеями. И тогда выяснилось: не все верующие могут читать, было много неграмотных. Этих людей, которые не умели читать, просвещали с помощью рисунков, картинок:

так появились иконы, церковная живопись, которая рассказывала историю Святого семейства, жития святых и в общем-то движение мира. Эти люди, которые ходили в церковь не только потому, что их интересовала служба и Слово Христа, но и за тем, чтобы узнать, куда движется мир, не могли прочитать этого. Они просто были неграмотными. Для них создали иконы, которые в картинках передавали Священное Писание, делали людей христианами, учили их великому, высокому, доброму. И за это мы можем быть только благодарны тем, кто создавал эту великую живопись, где эпизоды Библии играют доминирующую роль. Вспомним, как называли этих людей: я думаю, никто не обидится, если я напомню, что об этих людях говорили "homo idiotico" — слово "idiotico" означало «неграмотный». Мне кажется, это очень сильно передает смысл газеты, которая делает человека думающим, способным думать. Конечно, газета — это необходимый инструмент для того, чтобы человек сохранил свой багаж знаний и сумел бы его применить к анализу. Если же он не будет получать этих сведений и будет пользоваться только изобразительными картинками, он останется на более низком уровне. И газета, как и церковная живопись, в начале I тысячелетия открывала тайну знаний, тайну движения человечества. Эти церковные тексты и рисунки были важной частью просвещения людей.

Газета — инструмент просвещения

Сегодня, конечно, все изменилось. Человечество научилось читать, писать, думать и, конечно, здесь функция газеты тем не менее остается той же — создать целостную картину мира, чтобы увидеть, куда он движется. И это каждодневное просвещение человечества — каждодневная задача газеты, она делает газету необходимейшим инструментом современного развития. Не случайно сегодня каждая страна, которая хочет продвинуться, создать высокую культуру, овладеть достижениями новейшей техники, заботится о том, чтобы ее граждане могли читать ежедневную газету и успевать за темпом жизни, который растет и в условиях современного общества знаний становится действительно космическим. И здесь газета выполняет свою важнейшую роль: она дает кругозор для понимания развития человеческого мира. Кроме того, она дает направление не только мыслям, но и действиям людей. И в этом смысле журналистика и, прежде всего, газета, является важнейшим институтом современного общества. И не случайно даже сейчас, когда так легко говорят о смерти газет, появля-

ется все больше мнений о том, что газета — это не только и не столько бумага, хотя многие противники газетного дела говорят о том, что бумага теперь не важна, что все есть в компьютерах, в «цифре». И это правильно, компьютеры, «цифра» позволяют хранить множество важных сведений, знаний, и общество знаний развивается благодаря этому очень быстро. Но повседневный мониторинг не может быть ограничен только Интернетом или электронным письмом. Дело в том, что мониторинг требует осмысления этих событий, и здесь нужны аналитики: это газетчики, это журналисты, это люди, которые не просто следят за событиями, но умеют и оценивать и делать выводы для человечества. В этом смысле показательна та же газета «Нью Йорк Таймс». Экономические трудности сегодня потрясают мир и особенно Соединенные Штаты. И в этих условиях американские издатели призывают нас делиться своими знаниями и доступом. Это важное новое качество нашей газеты, которое не связано с бумагой, а связано с институтом газеты, который состоит не в том, чтобы изобразить новость на бумаге, а изучает движение мира и фиксирует те важнейшие проблемы, которые мир решает. И читая газеты, мы включаемся в очень серьезный и сложный процесс познания мира и получаем способность даже предвидеть события и пути развития мира. Газета — это больше, чем те новости, которые там напечатаны, это огромный объем знаний и способности увидеть, что с нами произойдет, ведь газета готовится к выходу в конце дня, но когда она выходит, она уже живет в другом дне. И эта способность видеть будущее — замечательное качество именно газеты, института, который ведет постоянный мониторинг событий.

Поэтому я думаю, что разговоры о гибели газеты преждевременны, и считаю, что газета «Московские новости», которая родилась сейчас, в самый разгар споров о том, что газеты умирают, подтверждает справедливость и наших опасений, и нашего стремления поддержать газетный мир. И в этом отношении наши газетчики тоже нашли в себе силы прочитать больше чем обычно.

Газета «Известия» опубликовала в декабре прошлого года статью журналиста Арсюхина, который весьма убедительно ответил тем, кто пророчит газете скорую гибель. Его статья, очень критическая по отношению к блогерам, но высоко оценивает деятельность современной газеты.

24 декабря 2010 г. Арсюхин опубликовал в «Известиях» статью «Блогер устал, СМИ — вне конкуренции». В этой статье он утверждает, что, конечно же, газета развивается, но он не мо-

жет согласиться с тем, что блогеры собрались похоронить журналистику, противопоставляя журналистике, газете блогеров, которых многие тысячи. Но, подведя итоги блогерской журналистики, наш автор, Евгений Арсюхин, говорит, что эти «“могильщики” традиционных СМИ переоценили способность людей к системному самовыражению». Иронизируя по поводу стилистики этих блогеров, он говорит, что уроки развития блогосферы очевидны, они показывают, что блогерам не хватает способности формулировать эти события. Конечно, у блогеров много последователей, но вместе с тем он считает, что уроки блогеров и их провалы очевидны. Во-первых, сами блогеры, утверждает Арсюхин, «переоценили способность людей к системному самовыражению», во-вторых, развалился миф о том, что «настоящим журналистом может стать любой, лишь бы сердце погорячее, а люди, сделавшие это своей профессией, — сплошь продажные вруны». Конечно, журналист «Известий» не может согласиться с такой оценкой. Он и сам честный человек и знает, что другие журналисты — люди честные.

Но проблема не в этом. Проблема в том, что для журналистики нужны профессионалы, и что «средство массовой информации как бизнес-проект, как машина, генерирующая новости и мнения, — вне конкуренции, и никакие проекты, рожденные “на коленке”, эту машину не отменят». Я хотел бы с этим согласиться. Часто новинка заставляет легковесных аналитиков думать что «старое обречено умереть». «Но всегда ошибаемся. Вспомним, что адепты ТВ в 1950-е уже хоронили газеты, а поклонники видеоклипов в 1980-е — живую рок-музыку. А в реальности и новое живет, если может жить, и старое себе место находит. Обновляется. Улучшается». И сила газет здесь не в том, что они выдерживают конкуренцию, а в том, что функции, которые они выполняют, необходимы человечеству. Это память живая и память печатная, память, которая необходима нам для видения перспектив развития мира. Если мы вспомним о наших великих летописцах и о летописях, которые нам сегодня помогают видеть и «утро» человечества, и современное его развитие, мы увидим, что журналистика — это необходимый атрибут современного общества, где информация становится не просто средством общения, а является инструментом развития и техники, и экономики, и жизни человеческой.Именно это обстоятельство заставляет многих теоретиков и философов называть современный мир информационным обществом.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ И ПРАВО СМИ

С.Л. Давтян, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; шеф-редактор журнала «Европейский омбудсмен» (www.euro-ombudsman.org); e-mail: euro-ombudsman@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНА РФ «О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ» в 1991—2010 гг.: ФАКТЫ КАК ИСТОРИЯ

В статье рассматриваются изменения, внесенные в России законами о СМИ в течение почти двадцати лет. Исторические факты, связанные с изменениями, представлены как отношение властей страны к роли СМИ в обществе.

Ключевые слова: *закон, власть, СМИ, общество.*

The article deals with changes in the Russia media law for last twenty years. Historical facts related to the changes are presented as the attitude of the country's authorities towards the role of media in society.

Key words: *law, government, media, society.*

Среди нормативных правовых актов, призванных регулировать деятельность отечественных средств массовой информации (СМИ), ведущее место занимает, безусловно, Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»[1] (далее — Закон о СМИ). Его принятие в числе первых законов новейшей России, свидетельствует о том, что власти придавали большое значение роли СМИ для становления нового российского общества, основанного, как было записано в Декларации «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», принятий 12 июня 1990 года[2], причем в один день с Законом СССР «О печати и других средствах массовой информации»[3], на гарантии прав и свобод граждан.

Закон о СМИ, вслед за советским законом о печати, способствовал дальнейшему развитию в стране новых средств массовой

[1] Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. С. 300.

[2] Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. С. 22.

[3] Закон СССР от 12 июня 1990 г. // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 26. С. 492.

информации и новой журналистики. По словам М.А. Федотова, одного из разработчиков обоих законов: «Если союзный закон явился документом, с одной стороны, демократического романтизма, а с другой — исполненным неминуемых компромиссов с защитниками тоталитарных порядков, то российский — результатом почти лишенного политического противоборства поиска оптимальных технологий правового регулирования организации и деятельности СМИ» [Федотов, 2001, с. 21].

Вместе с тем за все эти годы не только тема самого Закона о СМИ постоянно находилась не просто в центре общественных, политических и правовых дискуссий, но и сам закон регулярно подвергался ревизии со стороны субъектов законодательной инициативы.

За истекшие годы были приняты двадцать федеральных законов, направленных в том числе на изменение Закона о СМИ. В общей сложности из шестидесяти двух статей изменению подверглись тридцать пять. А количество законопроектов, накопившихся в профильных комитетах Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ГД РФ) и в аппаратах других субъектов законодательной инициативы, направленных на изменение Закона о СМИ, значительно больше. Все они были разными по своему значению для Закона о СМИ, но можно констатировать, что большинство из них не оказало влияние на развитие свободы СМИ в стране.

Следует отметить, что больше всех изменений (числом тринадцать) были внесены во время нахождения в должности Президента России В.В. Путина (2000—2008). При первом Президенте страны Б.Н. Ельцине (1991—1999), эта цифра была почти на треть меньше (пять), а действующий Президент России Д.А. Медведев, вступивший в должность весной 2008 г., подписал два закона о внесении изменений в действующий Закон о СМИ.

При изучении истории изменений в Законе о СМИ со дня его вступления в силу 8 февраля 1992 г. до аналогичного периода текущего 2011 г. обращает на себя внимание следующее обстоятельство: первые изменения в Закон были внесены в декабре 1994 г.[4], т.е. спустя три года после его принятия, в то время как последующие изменения вносились не реже одного раза в год, за исключением двух-трех случаев, когда промежуток между датами изменений отдельных норм Закона о СМИ составил чуть больше года.

Первые изменения в Законе о СМИ касаются статуса издателя СМИ (ст. 21) и сообщений, обязательных для опубликования редакцией бесплатно и в предписанный срок (ст. 35). Депутаты первой Государственной Думы (1994—1996), представлявшие более десяти партий и политических движений, решили обязать СМИ

[4] Федеральный закон от 15 декабря 1994 г. № 6-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. С. 169.

быть более открытыми, в частности для освещения работы народных избранников. Упомянутая ст. 21 Закона расширяет круг нормативных правовых актов, в рамках которых издатель СМИ осуществляет свои права и несет обязанности. В список законов наряду с Законом о СМИ, законодательством об издательском деле и законом о предприятиях и предпринимательской деятельности включается также Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»[5]. Кроме того, ст. 35 дополняется частью третьей, обязывающей государственные СМИ публиковать сообщения и материалы федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном Федеральным законом «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации».

Следует отметить, что если до внесения этого дополнения в Закон о СМИ последние были обязаны помещать бесплатно и в указанный срок сообщения или материалы лишь от имени своего учредителя (ст. 18 Закона о СМИ), то после него на государственные СМИ, финансируемые из бюджета, возлагается обязанность освещать работу также других органов государственной власти, в частности — Государственной Думы.

Появление этой нормы было обусловлено недовольством оппозиционных партий тем, как освещают их деятельность государственные СМИ, особенно федеральные телевизионные каналы, которые занимают, по их мнению, пропрезидентскую и проправительственную позицию.

Следующее изменение в Закон о СМИ вносится в июне 1995 г.[6] Оно касается ст. 30 «Федеральная комиссия по телерадиовещанию» и ст. 31 «Лицензия на вещание». В связи с принятием нового положения о Федеральной комиссии по телерадиовещанию, слово «региональные комиссии» в тексте о представительствах Федеральной комиссии на территории субъектов РФ, было заменено на «территориальные».

Спустя месяц ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» Закона о СМИ дополняется новыми ограничениями для СМИ. В частности, устанавливается запрет на использование СМИ не только в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для осуществления экстремистской деятельности, но и «для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ

[5] Федеральный закон от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ // Российская газета. 1995. 14 янв.

[6] Федеральный закон от 6 июня 1995 г. № 87-ФЗ // Российская газета. 1995. 8 июня.

насилия и жестокости»[7]. Вместе с тем отсутствие объяснения понятия «порнография» в законодательстве вызывает определенные дискуссии в обществе.

Вторая часть указанной статьи, запрещающей использование в теле-, видео-, кинопрограммах, документальных и художественных фильмах, а также в информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным СМИ, скрытых вставок, воздействующих на подсознание людей, дополняется словосочетанием «и оказывающих вредное влияние на их здоровье».

В день четвертой годовщины принятия Закона о СМИ — 27 декабря 1995 г., в связи с внесением изменений в Федеральный закон «О пожарной безопасности»[8], ст. 35 Закона о СМИ дополняется частью четвертой, согласно которой редакции государственных средств массовой информации обязаны незамедлительно и на безвозмездной основе выпускать в свет (в эфир) по требованию Государственной противопожарной службы оперативную информацию по вопросам пожарной безопасности[9].

Тем самым количество субъектов, сообщения которых обязательны для публикации в государственных СМИ, дополняется еще одним субъектом. Между тем в самом законе «О пожарной безопасности» отсутствовало какое-либо указание на собственников СМИ. Из ст. 26 указанного закона следует: «Средства массовой информации обязаны незамедлительно и на безвозмездной основе публиковать по требованию Государственной противопожарной службы экстренную информацию, направленную на обеспечение безопасности населения по вопросам пожарной безопасности»[10]. Тем самым возникла конкуренция норм, которая должна трактоваться в пользу специального закона — Закона о СМИ.

Таким образом, депутатами Государственной Думы первого созыва в течение срока действия их полномочий вносится четыре поправки в Закон о СМИ.

В июле 1996 г. Президент России Б.Н. Ельцин избирается на второй срок, а в декабре того же года проходят выборы во вторую Государственную Думу.

Насыщенные политическими событиями 1996—1997 гг. отличились законотворческим затишьем по отношению к Закону о СМИ.

---

[7] Федеральный закон от 19 июля 1995 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 30. С. 2870.

[8] Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ // Российская газета. 1995. 1 янв.

[9] Федеральный закон от 27 декабря 1995 г. № 211-ФЗ // Российская газета. 1996. 10 янв.

[10] Федеральный закон «О пожарной безопасности» // Российская газета. 1995. 5 мая.

Вместе с тем в результате принятия Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»[11] 25 декабря 1996 г. и подписанного Президентом России 26 февраля 1997 г.: «Периодическое печатное издание, одним из учредителей (соучредителей) которого являются государственные или муниципальные органы, органы местного самоуправления, государственные предприятия, учреждения и организации либо которое финансируется полностью или частично за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации, не вправе отказать в публикации заключений и иных документов Уполномоченного» (ст. 30). Кроме того, «Ежегодные доклады Уполномоченного подлежат обязательному официальному опубликованию в «Российской газете» (ст. 33).

В марте 1998 г. в связи с изменением Федерального закона «О рекламе» ст. 36 «Распространение рекламы» Закона о СМИ излагается в новой редакции. Из нее следует, что правовое регулирование вопросов распространения рекламы в СМИ осуществляется в установленном законодательством порядке[12]. С принятием указанной нормы на СМИ возлагаются обязанности, связанные с подбором, объемом и временем распространения рекламы в соответствии с законом о рекламе, принятым в июле 1995 г.[13]

Следует отметить, что это стало единственным изменением, внесенным в Закон о СМИ депутатами второго созыва Государственной Думы и последним изменением Закона о СМИ, подписанным Б.Н. Ельциным в качестве главы государства.

В начале декабря 1999 г. избирается третья Государственная Дума, а 31 декабря 1999 г. действующий президент страны Борис Ельцин досрочно слагает с себя обязанности главы государства и его полномочия, согласно действующему законодательству, переходят к Председателю Правительства РФ Владимиру Путину. В марте 2000 г., в результате всероссийских выборов Владимир Путин становится вторым Президентом России.

Первое изменение Закона о СМИ, внесенное при новом Главе государства и депутатах Государственной Думы третьего созыва (1999—2003) вносится в июне 2000 г. Оно было связано с распространением в СМИ сведений о наркотических и психотропных средствах. Изменение в Законе о СМИ было обусловлено принятием Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах». Статья 4 Закона о СМИ была дополнена

[11] Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 1997. 4 марта.

[12] Федеральный закон от 2 марта 1998 г. № 30-ФЗ // Российская газета. 1998. 5 марта.

[13] Федеральный закон от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ // Российская газета. 1995. 25 июля.

частью третьей, запрещающей распространение в СМИ сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, за исключением рекламы наркотических средств и психотропных веществ, внесенных Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах» в специальные СМИ, рассчитанные на медицинских и фармацевтических работников[14].

А еще через месяц Государственной Думой вносятся изменения в ст. 41 Закона о СМИ, которая регулирует вопросы распространения конфиденциальной информации[15]. Закон дополняется частями третьей и четвертой, направленными на защиту прав несовершеннолетних. В частности, вводится запрет для редакций СМИ на разглашение в распространяемых сообщениях и материалах сведений, прямо или косвенно указывающих на личность несовершеннолетнего, совершившего преступление, административное правонарушение или антиобщественное действие, либо подозреваемое в их совершении, а также указание на личность несовершеннолетнего, признанного потерпевшим без согласия самих несовершеннолетних или их законных представителей.

Следующие изменения в Закон о СМИ вносятся спустя год. В августе 2001 г. Закон о СМИ дополняется ст. 19.1 «Ограничения, связанные с учреждением теле-, видеопрограмм и организаций (юридических лиц), осуществляющих телевещание»[16]. Статья состоит из трех частей. Все они были направлены на ограничение прав иностранных граждан и юридических лиц на приобретение контрольных пакетов акций российских компаний, так или иначе связанных с распространением информации.

Закон, вводящий данные изменения в действие, обязывает учредителей теле-, видеопрограмм, зарегистрировавших их до вступления в силу указанных изменений, а также организации (юридические лица), осуществляющие телевещание и учрежденные до вступления в силу указанного Федерального закона, привести свои регистрационные и учредительные документы в соответствие с вышеуказанным Законом в течение одного года со дня его вступления в силу. Изменение совпадает по времени с распадом холдинга «Медиа-Мост» В. Гусинского. По всей вероятности,

---

[14] Федеральный закон от 20 июня 2000 г. № 90-ФЗ // Российская газета. 2000. 22 июня.

[15] Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 110-ФЗ // Российская газета. 2001. 8 авг.

[16] Федеральный закон от 4 августа 2001 г. № 107-ФЗ // Российская газета. 2001. 9 авг.

власти таким образом решили препятствовать продаже акций, принадлежащих компании телеканала НТВ, иностранным гражданам и юридическим лицам.

В марте 2002 г. в связи с принятием Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц» и прекращением действия закона «О предприятиях и предпринимательской деятельности» часть вторая ст. 19 Закона о СМИ принимается в новой редакции, откуда следует, что вопросы регистрации редакции СМИ в качестве юридического лица регулируются Федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц[17].

Несмотря на «техничность» данных изменений, на самом деле регистрация редакций в качестве юридических лиц, как и всех хозяйствующих субъектов, передается из ведения исполнительных органов субъектов в ведение федеральной налоговой службы. Для редакций СМИ эти изменения имели определенное значение с точки зрения их независимости от местных органов исполнительной власти, где до этого происходила регистрация юридических лиц, в том числе редакций.

Среди принятых в июле 2002 г. федеральных законов, в двух предусматривается изменение отдельных норм Закона о СМИ. Во-первых, изменения были связаны с усилением в стране мер, направленных на противодействие экстремистской деятельности[18], во-вторых — с совершенствованием государственного управления в области пожарной безопасности[19].

В связи с предпринимаемыми в стране мерами, направленными на противодействие экстремистской деятельности, в первой части ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» Закона о СМИ слова «...призыва к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства, разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны» были заменены словами «осуществления экстремистской деятельности». Коротко, но многозначно. Данная норма вызывает определенную тревогу среди представителей СМИ, которые считают ее формой давления на СМИ. Кроме того ст. 16 «Прекращение и приостановление деятельности» Закона о СМИ дополняется новой частью, из которой следует, что «деятельность СМИ может быть также прекращена в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом “О противодействии экстремистской

[17] Федеральный закон от 21 марта 2002 г. № 31-ФЗ // Российская газета. 2002. 26 марта.

[18] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.

[19] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 116-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.

деятельности”»[20]. Хотя в указанном законе дается объяснение экстремизму, представители СМИ опасаются, что они могут быть истолкованы правоприменительными органами широко, что может ограничить свободу слова и СМИ в стране.

Вторым нормативным правовым актом, повлекшим изменение Закона о СМИ в указанном году становится уже упомянутый Федеральный закон «О пожарной безопасности», хотя и на этот раз изменения в Законе о СМИ носят, скорее, технический характер. В часть четвертую ст. 35 Закона о СМИ, где название «Министерство внутренних дел Российской Федерации» было заменено на «Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» в связи с переходом Федеральной службы обеспечения пожарной безопасности из ведения МВД в ведение МЧС.

В июле 2003 г. принимается Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В связи с этим Закон о СМИ был дополнен ст. 16.1 «Приостановление выпуска средства массовой информации за нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах». В соответствии с новой статьей, если в период избирательной кампании или референдума главный редактор или редакция СМИ были привлечены в судебном порядке к административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах, но допустили его повторное нарушение, то Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, а также избирательная комиссия соответствующего субъекта Российской Федерации, в зависимости от территории распространения СМИ, вправе обратиться в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий регистрацию средств массовой информации, с представлением о приостановлении выпуска конкретного СМИ. При этом федеральный орган исполнительной власти обязан в пятидневный срок, но не позднее дня, предшествующего дню голосования, а в день, предшествующий дню голосования, и в день голосования немедленно осуществить с привлечением заинтересованных лиц проверку фактов, изложенных в представлении, и обращаться в суд с заявлением о приостановлении выпуска СМИ, использованного в целях совершения указанных нарушений, либо направлять в соответствующую избирательную комиссию мотивированный отказ от обращения в суд с указанным заявлением. В статье указывается, что мотивированный отказ от обращения в суд с заявлением о приостановлении выпуска СМИ не препятствует применению

[20] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.

к организации, осуществляющей выпуск указанного СМИ, иных мер ответственности, предусмотренных законодательством Российской Федерации, включая предупреждение.

Указанным законом вносится изменение также в ст. 34 «Хранение материалов радио- и телепередач» Закона о СМИ. Она дополняется частью четвертой. Устанавливается, что запись должна храниться не менее 12 месяцев со дня выхода указанных программ в эфир. Кроме того, на организацию, осуществляющую теле- и (или) радиовещание, возлагается обязанность бесплатно предоставлять копии указанных радио- и телепрограмм по требованию избирательных комиссий, комиссий референдума.

Часть первая ст. 49 «Обязанности журналиста» дополняется пунктом десятым, обязывающим журналистов «соблюдать запрет на проведение предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума при осуществлении профессиональной деятельности».

В части второй ст. 59 «Ответственность за злоупотребление свободой массовой информации» за злоупотребление своими правами к уголовной и дисциплинарной ответственности журналиста, предусмотренными Законом о СМИ, прибавляется также административная ответственность. А ст. 60 «Ответственность за иные нарушения законодательства о средствах массовой информации» дополняется новым, пятым, абзацем, предусматривающим наступление ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о СМИ, выразившееся «в нарушении установленных законодательством Российской Федерации о выборах и референдумах правил проведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума, порядка и условий распространения материалов предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума».

В декабре 2003 г. формируется очередная, четвертая Государственная Дума, а в марте 2004 г. действующий президент Владимир Путин переизбирается на второй срок.

В связи с начавшимися за этим реформами по совершенствованию государственного управления и изменением структуры федеральных органов исполнительной власти полномочия по регистрации СМИ, относящиеся ранее к компетенции Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, возлагаются на Федеральную службу по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, входящую в состав вновь созданного Министерства культуры и массовых коммуникаций[21]. В июне 2004 г. депутатами Государственной Думы

[21] Постановление Правительства РФ «О Министерстве культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 22 июня.

четвертого созыва (2003—2007 гг.) в ст. 8 «Регистрация средства массовой информации» Закона о СМИ вносятся соответствующие изменения[22]. Тем же законом признается утратившей силу ст. 29 «Обязательные экземпляры» Закона о СМИ и вносятся изменения в ст. 54 «Распространение зарубежной информации», в которой полномочия по выдаче разрешения на распространение продукции зарубежного периодического печатного издания, из ведения Министерства печати и информации Российской Федерации передается в ведение «уполномоченного федерального органа исполнительной власти, определяемого Правительством РФ».

Следующее изменение в Закон о СМИ вносится в августе того же года. Оно было связано с необходимостью приведения Закона о СМИ в соответствие с другими ранее принятыми нормативными правовыми актами[23]. Формальным поводом для этого становится принятие Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». Изменения затрагивают одновременно десять статей Закона о СМИ. В частности, в ст. 5 «Законодательство о средствах массовой информации» уточняется, что законодательство Российской Федерации о СМИ состоит из Закона о СМИ и издаваемых в соответствии с ним иных нормативных правовых актов Российской Федерации. Таким образом, законодатель допускает дальнейшее расширение перечня нормативных актов, составляющих законодательство о СМИ, призванных регулировать деятельность СМИ.

В статье 7 «Учредитель» Закона о СМИ, где было указано, что «учредителем (соучредителем) СМИ может быть гражданин, объединение граждан, предприятие, учреждение, организация, государственный орган», исключаются слова «предприятие» и «учреждение» с учетом того, что слово «организация» шире и включает в себя оба эти понятия. Кроме того, в ст. 8 «Регистрация средств массовой информации» изменяется название государственного органа, уполномоченного зарегистрировать СМИ: им становится уже упомянутая Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия и ее территориальных управлений, расположенных практически в каждом субъекте РФ. Ранее такими полномочиями были

[22] Федеральный закон от 29 июня 2004 г. № 58-ФЗ // Российская газета. 2004. 1 июля.

[23] Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ // Российская газета. 2004. 31 авг.

наделены межрегиональные территориальные управления Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

В статье 12 «Освобождение от регистрации», в которой речь идет об освобождении от регистрации СМИ законодательной, исполнительной и судебной власти, созданных исключительно для издания ими своих официальных сообщений и материалов, нормативных и иных актов, раздельное перечисление ветвей власти: законодательная, исполнительная и судебная объединяется под единым названием — «государственная власть». Отдельно указываются также «органы местного самоуправления», которые наряду с органами «государственной власти» освобождаются от регистрации СМИ, создаваемых для своих официальных сообщений и материалов, нормативных и иных актов.

Тем же законом признается утратившей силу статья 30 «Федеральная комиссия по телерадиовещанию» Закона о СМИ, порядок формирования и деятельность которой должны были регулироваться так и не принятым федеральным законом.

Федеральная комиссия по телерадиовещанию и территориальные комиссии, указанная в ст. 31 «Лицензия на вещание» Закона о СМИ в качестве органа, наделенного правом лицензировать деятельность электронных СМИ, как и указанная в ст. 32 «Аннулирование лицензии» «Комиссия по телерадиовещанию» заменяются «Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации».

Аналогичный федеральный орган наделяется также в соответствии со ст. 54 «Распространение зарубежной информации» Закона о СМИ правом выдачи разрешения для распространения продукции зарубежного периодического печатного издания.

В пункте втором части первой ст. 61 «Порядок обжалования», где речь шла об обжаловании действий Комиссии по телерадиовещанию об аннулировании лицензии на вещание, «Комиссия по телерадиовещанию» была заменена также на «федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации».

Вносится очередное изменение также в ст. 35 «Обязательные сообщения» Закона о СМИ. На этот раз право потребовать от редакций государственных СМИ незамедлительно и на безвозмездной основе выпускать в свет (в эфир) оперативную информацию по вопросам пожарной безопасности, которое Федеральным законом от 27 декабря 1995 г. № 211-ФЗ принадлежало Государственной противопожарной службе МЧС, передается «федеральному органу исполнительной власти, уполномоченному Правительством Российской Федерации».

В связи с внесением изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части второй ст. 10 «Заявление о регистрации» Закона о СМИ понятие «регистрационный сбор» заменяется другим — «государственная пошлина»[24]. Соответственно в другой редакции утверждается ст. 14 Закона о СМИ. Она получает название «Государственная пошлина». Отныне все вопросы, связанные с государственной регистрацией СМИ, регулируется законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Кроме того, признаются утратившими силу часть вторая ст. 15 «Признание свидетельства о регистрации недействительным», часть третья ст. 19 «Статус редакции» и часть третья ст. 28 «Тираж», а из второго абзаца ст. 60 «Ответственность за иные нарушения законодательства о средствах массовой информации» исключается норма об ответственности за «уклонение от уплаты потиражного сбора», а также «повышенного регистрационного сбора».

Поправки, внесенные в Закон о СМИ в 2005 г., обусловливаются изменением законодательных актов Российской Федерации о выборах и референдумах и других законодательных актов[25]. В частности, ст. 57 «Освобождение от ответственности» Закона о СМИ дополняется частью второй, из которой следует, что «дословное воспроизведение в средстве массовой информации в период соответствующей избирательной кампании, кампании референдума агитационного материала, распространенного в другом средстве массовой информации, не является основанием для освобождения журналиста, главного редактора, редакции, иной организации, осуществляющей выпуск средства массовой информации, от ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах, если при дословном воспроизведении такого материала не соблюдены требования указанного законодательства, предъявляемые к опубликованию (обнародованию) агитационных материалов. Данное решение было продиктовано также Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О применении статьи 57 Закона о СМИ судами РФ»[26].

С июня по октябрь 2006 г. дважды вносятся изменения в ст. 4 Закона о СМИ. Первый раз это было связано с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О проти-

---

[24] Федеральный закон от 2 ноября 2004 г. № 127-ФЗ // Российская газета. 2004. 5 нояб.

[25] Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ // Российская газета. 2005. 26 июля.

[26] Российская газета, 2005. 15 марта.

водействии терроризму»[27], второй раз — с принятием Федерального закона «О рекламе» в новой редакции [28].

Часть первая ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» Закона о СМИ формулируется в новой редакции, более приближенной к деятельности СМИ: запрещается «распространение материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости». Это стало ответной реакцией на освещение некоторыми СМИ террористических актов, совершенных в некоторых регионах России, в которых ставится под сомнение эффективность деятельности некоторых правоохранительных органов.

Кроме того, указанная статья, состоящая из трех частей, дополняется двумя новыми. Из них следует, что «порядок сбора информации журналистами на территории (объекте) проведения контртеррористической операции определяется руководителем контртеррористической операции». Кроме того, «при освещении контртеррористической операции запрещается распространение в средствах массовой информации сведений о специальных средствах, технических приемах и тактике проведения такой операции, если их распространение может препятствовать проведению контртеррористической операции или поставить под угрозу жизнь и здоровье людей. Сведения о сотрудниках специальных подразделений, лицах, оказывающих содействие в проведении такой операции, выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии террористического акта, и о членах семей указанных лиц могут быть преданы огласке в соответствии с законодательными актами Российской Федерации о государственной тайне и персональных данных».

В октябре того же года в Закон о СМИ вносятся новые изменения[29], связанные, как уже было отмечено, с принятием Федерального закона «О рекламе» в новой редакции. В частности, в часть вторую ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» к средствам, воздействующим на подсознание людей и (или) оказывающих вредное влияние на их здоровье, было причислено также радио и иные технические приемы и способы распространения информации.

В части третьей указанной статьи, устанавливается запрет на распространение сведений о способах и методах разработки, изго-

---

[27] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.

[28] Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Российская газета. 2006. 13 марта.

[29] Федеральный закон от 16 октября 2006 г. № 160-ФЗ // Российская газета. 2006. 18 окт.

товлении и использовании, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, в том числе для наркотических средств и психотропных веществ, внесенных в специальный список, рассчитанный на медицинских и фармацевтических работников, наличие которых до этого допускалось Законом.

В июле 2007 г. в связи с внесением изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленные на совершенствование государственного управления в области противодействия экстремизму, в ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» вносятся новые изменения[30]. Часть вторая, в которой речь идет о запрете использования в специальных СМИ скрытых вставок, воздействующих на подсознание людей и (или) оказывающих вредное влияние на их здоровье, дополняется словами: «а равно распространение информации об общественном объединении или иной организации, включенных в опубликованный перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

В декабре 2007 г. избирается пятая Государственная Дума с полномочиями до конца 2011 г., а в мае 2008 г.а на четыре года Президентом России избирается Д.А. Медведев. Первые изменения в Закон о СМИ, принятые депутатами нового созыва и подписанные третьим президентом страны, вносятся в декабре 2008 г.

Новые изменения на фоне прежних поправок закона о СМИ выглядят как стремление власти к информационной открытости. Так, 25 декабря 2008 г. были внесены изменения в часть первую ст. 7 «Учредитель» Закона о СМИ[31]. В соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» учредителем печатного СМИ «может быть также орган местного самоуправления». Следует отметить, что органам местного самоуправления и раньше никто не препятствовал в создании своих СМИ. Однако если раньше в качестве учредителя они выступали как государственные органы, то сейчас в связи с разграничением

[30] Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ // Российская газета. 2007. 1 авг.

[31] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 281-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 дек.

полномочий между государственными органами и органами местного самоуправления возникла необходимость приведения Закона о СМИ в соответствие с вышеуказанным законом о местном самоуправлении.

Следующие и пока последние изменения Закона о СМИ, внесенные депутатами пятого созыва Государственной Думы и подписанные действующим президентом Д.А. Медведевым, производятся в феврале 2009 г., в связи с принятием Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Внесенные изменения регулируют порядок предоставления редакциям СМИ информации о деятельности органов власти. В статье 38 «Право на получение информации» Закона о СМИ указывается, что граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Государственные органы и организации, общественные объединения, их должностные лица предоставляют сведения о своей деятельности средствам массовой информации по запросам редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и в иных формах, слова «государственные органы и организации», были заменены словами «государственные органы, органы местного самоуправления, организации»[32]. Аналогичные изменения вносятся также в ст. 39 «Запрос информации» Закона о СМИ. В ней указывается, что редакция имеет право запрашивать информацию о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Запрос информации возможен как в устной, так и в письменной форме. Запрашиваемую информацию обязаны предоставлять руководители указанных органов, организаций и объединений, их заместители, работники пресс-служб либо другие уполномоченные лица в пределах их компетенции. В указанной статье слова «государственных органов и организаций», также заменены словами «государственных органов, органов местного самоуправления, организаций».

Кроме того, ст. 38 «Право на получение информации» была дополнена частью третьей: «Предоставление государственными органами, органами местного самоуправления информации о своей деятельности по запросам редакций, если такие отношения не урегулированы законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, регулирующим вопросы

[32] Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 10-ФЗ // Российская газета. 2009. 11 февр.

обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, в том числе к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Внесенные изменения в Закон о СМИ были восприняты представителями СМИ как стремление властей к информационной открытости государственных органов и органов местного самоуправления.

В 2010 г. в Закон о СМИ не было внесено никаких изменений. Однако следует отметить, что Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений в статьи 38 и 39 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» вступил в силу 1 января 2010 г. Вместе с тем 2010-й год можно считать одним из значимых для приведения к единообразию правоприменительной практики в сфере СМИ.

15 июня 2010 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”»[33] в целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства, касающегося свободы массовой информации и разрешения вопросов, возникающих у судов при его применении.

Спустя почти двадцать лет, после принятия Закона о СМИ высший судебный орган страны общей юрисдикции, основываясь на международной и российской практике, разъяснил суть многих статьей Закона о СМИ, которые, безусловно, будут иметь большое значение для дальнейшего функционирования СМИ в России.

Обобщая хронологию изменений и дополнений Закона о СМИ, можно отметить, что к изменению Закона о СМИ имели отношение все президенты России и депутаты всех созывов Государственной Думы Российской Федерации Новейшего времени.

Как уже было отмечено, из двадцати изменений и дополнений:

— пять происходило при президенте Б.Н. Ельцине: четыре из них было принято депутатами первого созыва Государственной Думы (12.1993—01.1996), одно — при депутатах второго созыва (12.1995—01.2000);

— тринадцать происходило при следующем президенте В.В. Путине: шесть принято депутатами третьего созыва (12.1999—01.2004), семь — депутатами четвертого созыва (12.2003—01.2008);

— при действующем президенте Д.А. Медведеве и действующих депутатах пятого созыва (12.2007—01.2012) были внесены изменения и дополнения пока лишь два раза.

Из подвергшихся изменениям тридцати пяти статьей шесть были связаны со ст. 4 «Злоупотребление свободой слова»; по два —

[33] Российская газета. 2010. 18 июня.

со ст. 19 «Статус редакции» и ст. 31 «Лицензия на вещание». Утратили силу также две статьи (ст. 29 «Обязательные экземпляры» и статья 30 «Федеральная комиссия по телерадиовещанию»). В то же время были введены две новые статьи — 16.1 «Приостановление выпуска средства массовой информации за нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах» и 19.1 «Ограничения, связанные с учреждением теле-, видеопрограмм и организаций (юридических лиц), осуществляющих телевещание».

Безусловно, все внесенные в Закон о СМИ изменения были разными по своему значению для обеспечения свободы слова и свободы СМИ в России. В одних случаях их можно считать изменениями технического характера, направленными лишь на приведение отдельных терминов в Законе о СМИ в соответствие с действующим законодательством, в других — существенными, иногда неоднозначными и спорными, вызвавшими общественный резонанс. Вместе с тем их анализ показывает отношение власти, субъектов законодательной инициативы к СМИ, каковым являются Президент, правительство, депутаты ГД и Совет Федерации, и к оценке роли СМИ в обществе. Очевидно, что если субъекты законодательной инициативы с такой периодичностью обращаются к Закону о СМИ, значит, СМИ в России выполняют свою главную функцию: информируют общество и дают ему, как и власти, повод для размышления и действий.

Список литературы

Федотов М.А. Правовые основы журналистики // Труды по интеллектуальной собственности. М., 2001.

Поступила в редакцию
13.01.2011

И.А. Панкеев, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: iap2007@mail.ru

РОССИЙСКОЕ АВТОРСКОЕ ПРАВО XX века В НОРМАТИВНЫХ АКТАХ

В статье в историческом аспекте рассматривается формирование отношения к интеллектуальной собственности в XX веке, анализируются особенности государственного подхода к авторскому праву в советский период, исследуются причинно-следственные связи, оказавшие влияние на современное состояние сферы интеллектуальной деятельности.

***Ключевые слова**: авторское право, издательство, государство, интеллектуальная собственность.*

The forming of attitudes to intellectual property in the XX century in historical aspect is considered in this article, analyzes the features of government approach to copyright in the soviet period, explores the causal relationships that influenced the current state on the sphere of intellectual activity.

***Key words:** copyright, publishing house, government, state, intellectual property.*

Развитие российского авторского права в XX в. подтверждает давние истины: во-первых, верно идет вперед тот, кто умеет оглядываться назад; во-вторых, проблемы настоящего всегда уходят корнями в прошлое; в-третьих, история повторяется. 20 марта 1911 г. в России был Высочайше утвержден Закон «Об авторском праве», который готовился по решению Государственного Совета четырнадцать лет (кстати, почти столько же готовилась и 4-я часть Гражданского кодекса РФ, посвященная правам на результаты интеллектуальной деятельности и вступившая в силу в 2008 г.). Сравнительный анализ показывает, что, во-первых, новейшее законодательство во многом повторяет дореволюционные нормы; во-вторых, что послереволюционное нигилистическое отношение к вопросам интеллектуальной собственности задержало развитие страны в этом направлении почти на 80 лет. Достаточно сказать, что в соответствии с Законом 1911 г. «авторское право на литературные, музыкальные и художественные произведения принадлежит автору в течение всей его жизни, а наследникам или иным правопреемникам его — в течение пятидесяти лет со времени смерти автора»[1]; к этой норме в России вернулись только в 1993 г., с принятием Закона «Об авторском праве и смежных правах». Не случайно многие исследователи (в частности, Е.А. Моргунова) отмечали: «Как

[1] Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Отдел I. 30 марта 1911. № 61. Ст. 560.

по содержанию, так и по уровню юридической техники он (Закон 1911 г. — *И.П.*) опережал нормативные правовые акты западноевропейских государств» [Моргунова, 2009, с. 24]. На основе этого закона с 1911 по 1915 г. были заключены двусторонние соглашения об охране авторского права с Францией, Германией, Бельгией, Данией. К сожалению, это прогрессивное и активно действовавшее положение было отменено сразу же после Октябрьской революции 1917 г. — вместе со всем Сводом законов Российской империи.

Советский период можно назвать временем доминирования государственной собственности и формирования нигилистического отношения к собственности частной, в первую очередь — интеллектуальной, под которой понимается имущественное (исключительное) право автора использовать результат своей интеллектуальной деятельности по своему усмотрению любым способом: разрешать или запрещать воспроизводить, распространять, переводить, публично исполнять, сообщать в эфир или по кабелю и т.д. Если Декретом ВЦИК «О государственном издательстве» от 29.12.1917 г. Государственной комиссии по просвещению разрешалось объявлять государственной монополией до пяти лет (в 1922 г. Наркомпрос продлил этот срок еще на 5 лет. — *И.П.*) сочинения, срок охраны которых истек и рекомендовалось «воспользоваться этим правом по отношению к корифеям литературы, творения которых перейдут согласно настоящему закону в собственность народа»[2], то последующие документы или практически отменяли сам институт авторского права, или существенно ограничивали его (особенно в части наследования прав). В этом ряду значатся такие нормативные акты как «Об издании сочинений русских писателей» (1918), «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» (1918), «Об отмене наследования» (1918), «Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях» (1919).

Одновременно Совнарком принял Постановление о расторжении существовавшей с 1913 г. литературной конвенции России с Германией (1918) «как противоречащей происшедшим во время войны изменениям», хотя ст. 4 Русско-германского дополнительного договора к Брест-Литовскому мирному договору позволяла не только отказываться от предшествующих соглашений, но и в некоторых случаях заключать новые.

Суть перечисленных и иных декретов и постановлений правительства в итоге сводилась к ограничению прав авторов и их наследников, к монополии государства в этой сфере, к снижению

[2] Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 297.

роли и возможностей частных издательств. Так, в результате отмены наследования отменялся и сам принцип перехода к наследникам исключительного права на произведения литературы, науки и искусства, поскольку, во-первых, «наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется. После смерти владельца имущество, ему принадлежавшее (как недвижимое, так и движимое), становится государственным достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики» и, во-вторых, «настоящий декрет имеет обратную силу по отношению ко всем наследствам, открывшимся до его издания, если они еще не приобретены наследниками, или, хотя и приобретены, но еще не поступили в их владение»[3].

Государство разрывало прямые имущественные отношения между издателями и наследниками, присваивая себе функцию распределения финансов: теперь издатель должен был перечислять гонорар госучреждению, а уже потом госорганы сами решали, какую часть из полученных ими денег можно выдать наследникам. Это следовало как из Декрета «Об отмене наследования» («Размер подлежащего выдаче супругу и оставшимся родственникам содержания из имущества умершего определяется учреждением, ведающим делами социального обеспечения при губернских, а в Москве и Петрограде — городских Советах рабочих и крестьянских депутатов, по соглашению с лицами, которым предоставляется право на получение содержания, а в случае спора между ними, в общеисковом порядке местным судом»), так и — в еще большей степени — из Декрета «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» от 26.11.1918 г. В соответствии с последним достоянием РСФСР по постановлению Народного комиссариата просвещения могло быть признано любое произведение любого автора (как опубликованное, так и неопубликованное), равно как и гонорар, причитающийся после смерти автора; при этом все, что самим автором для обнародования не предназначалось (дневники, частная переписка и т.д.), теперь могло издаваться не только с согласия родственников, как это было ранее, но и с разрешения Народного комиссариата просвещения (наличие в ст. 4 слова «или» четко указывает на то, что при решении Наркомпроса обнародовать рукопись желание наследников не учитывается; к тому же право толковать, кто является близким родственником, имел единолично нарком просвещения). Нуждающимся и нетрудоспособным родственникам автора, чьи произведения признавались народным достоянием, полагалось лишь содержание в размере прожиточного минимума

[3] Декреты советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 187.

(и то только до введения всеобщего социального обеспечения). О том, что речь идет именно о монополии, свидетельствует сам текст документа, заключительная статья которого гласит, что за самовольное издание, распространение и публичное исполнение произведений грозит ответственность «как за нарушение государственной монополии».

В соответствии с другим декретом («Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях») отменялись все ограничения для государства, которые были заявлены бывшими владельцами архивов, хранящихся в публичных библиотеках и музеях. Иными словами, игнорировались как права наследников, так и выраженная в завещаниях воля «умерших писателей, художников, композиторов, ученых и др. деятелей науки, литературы, искусства и общественной жизни» и, более того, наследники лишались возможности влиять на процесс (время, место, объем и т.д.) обнародования хранившихся в данных архивах рукописей и писем, поскольку Декретом от 29.07.1919 г. устанавливалось, что «право первого издания таких архивов и всяких извлечений из них принадлежит Народному комиссариату по просвещению в лице соответственного отдела Государственного издательства»[4]. Таким образом, снимая ограничения для себя, государство вводило их для всех остальных, в том числе и для исследователей, которым теперь позволялось пользоваться архивами только «с особого каждый раз разрешения Народного комиссариата по просвещению».

Четкость проводимой государством политики в отношении интеллектуальной собственности подтверждает и Декрет Совнаркома от 10.10.1919 г. «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства». Трактуемый как освобождение авторов от кабалы дореволюционного закона, от эксплуатации издателями, как проявление социалистического правосознания, этот декрет отменял совершенные ранее сделки, предметом которых являлось отчуждение исключительного права. «Издатель теперь мог приобрести у автора только право на издание произведения; это право всегда было ограничено сроком. Теория «литературной собственности», корнями уходившая в старое общество, допускавшая «продажу» авторского права, была решительно и навсегда отвергнута Советским социалистическим государством»[5], — отмечали Б.С. Антимонов и Е.А. Флейшиц.

---

[4] Декреты советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 412.

[5] *Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А.* Авторское право. М., 1957. http://www.pravo.vuzlib.net/book_z202_page_7.html

Следует сказать, что в 2008 г. Россия и в этой части вернулась к дореволюционной норме, так как в ст. 1285 ГК РФ говорится, что по договору об отчуждении исключительного права на произведение автор или иной правообладатель передают это право в полном объеме приобретателю такого права. На первый взгляд Декрет 1919 г. «О прекращении силы договоров...» вполне демократичен, т.е. исключал зависимость автора от издателя; на самом же деле он лишал автора главного — возможности полностью, только по своему усмотрению, распоряжаться своей собственностью. Проблема не была снята и появившимся в 1925 г. разрешением уступать имущественное право без ограничения срока, так как круг организаций был ограничен подконтрольными государству.

В советский период упомянутые нормативные акты 1917—1919 гг. трактовались как направленные на обеспечение интересов народа, на заботу об авторах и наследниках, на недопущение нетрудового обогащения и т.д. Безусловно, идеологизированные трактовки были необходимыми в условиях доминирующей «социалистической идеи предпочтения общественного интереса интересам отдельного лица»[6], поэтому жестко критиковалась теория «литературной собственности» как закабаляющая авторов и позволяющая издателям за счет их «эксплуатации» получать баснословные доходы. Как писал В.И. Корецкий, «на первый взгляд конструкция авторского права как права литературной (художественной, музыкальной) собственности была приемлемой для авторов, так как давала им возможность якобы свободного распоряжения продуктами своего творчества. Автору формально предоставлялось право использовать свое произведение и извлекать из него выгоду всеми законными способами. Однако автор, как правило, не имел своей типографии, книжного магазина, театра и т.д., а потому был вынужден за бесценок продавать или передавать на иных невыгодных условиях свое авторское право издателю, антрепренеру и другим предпринимателям» [Корецкий, 1959, с. 16]. При этом не уточнялось, что после революции автор тем более не мог иметь ни типографии, ни магазина, поскольку они переходили (или могли перейти) в собственность государства. Даже уже отпечатанные тиражи могли быть изъяты по воле властей, получивших такое право после подписания 20.04.1920 г. Декрета «О национализации запасов книг и иных печатных произведений».

Таким образом, обеспечив юридическое и идеологическое обоснования, государство планомерно и целеосознанно вытесняло из издательского дела частный сектор, тем самым значительно сужая для авторов возможность выбора. Для частных издательств вво-

[6] Там же.

дился особый (разрешительный) режим, закрепленный в принятом 12.12.1921 г. Совнаркомом Декрете «О частных издательствах», из которого следовал целый ряд ограничений — для издания произведений надо было получать разрешение в Госиздате или в губернских политпросветкомитетах (в противном случае издателя судили, а тираж изымали); Госиздат мог выкупить весь тираж по минимальной цене, практически оставляя частного издателя без прибыли; наконец, само функционирование частного издательства находилось в полной зависимости от воли Госиздата. К тому же, 18.01.1923 г. Наркомпрос РСФСР принял Постановление «Об объявлении государственной монополии на издание произведений некоторых писателей» (названо 47 фамилий: С.Т. Афанасьев, Л.Н. Андреев, С.Т. Аксаков, М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь, В.М. Гаршин, А.И. Герцен, Д.В. Григорович, А.С. Грибоедов, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Н.А. Добролюбов, В.А. Жуковский, В.С. Ключевский, С.М. Кравчинский, В.Г. Короленко, А.В. Кольцов, И.А. Крылов, М.Ю. Лермонтов, Г.Л. Лавров, Н.С. Лесков, Н.А. Майков, Н.К. Михайловский, Н.А. Некрасов, Н.С. Никитин, С.Я. Надсон, Н.П. Огарев, А.Н. Островский, А.С. Пушкин, Д.И. Писарев, Н.Г. Помяловский, К.Ф. Рылеев, Ф.М. Решетников, А.Н. Радищев, М.Е. Салтыков, К.А. Тимирязев, Л.Н. Толстой, А.К. Толстой, И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев, Г.И. Успенский, А.А. Фет, Д.И. Фонвизин, Н.Г. Чернышевский, А.П. Чехов, П.Ф. Якубович).

Если прибавить к этому перечню еще 58 фамилий писателей, чьи произведения были национализированы в 1918 г., то станет ясно, что частные издательства обрекались на умирание, ибо право на издание этих авторов навсегда закреплялось за Наркомпросом.

Конечно, оставался сегмент, занятый издательствами кооперативов и некоторых общественных организаций, но, во-первых, он не мог сравниться с государственным и, во-вторых, государственное социалистическое регулирование уже имело столь мощные рычаги воздействия, что естественными стали их систематизация, обобщение и закрепление в едином законодательном акте, которым стало принятое 30.01.1925 г. постановление ЦИК и Совнаркома СССР «Об основах авторского права», которое устанавливало единое регулирование в этой сфере на территории всего Союза ССР. Теперь авторское право по общему правилу принадлежало автору в течение 25 лет со времени появления его произведения в свет за исключением отдельно оговоренных меньших сроков на ряд произведений — фотографических, хореографических, кинолент и др. (хотя отдельная статья посвящалась тому, что Правительство Союза ССР или правительство той союзной республики, на территории которой произведение впервые выпущено в свет или находится в виде рукописи, эскиза или в иной объективной

форме, оставляли за собой возможность выкупа авторского права на всякое произведение в принудительном порядке); устанавливался территориальный принцип, определялись объекты и способы использования, правила наследования, защита произведения от искажения.

В то же время в соответствии с этим нормативным актом не считались нарушением авторского права перевод чужого произведения на другой язык, пользование чужим произведением для создания нового произведения, существенно от него отличающегося; использование художественных и фотографических произведений в изделиях заводской и ремесленной промышленности и т.д. Неприясненными оставались вопросы соавторства, составительства, ответственности за нарушение авторских прав и др. В РСФСР (в данной статье мы не рассматриваем правовое положение в других республиках) это было учтено сначала в Постановлении ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 11.10.1926 г. «Об авторском праве», а затем и в одноименном постановлении от 8.10.1928 г., которые наметили частичный возврат к утраченным традициям (провозглашался не только территориальный принцип, но и принцип гражданства (что было в ст. 4 Закона 1911 г.), увеличивался до пожизненного (а в соответствии с союзным постановлением и на 15 лет после смерти автора) срок действия авторского права, устанавливался режим ответственности и т.д.), а также утверждалось и детально регламентировалось понятие типового издательского договора, определялись исчисление сроков выпуска изданий в свет, пределы свободного использования произведений, предоставлялось право регистрации произведений.

Прогрессивное в сравнении с нормативными актами первых послереволюционных лет, постановление 1928 г. все же содержало положения, сохраняющие потенциальную государственную монополию на «право перевода, а равно и самый перевод на русский язык литературных произведений, появившихся на иностранных языках, как в пределах РСФСР, так и за ее пределами» и на выкуп прав на любое произведение в принудительном порядке «на основе особого постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР, если данное произведение впервые было выпущено в свет на территории РСФСР или находится на означенной территории в виде рукописи, эскиза или в иной объективной форме».

В 1964 г. вступил в действие Гражданский кодекс РСФСР (текст впервые опубликован в издании «Ведомости ВС РСФСР», 1964, № 24, ст. 407), утративший силу только 01.01.2008 г. В течение 43 лет подвергавшийся многим редакциям, продиктованным изменявшейся действительностью (например, присоединением в 1973 г. Советского Союза к Всемирной (Женевской) конвенции об автор-

ском праве 1952 г.), ГК РСФСР (вернее, его 4-й раздел, посвященный авторскому праву), был основой для постановлений республиканского Совета Министров и многих ведомственных актов в этой сфере. С 1974 г. срок действия авторского права увеличился до 25 лет после смерти автора, считая с 1 января года, следующего за годом смерти; в редакции этого же Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 01.03.1974 г. стало признаваться и авторское право переводчика на выполненный им перевод (в Законе 1911 г. эта норма содержалась в ст. 36, а что касается реальной актуализации этого права с 1974 г., то в ст. 489 ГК также отмечалось: «Компетентные органы СССР могут в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР, разрешить перевод произведения на другой язык и выпуск этого перевода в свет с соблюдением в соответствующих случаях условий международных договоров СССР»).

Этот документ, как и все предшествующие, тоже закреплял за государством возможность в принудительном порядке (ст. 501) выкупать у автора и наследников авторское право на издание, публичное исполнение и иное использование произведения; при этом порядок и условия использования произведений, авторское право на которые выкуплено, устанавливался Советом министров РСФСР. Могло быть объявлено достоянием государства и любое произведение, в отношении которого истек срок авторского права; порядок использования таких произведений тоже устанавливался Советом Министров РСФСР.

Слишком широко, в ущерб интересам автора, ГК РСФСР разрешал свободное использование произведений, т.е. без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения. Если дореволюционный закон допускал в газетах, журналах и прочих повременных изданиях «перепечатку из других повременных изданий известий о текущих событиях, о новостях дня», и однозначно запрещал «постоянные из одного и того же издания перепечатки», то ст. 492 ГК разрешала свободное воспроизведение в газетах даже «выпущенных в свет произведений литературы, науки и искусства в оригинале и переводе» и «воспроизведение в кино, по радио и телевидению публично произнесенных речей, докладов, а также выпущенных в свет произведений литературы, науки и искусства». Воспроизведением считалось также транслирование по радио и телевидению публично исполняемых произведений непосредственно из места их исполнения. К тому же позволялось свободно воспроизводить произведения в сборниках «в объеме, не превышающем в общей сложности одного авторского листа из произведений одного автора», а также «использовать чужое изданное произведение для создания нового, творчески самостоятельного произведения, кроме переработки повествовательного произведения в дра-

матическое либо в сценарий и наоборот» (последнее положение и до революции не считалось нарушением авторского права).

Как уже отмечалось, Кодекс 1964 г. утратил силу лишь 01.01.2008 г., хотя в этот период были приняты Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (1991), Закон «Об авторском праве и смежных правах» (1993), Гражданский кодекс Российской Федерации (1994), ряд ведомственных актов, Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (после принятия Закона 1993 г. положения ГК РСФСР имели силу при условии, что они не входят в противоречие с этим Законом).

Необходимость интегрирования новой России в мировое сообщество требовала соответствия отечественного законодательства в области интеллектуальной собственности международным нормам. Закон «Об авторском праве и смежных правах» в значительной мере способствовал решению проблемы. Авторское право теперь охраняется в течение 50 лет после смерти автора (напомним, что именно такой срок был установлен в России до 1917 г.); появилось разделение на имущественные и неимущественные права; детально прописывались правомочия автора; регламентировались правоотношения в области смежных прав; вводилось понятие организации, осуществляющей коллективное управление правами и, что важно, был признан приоритет международного права, а многие императивные нормы уступили место диспозитивным. Новеллами стали также право композиторов на вознаграждение за использование музыкального произведения при публичном исполнении аудиовизуального произведения, право доступа к произведениям изобразительного искусства и право следования и ряд иных положений. Заканчивался в этой сфере для России XX век знаковыми событиями — присоединением в 1995 г. к Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений и к Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве

Как видим, к концу XX в. Россия в сфере авторского права пришла к тем нормам (естественно, с объяснимыми и неизбежными изменениями), которые во многом существовали до революции. Правовой нигилизм и партийно-государственный монополизм существенно замедлили развитие общества в этом направлении. Одним из негативных последствий стало внедренное в сознание нескольких поколений неуважительное отношение к интеллектуальной собственности, основанное на непонимании ее сути. Уже в XXI в. были приняты дополнения к Закону 1993 г., удлиняющие срок охраны прав до 70 лет после смерти автора (в 2004 г.), а затем (в 2008 г.) вступила в действие и 4-я часть ГК РФ, сейчас активно обсуждаемая и дополняемая; подписана Римская конвенция

об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (2003). Не исключено, что к моменту выхода этой статьи в свет Россия станет членом Всемирной торговой организации (ВТО), для чего «подлежит изменению или уже изменено более 100 законов», так как «для стран-кандидатов является необходимым уже до вступления в ВТО предоставить надлежащую правовую защиту интеллектуальной собственности и обеспечить фактическое соблюдение стандартов ТРИПС» [Хохлов, 2008, с. 35].

Внимание, уделенное автором статьи нормативным актам первой четверти прошлого века, объясняется тем, что и сейчас есть вероятность повторения совершенных в те годы «перегибов», и тоже — под лозунгами заботы об обществе, о праве на доступ к информации и т.д. Безусловно, новые технологии, в частности Интернет, требуют новых подходов. Но на данном этапе они не должны строиться на присвоении кем бы то ни было права использовать интеллектуальную собственность без позволения ее владельца — автора, наследника или иного правообладателя. Исторический опыт показывает, что отрицание традиций редко приводит к прогрессу. Особенно, когда дело касается таких категорий, как «личность», «творчество», «собственность» и «права».

Список литературы

Корецкий В.И. Авторские правоотношения в СССР. Сталинабад, 1959.

Моргунова Е.А. Авторское право. М., 2009.

Хохлов В.А. Авторское право: законодательство, теория, практика. М., 2008.

Поступила в редакцию
11.01.2011

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Р.П. Овсепян, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ НОВОЙ РОССИИ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ)

В статье анализируется процесс формирования национальной прессы российских регионов, дается характеристика трансформации национальной журналистики последних 20 лет. Особое внимание уделено анализу современной этнической прессы в стране.

Ключевые слова: *региональная и национальная печать, тенденции формирования, особенности трансформации, национальное самосознание, этническая печать.*

The article describes the main processes of formation of the national press of Russian regions and characteristics of transformation of the national journalism over the past 20 years. A special place is occupied by an analysis of some aspects of the ethnic press in the country at the present stage.

Key words: *regional and national press, tendencies of formation, specifics of transformation, national self-consciousness, ethnic press.*

Два десятилетия минуло с той поры, как произошла дезинтеграция СССР. Минувшие годы связаны со строительством и развитием системы средств массовой информации новой России. В их структуре особое место занял широкий спектр общероссийских газет — общественно-политических и специализированных, призванных осуществлять масштабный информационный обмен на территории всей страны. Количество общероссийских газет к середине первого десятилетия XXI в. приблизилось к шести тысячам. За последние десять лет в общем объеме новой периодики, появившейся на рынке, общероссийские газеты занимают менее 15%, в то время как основную ее часть — более 70% — составляет региональная пресса: республиканская, краевая, областная, городская, районная.

В условиях разделения полномочий между центром и субъектами федерации многократно возросла роль информационных связей как внутри местных административных формирований, так и между ними, т.е. на региональном уровне.

Одним из институтов, обслуживающих их насущные информационные потребности является региональная журналистика. Она выступает в качестве своеобразного зеркала, отражающего жизнь

региона, и сильнодействующего катализатора, оказывающего преобразующее влияние на ее динамику. Будучи подсистемой российских СМИ, региональная журналистика располагает своей сферой распространения, определенным сочетанием административно-территориального, демографического и национального факторов, возможностью непосредственного включения в социальные процессы, происходящие в данной территориальной общности.

Региональный фактор распространения является, пожалуй, главным параметром, определяющим качественные и количественные характеристики региональной журналистики, а также организационные условия ее функционирования. Прежде всего, в отличие от общероссийской, федеральной прессы региональная журналистика обслуживает информационные потребности той читательской аудитории, которая ограничивается пределами данной части страны, а не всей ее территории.

Радикальные перемены в укладе общественно-политической жизни регионов обусловили соответствующие изменения многих социальных институтов, включая и средства массовой информации. Воздействие, которое оказывает на их функционирование новая политическая, экономическая и социальная ситуация, приводила, да и сегодня еще порой приводит к возникновению стихийно складывающегося «дикого» информационного рынка, неподвластного, к сожалению, цивилизованным нормам регулирования отношений в сфере производства и реализации журналистской продукции.

Новые правовые гарантии стали стимулом количественного и качественного роста региональной периодики, становления новой ее системы. Благодаря утвердившемуся институту учредителей расширяется спектр изданий на национальных языках, утверждается множественность в направлении региональных изданий, плюрализм их взглядов. Предлагается достаточно широкий выбор непохожих друг на друга, занимающих свою информационную нишу изданий.

Повышенное внимание к теме суверенитета как непременного условия будущего процветания региона или национальной республики, апелляция к чувству местного патриотизма, полемичность — все это достаточно надежные средства завоевания симпатий читателей, телезрителей, радиослушателей.

В структуре региональных средств массовой информации строилась, как их подсистема, пресса национальных республик и областей Российской Федерации. Ее формирование имело свои особенности. Но при этом она оставалась в русле общих закономерностей, проявившихся в условиях демократических преобразований и рыночных отношений в печати и электронных средствах массовой информации.

В середине 90-х гг. минувшего века в журналистике национальных образований в полной мере проявились *три основные тенденции* в функционировании института учредителей. *Первая* была связана с утверждением на рынке периодической прессы наиболее многочисленного типа изданий, выпускаемых коллективами редакций совместно с законодательными или исполнительными органами власти всех уровней. В национальных образованиях с участием государственных органов в среднем учреждено от 40 до 50% всех выходящих здесь газет. В Дагестане и Чувашии их почти половина, в Мордовии, Адыгее, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Алании) — более 40%. Исключением является Республика Татарстан, где данный тип изданий составляет всего 31%.

Государственную прессу Мордовии, в частности, кроме восьми общественно-политических и молодежных журналов, представляют газеты «Известия Мордовии», «Мордовия 7 дней», «Диагональ», «Эрзянь правда», «Мокшень правда», еженедельник «Вечерний Саранск», 23 городские и районные газеты, учредителями которых являются местные Советы депутатов и администрации городов и районов республики.

Проявлением *второй тенденции* в функционировании института учредителей в национальной журналистике стало многообразие его форм, открывших путь к появлению на рынке прессы все новых и новых типов и видов изданий. В качестве учредителей здесь выступают коллективы редакций и издательств, коммерческие и предпринимательские структуры, совместные предприятия, рекламные агентства, частные лица. Так, в журналистике национальных регионов практически сложились все структурные звенья системы средств массовой информации, позволяющие удовлетворить интересы различных слоев населения.

По интересам читательской аудитории, например, на первом месте стоят общественно-политические газеты. Это: в Татарии — «Татар иле», в Чувашии — «Хыпар» («Вести»), в Карачаево-Черкессии — «Жизнь», «Возрождение республики», «Народы Кавказа», в Кабардино-Балкарии — «Газета Юга», «Северный Кавказ» и др. Эти издания существуют за счет собственных доходов, что позволяет им считать себя независимыми. Хотя на деле эта независимость означает лишь дистанцированность от государственных структур, поскольку без их финансовой поддержки в выпуске и производстве изданий не обойтись. В силу специфики экономических и полиграфических условий в национальных регионах здесь лишь в незначительной степени получили распространение акционерные общества, крупные газетно-журнальные объединения и холдинги.

Учредительский корпус национальных региональных изданий способствует тому, что во многих городах республик и автономных

областей Российской Федерации издаются информационно-коммерческие издания. Дифференциация деловой прессы определяется ориентацией на различные категории читателей. Это и массовые рекламно-информационные издания, и издания для узкого круга специалистов в сфере бухгалтерского учета и банков.

Появились новые издания для села. Их содержание (в частности, выходящей в Казани газеты «Сам хозяин») отражает растущий интерес населения к профессиональной аграрной информации, фермерству, культуре животноводства, огородничества.

Третья тенденция в функционировании института учредительства, давшая о себе знать в национальных регионах страны в начале 1990-х гг. и положившая начало многопартийной печати в республиках Российской Федерации, не получила сколько-нибудь заметного развития в последующие годы. Речь идет об изданиях партийных, общественных, творческих и других корпоративных объединений и движений, выпускаемых на средства активистов и пожертвования сочувствующих. Многие газеты партийных организаций и объединений маломощны, не находят читательской аудитории, многие не выдерживают конкурентной борьбы. В республиках Поволжья, в частности, выходит всего 12 партийных газет: в Татарстане — 5, в Чувашии — 3, в Мордовии — 4. Из партийных газет, выходящих в Северо-Кавказском регионе, наиболее стабильное положение у органа карачаевской региональной народной организации «Джамагъат» («Общество»).

Полиэтничность российского общества требует признания права каждого народа на свой язык, свою культуру, знание истории своей области, страны. Рост национального самосознания, слитность исторических судеб коренного населения с родной землей обусловливают развитие прессы для населения коренной национальности и для других национальных групп, проживающих на территориях республик. Эта пресса способствует межнациональному сотрудничеству и выходит как на государственном для субъекта Федерации языке (преимущественно коренной национальности), так и на языке межнационального общения, а также на языках народов, проживающих в данной республике или области Российской Федерации. Возродился выпуск изданий для чувашской диаспоры Татарстана, Башкортостана, Ульяновской, Самарской областей. В Башкортостане издаются одна республиканская и две районные газеты на чувашском языке, а в Татарстане — республиканская газета «Сувар», газеты в четырех сельских районах. В Карачаево-Черкесии кроме газет на карачаевском и черкесском языках выходит периодика на абазинском — «Абазия» и на ногайском — «Голос ногайца» — языках. Таким образом, все четыре титульные нации имеют свои издания.

К концу первого десятилетия XXI в. в стране издавались газеты на 41 языках. В республиках Северного Кавказа, в частности, функционировало свыше 500 различных средств массовой информации, в том числе более 300 газет и журналов на русском, аварском, азербайджанском, лакском, лезгинском, кабардинском, кумыкском, осетинском, табасаранском, чеченском и др. языках. На каком бы языке ни выходили издания, они принимают деятельное участие в решении актуальных проблем, вставших сегодня во весь рост перед обществом.

В республике Северная Осетия (Алания) после непродолжительного кризиса, вызванного переходом к рыночным отношениям, упрочили свои позиции республиканские газеты «Северная Осетия», «Растдзинад», «Слово». Их журналисты пишут на самые разные темы, связанные с политикой, экономикой, реформами, экологией, фермерством, особое внимание они уделяли проблемам повышения общеобразовательного и культурного уровня народа.

Одним из важнейших принципов развития системы многонациональной печати, совершенствования ее структуры становится полное удовлетворение общественных потребностей каждой нации и народности Российской Федерации в периодике. В Сибири и на Дальнем Востоке существуют автономные округа и один национальный район. Но разработка и введение письменности в национально-территориальных образованиях не привели автоматически к зарождению периодической печати. До сих пор нет изданий на эвенкийском, эвенкском, корякском, нивхском и других языках малочисленных народностей, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке.

Для сохранения и развития национальных региональных СМИ государственные дотации остаются необходимой мерой. Они позволяют поддержать периодику, выходящую на национальных языках, которая в условиях информационного рынка оказалась неконкурентоспособной. Благодаря финансовой помощи государства существуют издания для детей, пенсионеров, инвалидов. Однако не исключено, что и при отсутствии прямого политического давления на республиканскую печать практика дотаций может выступать основным способом воздействия на издание.

Как бы там ни было, расширяющийся спектр национальных периодических изданий оказывает заметное влияние на морально-политический климат в национальной среде. Популярность национальных региональных изданий определяется их содержанием и нередко — социально-политической ориентацией. В Татарстане, например, среди местных газет самая большая аудитория имеется у газеты «Вечерняя Казань». Причины ее лидерства кроются в определенной оппозиционности, критической настроенности, высоком

профессионализме. Большой интерес у читателей вызывает и газета «Татарстан яшляре», отличающаяся смелостью позиций и сенсационностью материалов. Высокими тиражами выпускаются и газеты «Республика Татарстан» и «Ватаным Татарстан», имеющие свою читательскую аудиторию.

Двадцать лет функционирования многонациональной журналистики Российской Федерации в новых исторических условиях вызвал к жизни тенденции, во многом изменившие стереотипы, сложившиеся в недалеком прошлом. Трансформировалась не только система СМИ в национальных регионах, совершенно иным стало ее экономическое положение. Рынок, зависимость от рекламы, особенно в период перемен и кризиса, усилили тенденции к концентрации, к типологической дифференциации как периодической печати, так и электронных средств массовой информации.

Минувшие 20 лет для многонациональной журналистики новой России стали этапом трансформации ее системы в условиях заметного роста национального самосознания, повлекшего за собой усиление всех структурных звеньев СМИ в национальных, региональных и межрегиональных коммуникациях. Все очевиднее становится место и роль Интернета в структуре коммуникационных и информационных потоков национальных регионов. Одной из важнейших проблем в этой связи становится всестороннее осмысление взаимоотношений Интернета с традиционными СМИ. Вступает ли он в конкуренцию с ними или становится средством дополняющим их?

Многоаспектный характер проблемы отражает не только необходимость ее глубокого теоретического осмысления, включая неисследованный пласт теории межнациональных отношений, но и осмысление повседневных жизненных ситуаций, неразрывно связанных с национальной политикой государства. А она, к сожалению, до сих пор не совершенна.

Периодической печати, телевидению и радиовещанию отводится важное место в решении проблем, порожденных процессами, которые коснулись всех стран и континентов, всех народов. Одновременно с неизбежной унификацией идет рост национального самосознания. В полиэтничной России, состоящей более чем из 80 неоднородных по многим показателям субъектов Федерации, объективно вызывают к жизни тенденции установления интернационального образа жизни. Вместе с тем неизбежной становится и тенденция роста национального и культурного самоутверждения каждого народа. Перед журналистикой во весь рост встала проблема поиска путей сохранения индивидуальности в рамках единого общества.

Современному постиндустриальному обществу и современной культуре постмодернизма свойственен не просто мультикультуризм,

«диалог культур», но и растущее признание значимости уникальных, единичных и локальных проявлений культурной специфики. Окружающая нас реальная социальная и эстетическая действительность представляет собой пестрое соцветие самобытных культур, равноправных стратегий жизни и деятельности. Вместе с тем некоторые особенности современной цивилизации порождают вполне определенные общечеловеческие стандарты глобального характера.

Одной из серьезных проблем, волнующих всех сегодня, стали многочисленные вопросы, порожденные процессами глобализации. Они затронули все страны и народы, угрожая стиранию этнических различий. В то же время современный мир характеризуется стремлением высокообразованной части этноса к созданию новых национальных идей, с помощью которых можно выйти на новый уровень осмысления жизни этноса и межэтнических отношений. Национальная идея отражает политические приоритеты нации, цели ее существования и дальнейшего развития.

При таком подходе к рассмотрению глобализации неизбежной становится тенденция роста национального и культурного самоутверждения каждого народа. В этих условиях общественное призвание журналистики связано с поиском путей сохранения индивидуальности в рамках единого общества.

Два, казалось бы, внешне не связанных между собой процесса, происходящих в общественной жизни Российской Федерации, с одной стороны — глобализация, с другой — рост национального самосознания — заметно воздействовали на расширение возможностей средств массовой информации в проведении межэтнического диалога, гармонизации межнациональных отношений, усилении их роли в сохранении и развитии национальных культур и языков. Одновременно возросла их политическая и гражданская ответственность перед обществом в целом и перед каждым народом, проживающим в стране, в частности.

Изменения, происшедшие буквально во всех сферах жизни России в начале 1990-х гг., стали переломными как в развитии общества, так и в этническом самосознании народов, которое стало обостренным и уязвимым в нежелании потерять свою самобытность, свою культуру, свой язык.

В значительной части и ставропольских и северокавказских изданий, например о процессах, происходящих в этническом сознании проживающего здесь многонационального населения, либо умалчивается вообще, либо говорится вскользь, а порой даже с некоторым негативным акцентом. Умалчивается о том, что одновременно с процессами унификации идет рост национального самосознания. Вероятно, особое место в выступлениях прессы должна

занять тема сути и характера происходящих процессов. Современному обществу и современной культуре свойственны поиск и признание уникальной культурной специфики, малоизвестной широкой аудитории. Перед читателем, телезрителем, радиослушателем Мир должен представлять собой пеструю мозаику самобытных культур, равноправных стратегий жизни и деятельности. И как следствие — понимание того, что некоторые особенности современной цивилизации порождают вполне определенные общечеловеческие стандарты глобального характера.

Примечательно, что глобализация не исключает, а иногда даже подразумевает ее регионализацию. Недаром в прессе утвердилось суждение: «Говоря о глобальном, не забывай о национальном». Важно найти пути для выявления правильного баланса между этими двумя тенденциями. При этом в условиях роста национального самосознания основой возрождения этноса является не столько политика, сколько культура и, в частности, ее составляющая — средства массовой информации. Иными словами, через этнокультуру возможно осмысление места этноса в окружающем мире, сохранение и приумножение национальной культуры, традиций, нравственных и духовных ценностей

В Ставропольском и Краснодарском краях, на Северном Кавказе и в других регионах, где проживают представители десятков национальностей, объективно вызывается к жизни тенденция установления добрососедского образа жизни. В постановке вопросов добрососедства, межнациональных отношений, культуры межнационального общения неизбежной становится тенденция роста национального и культурного самоутверждения каждого народа. В этих условиях общественное призвание журналистики связано с поиском путей сохранения индивидуальности в рамках единого общества.

Многонациональный характер средств массовой информации способствует и содействует сближению народов, лучшему их взаимопониманию. Открывается путь не только к познанию. Появляется возможность терпимо, с пониманием отнестись к чужому мнению, к тем особенностям, которые присущи народу, живущему рядом.

В современной научной терминологии это положение вошло в нашу лексику как понятие «толерантность». Толерантность в межэтнических отношениях тема новая в нашей журналистике. Она возникла в конце XX в., когда начался процесс становления этнического самосознания народов, вызвавший к жизни их межкультурное и социокоммуникативное взаимодействие. В средствах массовой информации Северо-Кавказского региона, в частности тема межэтнической толерантности находит выражение в освещении ведущей роли социальной и культурной коммуникации. Идет межэтнический процесс взаимопонимания, который дал возмож-

ность, благодаря происходящим изменениям в политической и экономической жизни региона трансформировать как сами средства массовой информации, так и тематику их выступлений.

Толерантность межэтнических отношений, их формы и результативность зависят от умения слушать и понимать другого. И здесь перед журналистикой встает задача воспитания культуры межнационального общения.

Средства массовой информации РФ несут обширную информацию для населения страны. Свою специфику имеет региональная журналистика. Здесь информация разделяется на два потока: для коренного населения на родном для него языке и для проживающих здесь народов других национальностей. Понятно, что различные издания далеко не одинаково освещают и оценивают события политической, экономической, социальной и культурной жизни, как в стране, так и в регионе. Некоторые из них, особенно выходящие в национальных образованиях, провозглашая лозунги роста национального самосознания, ратуют за утверждение исключительности собственной нации, что неизбежно приводит к перекосам в сторону приоритета коренной национальности в ущерб другим народам, проживающим в регионе.

Широкий круг проблем, связанных с освещением национального вопроса, способствовал формированию в структуре СМИ Российской Федерации этнической журналистики. Появилось немало изданий, посвященных жизни и культурной деятельности землячеств, отдельных этносов, этнокультурным, этносоциальным проблемам. В трансформирующейся системе многонациональных СМИ Российской Федерации этническая журналистика занимает все более заметное место

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений роль и значение этноса в многонациональной стране в государственном строительстве, в международной политике. В наши дни эта роль наиболее отчетливо проявляется на фоне процессов, происходящих в любом национальном регионе. Одной из важнейших проблем, вставших перед прессой при освещении различных аспектов национальных отношений, стала необходимость изучения и учета того, как изменяются объективные истины, научные и исторические знания. Как они трансформируются, оказавшись на бытовом уровне, став частью обыденного сознания, частью этнокультурного процесса, воздействующего на поведение, умы и сердца людей. Проблемы межэтнических отношений в последние годы занимают все большее место в выступлениях печати, телевидения и радиовещания.

Журналистика и этнокультура открывают и продолжают открывать путь к взаимопониманию народов. В условиях заметной активизации этнополитических и этнокультурных процессов неизме-

римо возросло влияние печати на все сферы жизни общества, в том числе на межнациональные отношения и этнические процессы. Это стало возможным в силу роста самостоятельности средств массовой информации, усилению их инициативы и активности в постановке национальных проблем и выдвижении предложений по их решению. На смену сухим назиданиям, на страницы газет и журналов приходят живой диалог, плюрализм мнений, дискуссии, отражающие различные подходы к существующим национальным проблемам.

Сегодня повсеместно в Российской Федерации заметно растет количество этнических изданий. В 2010 г. типологически многообразная печать диаспор, этнических групп, национально-культурных автономий насчитывала более 750 изданий. Только в Москве их выходило около 40. Основная цель публикаций — воспитывать в сознании своих земляков культуру межнационального общения, умение сочетать свои национальные особенности с правилами жизни коренной национальности. Гостеприимный хозяин всегда надеется, что гость будет внимательным и с уважением отнесется к традициям и обычаям его семьи, не будет пренебрегать сложившимися здесь устоями.

Главное назначение этнической журналистики в том, чтобы помочь представителям различных национальностей успешно адаптироваться в новой среде, умело сочетать свои обычаи, традиции, правила поведения с устоявшимися нормами жизни коренного населения, которое по своей этнической структуре многонационально. Веками сложившаяся историческая многонациональная особенность России вызвала к жизни и многонациональный характер ее журналистики.

Не случайна поэтому особая роль региональных и национальных СМИ в глубоком осмыслении социальных, этнополитических, этнокультурных проблем, которые тесно связаны с процессами современного развития культуры каждого народа. Говоря о возможностях конкретной деятельности региональной периодики, телеканалов и электронных ресурсов сегодня, нельзя не учитывать их неразрывное единство и определенную зависимость от системы политических, экономических, социальных, культурных, национальных условий, сложившихся в том или ином регионе. Таким образом, вполне очевидно переплетение двух видов влияний: влияний, связанных с изменениями в системе ценностей внутри самой нации, и внешними влияниями, оказавшими воздействие на процессы формирования национального самосознания и в том числе национальной культуры.

Язык, просвещение, журналистика, литература, искусство все больше становятся средством взаимопонимания и сохранения мира

в стране, в каждом регионе. Сегодня это одна из самых животрепещущих тем, находящих отражение в СМИ, которые по своему характеру в нашем обществе являются многонациональными. И все же, в постановке вопросов добрососедства, межнациональных отношений, культуры межнационального общения еще слишком мало делают периодические издания национальных регионов. Остается невостребованным огромный творческий опыт, накопленный журналистикой в предшествовавшие десятилетия: сколько интересного и поучительного можно рассказать в материалах сменных полос, обменных страниц, не говоря уже объединенных номерах районных и городских газет, совместных репортажах с «Вечеров братских народов», ярких отчетах о «Днях поэзии»!.. Совместные усилия редакций газет способствуют не только усилению взаимопонимания народов, но и заметно влияют на рост читательской аудитории. Действующий совместный проект, например, сочинской «Курортной газеты» и ставропольской «Кавказской здравницы» убедительное тому свидетельство. В первый год их содружества тираж поднялся с 5 тыс. до 30 тыс. В минувшем году читательская аудитория расширилась еще на 10%.

Недавно по всей стране прошел Год семьи. Многими творческими находками отметила это событие национальная печать, подчеркивая многонациональный характер семей любого региона: там, где сплошь и рядом смешанные браки, там в семьях роднятся традиции различных народов, там воспитываются дети, впитывающие вместе с материнским молоком доброту и любовь к ближнему.

Одна из важнейших особенностей многонациональной российской журналистики — призвана рассказывать не только о жизни народа, на языке которого она издается, но и уметь видеть те особенности и традиции, которые роднят свой народ с другими. И здесь трудно переоценить ту роль и то значение, которое имеет русскоязычная пресса. Будучи языком межнационального общения, газеты и журналы на русском языке делают их более близкими и понятными для отдельных этнических сообществ и в то же время способствуют сохранению и развитию культуры и традиций народов, проживающих на территории региона.

При таком подходе к рассмотрению культуры межнационального общения неизбежной становится тенденция роста национального и культурного самоутверждения каждого народа. В этих условиях общественное призвание журналистики связано с поиском путей сохранения индивидуальности в рамках единого общества.

Особенности многонациональных средств массовой информации в том, что они позволяют народу коренной национальности познать не только самого себя, но и открывают колоссальные возможности для познания народов, живущих рядом, живущих в соседних регионах, познать их культуру, религию, обычаи, традиции.

Многонациональный характер средств массовой информации способствует сближению народов, содействует лучшему их познанию и взаимопониманию. Открывается путь не только к познанию. Появляется возможность терпимо, с пониманием отнестись к чужому мнению, к тем особенностям, которые присущи народу, живущему рядом. Одним из главных и массовых источников оперативной, общественно-политической и культурной информации для населения национальных регионов продолжает оставаться радиовещание.

Его структура в национальных регионах подразделяется на республиканское, городское и районное. Программы городских и районных редакций радиовещания оказываются наиболее приближенными к интересам слушателей. Радио является порой единственным источником информации о жизни города, района. Большую помощь местному радиовещанию оказывают телерадиоорганизации соседних регионов. Так, в районах компактного проживания в Татарстане чувашского населения местное радио специально для него выпускает различные передачи. В Ульяновске также выходят в эфир радио- и телевизионные программы для чувашского населения.

К сожалению, в последние годы разработка проблем роли и места радиовещания в политической и культурной жизни национальных регионов России как-то отошла на второй план. А зря. Функционирование радио способствует сохранению и развитию национальных языков, национальных культур. Ведь практически радиовещание почти во всех республиках Российской Федерации многонационально. На нескольких языках идут передачи, в частности в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее, Чечне...

Новые экономические условия активизировали творческий поиск коллективов телестудий национальных регионов. Заметны изменения содержательных структур телепрограмм. Отказавшись от глобального, всеохватывающего характера передач, Якутская, Казанская, Владикавказская и некоторые другие телестудии переориентировались на освещение местной жизни с ее историческими, географическими, экономическими, политическими и социокультурными особенностями.

К середине 90-х гг. минувшего века в национальных регионах сформировалась система государственного и коммерческого телевидения, для которого билингвизм стал нормой вещания.

В многонациональном государстве вряд ли можно обойтись без слов «взаимопомощь», «поддержка», «добрый сосед»... Вот здесь в полную меру и должна проявиться толерантность, которая позволяет объединять усилия, жить в дружбе и взаимопонимании. Только

средства массовой информации, формируя общественное мнение, имеют большие возможности, чтобы вселить в сознание масс мысль о том, что в обществе, вставшем на путь демократических преобразований, каждая нация должна не только уважать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность любого лица, относящего себя к той или иной этнической общности, но и создавать условия для выражения, сохранения и развития этой самобытности.

Для этнической журналистики активизация гражданской позиции становится приметой времени. Средства массовой информации в демократически ориентированном обществе все заметнее воздействуют на активизацию этнокультурных процессов, способствуют развитию национального самосознания, сохранению и развитию языков и культур, воспитанию толерантности и межэтнического взаимодействия народов.

В Российской Федерации функционирует более 50 национально-культурных автономий, что привело прежде всего к реализации закона «О национально-культурной автономии», принятого в 1996 г. Так, в Ямало-Ненецком автономном округе была учреждена единая тюркская национально-культурная автономия, объединяющая представителей проживающих здесь тюркоязычных народов: татар, башкир, азербайджанцев, кумыков и др. У национально-культурных автономий есть свои газеты, журналы, бюллетени, которые становятся средством воспитания культуры межнационального общения, средством предотвращения межэтнических конфликтов.

Читатели, телезрители, радиослушатели ждут от журналистов, освещающих различные аспекты этнической темы, правдивых материалов. К их выступлениям они особенно требовательны: поскольку не только верят словам и выводам журналиста, но и понимают их ответственность за сказанное и написанное слово. Это тем более важно при подготовке журналистских кадров в высших учебных заведениях, где контингент студенческой молодежи неизменно остается многонациональным.

Проблемы жизни, быта, традиций своего народа, самобытности его культуры, межэтнических отношений несомненно будут все больше находить освещение, как в федеральных, так и в региональных средствах массовой информации в демократически ориентированном обществе.

Поступила в редакцию
14.01.2011

А.А. Позина, соискатель кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: anna.pozina@gmail.com

ЭТНИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА. СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В статье дается анализ и характеристика современной ситуации в этнической журналистике России. Особое внимание уделено структурному разбору этнической периодики. Актуальность темы обусловлена прогнозируемым увеличением количества этнически ориентированных СМИ в ближайшие годы, повышением их значимости в общественных процессах в стране.

Ключевые слова: *этнические СМИ, межнациональные отношения, этническая идентичность.*

The article provides an analysis and review of a current situation ethnical journalism in Russia. The author pays special attention to the structural inquiry into ethnical print media. The relevance of the subject is determined by a forecasting increase of the number of ethnic-oriented mass media in next years, and the rise of significance of social processes that take place in Russia.

Key words: *ethnic media, interethnic relations, interethnic identity.*

Этнически ориентированные СМИ — это еще одно из явлений постсоветской России, слабо существовавшее и раньше. Но после распада бывшего СССР оно заметно активизировалось. Это газеты, журналы, теле- и радиоканалы, чьи материалы специально направляются их создателями на представителей одной или нескольких родственных этнических групп, на единоверцев, а иногда и на земляков — выходцев из национальных регионов страны. Эти каналы информации являются важным инструментом распространения в массовом сознании этнических ценностей, представлений и идей. Они способствуют сохранению и формированию этнического самосознания в этих группах, информируют их о важных для них событиях и целях и дают трибуну для обсуждения будущего этих групп в стране.

Однако, как считает известный исследователь этнической печати, докт. ист. наук, ведущий научный сотрудник ИЭА РАН В.К. Малькова, сам термин «этнические СМИ», а тем более «национальные СМИ» не совсем корректен, хотя уже вошел в обращение и в научной литературе, и в журналистике[1]. По мнению В.К. Мальковой, точнее было бы говорить «*этнически ориентированные СМИ*», или

[1] См.: *Малькова В.К.* Этническая пресса современной России // Этносфера. 2011. № 1. С. 5.

«*пресса этнических групп*». Но, несмотря на расплывчатость терминологии, дискуссии вокруг этих каналов массовой информации уже разворачиваются. Некоторые аналитики, например, считают, что этнические СМИ — «малозаметное и практически незначимое явление нашего времени». Действительно, так было в предыдущие десятилетия. По убеждению В.К. Мальковой, в последние годы ситуация УЖЕ изменилась, а будущее этнических СМИ и вовсе оптимистично. Доказательство тому — активно развивающиеся этномиграционные процессы во всем мире. Новые иноэтничные группы (а вернее — их элиты), разрастаясь в новых для них регионах естественно будут стремиться создавать и укреплять свои этносоциальные институты, в том числе и прессу. Об этом можно судить по зарубежному опыту развития этнической периодики. И в России также можно прогнозировать в ближайшие десятилетия увеличение количества этнически ориентированных СМИ, обновление их содержания, повышение их значимости в судьбах этнических меньшинств и в целом — в общественных процессах в стране [Овсепян, 2010, с. 5].

Обратимся к примеру Москвы. Москва, пожалуй, единственный субъект Российской Федерации, в котором на протяжении более 15 лет серьезно и последовательно занимаются проблемами межэтнических отношений, в том числе и вопросами этнических СМИ. Это позволяет проанализировать принципы работы и состояние этнической журналистики.

Материалы городской научно-практической конференции, проходившей 10—11 декабря 1999 г.[2], отражают состояние этого периода развития. В качестве главных отмечались проблемы неравномерности развития этнической прессы, обусловленные фактическим положением каждого отдельного этноса. Представители еврейских, азербайджанских, армянских и ряда других национальных объединений обладали возможностью найти спонсоров для издания своих этнических газет и журналов, в то время как менее многочисленные или финансово обделенные этносы такой возможности не имели. Процесс развития и в дальнейшем протекал противоречиво. Это объяснялось тем, что в соответствии с законом «О средствах массовой информации» изменились условия функционирования СМИ, основным из которых явился экономический рычаг воздействия на распространение информации. Таким образом, возможности популяризации и распространения изданий, а также решения финансовых вопросов через негосударственные источники финансирования оказались недоступны для большинства этносов и этнических объединений.

[2] Десятилетие национально-культурного движения в Москве: опыт и перспективы. М., 2000.

Согласно переписи 2002 г., в России проживает 176 этносов. К 2000 г. в России были зарегистрированы газеты и журналы на 59 языках российских этносов, хотя тогда, как и спустя 10 лет, количество изданий в принципе не отражает этническую структуру России. Более того, количество этнических изданий сократилось, но точную цифру сейчас не знает никто, поскольку издания, выходящие тиражом мене 500 экз., не подлежат обязательной регистрации. К настоящему времени заняли прочные позиции газеты, издаваемые при посольствах и постпредствах, разумеется, далеко не всех. Однако в целом общей базы данных этнических СМИ не существует. Это связано с определенной невостребованностью этнической прессы в рамках своего этноса и отсутствием интереса этнических объединений к деятельности этнической журналистики. Сокращение спроса вызвано, с одной стороны, отсутствием внятной концепции изданий, оснащения их новостными материалами, фактическими данными и пр., а с другой — возрастающей ролью русского языка в качестве языка межэтнического общения.

Нельзя не отметить, что сами этнические общности, их элиты и активисты хорошо понимают общественную значимость своих СМИ в многонациональной России. Поэтому этнические лидеры и их спонсоры особенно внимательны к своим этническим изданиям. Они не только создают и опекают подобные издания, но используют их для просвещения, для защиты прав соплеменников, для их сплочения, для мобилизации их на коллективные действия. Например, руководители азербайджанской диаспоры в России ставят перед собой задачу *пропагандировать, рекламировать и всеми возможными способами продвигать* газету «Азербайджанский конгресс». Причем, по словам руководителей диаспоры, *важно не только заметно увеличить ее тираж* (в настоящее время это 7000 экз.), но и *существенно расширить ее влияние в России и в сопредельных странах*. Лидеры диаспоры видят перспективы развития этого издания «в выходе его и на общеевропейский, и в какой-то мере — на общемировой уровень — в Германии, Франции, Великобритании, Америке», где также проживают азербайджанцы.

Кроме этнических функционеров довольно пристально в последнее время присматриваются к этому каналу и политики — региональные и федеральные, ведь хорошо организованные и подготовленные с помощью СМИ группы россиян любой национальности — это важная для них часть электората. Поэтому определенная политизация этнических изданий в России уже не вызывает сомнений исследователей, например в газете «Азербайджанский конгресс» перед последними выборами президента России давалась информация о встречах и собраниях «этнической общественности». Газета подчеркивала необходимость поддержки *плана Вла-*

димира Владимировича Путина и его команды, а также поддержки кандидатуры Дмитрия Анатольевича Медведева и других кандидатов «Единой России»[3]. Поддержку курсу новой России и новому президенту высказывали и другие издания, в частности «Еврейские новости»[4].

Очевидно, что общественное значение этнической прессы в наши дни немалое. Однако существует ряд проблем. До сих пор в стране нет даже приблизительной статистики этнически ориентированных СМИ (в том числе и печатных изданий). Нет более-менее их полных архивов, мало мест, где можно найти и приобрести эти издания. Каждая этническая группа заботится лишь о своей периодике, что вполне естественно. Но все это, безусловно, затрудняет дальнейшую работу по их всестороннему изучению. Должен быть создан некий государственный центр, собирающий, сохраняющий и исследующий этот богатейший источник информации о жизни многонациональной России. Данные, приведенные в этом исследовании, являются результатом настоящего поиска. Они собраны на основе общения с журналистами и этническими активистами, личных архивов таких изданий и ответов на запросы из регионов и министерств по печати. На базе собранных материалов можно сделать выводы.

• Есть попытки выявить этнические СМИ посредством Всероссийского конкурса на лучшее освещение темы межэтнического взаимодействия народов России и их этнокультурного развития, где кроме федеральных, региональных, участвуют и этнические средства массовой информации, а также через проведения различных форумов и круглых столов. Так, в марте 2010 г. в день открытия XIII Национальной выставки-ярмарки «Книги России» впервые был организован форум «Народы и культуры в зеркале российских СМИ и литературы». Форум прошел при поддержке Федерального агенства по печати и массовым коммуникациям, где агентство распространило список СМИ, освещающих вопросы этнотематики. Однако и в нем среди 165 наименований не выделены этнические СМИ.

• За последние десять лет в крупных городах, регионах России стали активно действовать Дома дружбы и Дома национальностей[5]. Главным образом при этих структурах встречаются редакторы этнических СМИ, готовые заявить о существовании своих изданий, представить их общественности в надежде на возможное финансирование госструктурами, спонсорами.

---

[3] Азербайджанский конгресс. 2008. № 10.

[4] Еврейские новости. 2008. № 8.

[5] Организационно-методические основы деятельности Домов национальностей. Информ. Бюл. 2010. № 13. С. 33—35.

Так, при ГУ «Московский дом национальностей», по утверждению руководства, аккредитовано 50 изданий. Существует и пресс-клуб Московского дома национальностей, члены которого ставят своей главной целью объединенными усилиями вести поиск финансирования и распространения своих изданий.

Рассмотрим некоторые московские издания.

Возглавляет список вышедший в 1996 г. журнал «**Этносфера**» — основоположник этнической журналистики РФ. Ежемесячный информационно-аналитический и просветительский журнал «Этносфера» — первый в России журнал межнационального общения, ставший трамплином для возникновения в стране подобных этнических СМИ. Позиция журнала, его философская основа таковы: веками народы России жили вместе. Это они построили Великую Россию — люди разных национальностей, разных культур. В этом переплетении культур и судеб, во взаимопроникновении культур есть наше прошлое, настоящее и наше будущее. Главная цель редакционной политики — способствовать гармонизации межнациональных отношений, воспитанию толерантности сознания, консолидации российских народов, формированию уважения к ценностям культурного многообразия России и мира. Главные темы журнала: образование, культура, история, традиции народов России и мира. Тираж — 10 000 экз.

Функции общероссийского общественно-политического органа, отражающего интересы населения многонациональной России, также стремится выполнять «**Союзная газета**» — общественно-политическое издание для соотечественников России (учредитель и издатель: АНО Издательский дом «Реалист». Тираж 10 000 экз.).

Уделяет внимание важнейшим событиям в культурной и общественно-политической жизни народов бывшего СССР такое издание, как общественная газета «**Страна содружества**» (учредитель: Гуманитарный альянс «Содружество», издатель: Культурно-просветительский клуб «Бакинцы». Тираж 5 000 экз.).

В структуре этнической журналистики в последнее десятилетие все более заметное место занимают издания национальных диаспор, которые ставят своей задачей стать общероссийскими. Пример — газета «**Азеррос**» (издатель: ОАО «Медиахолдинг “Азеррос”». Тираж: 25 000 экз.), еженедельная общественно-политическая газета «**Азербайджанский конгресс**» (учредитель и издатель — общественная организация Всероссийский Азербайджанский Конгресс (ВАК). Тираж: 7200 экз.); независимая информационно-аналитическая международная армянская газета «**Ноев ковчег**» (учредитель и издатель: ООО «Ноев ковчег медиа». Тираж: 82 000 экз.).

Среди старейших газет национальных диаспор большим влиянием в читательской среде пользуются «**Международная еврейская**

газета» (учредитель: Танкред Голенпольский. Тираж: 15 000 экз.), еженедельная газета «**Еврейские новости**» (учредитель: Российский еврейский конгресс. Тираж: 3 000 экз.), газета «**Российские корейцы** "**РК**"» (учредитель: коллектив журналистов редакции, издатель: Общественное объединение корейцев (ООК); федеральная просветительская газета «**Татарский мир**» (учредитель: некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным». Тираж: 15 000 экз.).

Отмечается тенденция, что общественно-политические и культурно-просветительские СМИ того или иного этноса получают все большую поддержку в титульных республиках. Так, выходившая в Москве ежемесячная общественно-политическая и культурно-просветительская газета «**Татарские новости**», отметив свое 15-летие, в 2009 г. прекратила выход по решению спонсора издания.

Практически все землячества издают в Москве и регионах свою периодику. Например, «**Сябры**» — газета, объединяющая выходцев из Беларуси, ее друзей, единомышленников и имеющих белорусские корни (учредитель и издатель: Региональная общественная организация «Московский клуб белорусов»); «**Московская немецкая газета**» — независимая газета о Германии, России и немцах в мире (учредители: Г. Мартенс; Ассоциация общественных объединений «Международный союз немецкой культуры». Тираж 13 600 экз.); российская независимая общественно-политическая газета «**Лезгинские известия**» (учредитель: Федеральная лезгинская национально-культурная автономия. Тираж 15 000 экз.); «**Караимские вести**» (учредитель: Фонд М.С. Сарача).

В последнее время заметно желание посольств стран СНГ и постоянных представительств республик — субъектов РФ наладить выпуск собственных изданий. К примеру, «**Якутия сегодня**» (**Саха Сирэ**) — Вестник Постоянного представительства Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации (учредитель: Постоянное представительство Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации. Тираж 999 экз.). Иногда к выпуску привлекаются национально-культурные общественные объединения. Так, «**Москва — Алания**» издается Постоянным представительством Республики Северная Осетия — Алания при Президенте РФ совместно с национально-культурной общественной организацией «Московская осетинская община». Тираж 999 экз.).

Ассоциация чеченских общественных и культурных объединений, Межрегиональное общественное движение за развитие культурных и общественно-политических связей с Чеченской Республикой «Новое время», Общероссийская общественная организация «Союз возрождения мира и согласия в Чеченской Республике» (Союз народов Чечни) издают «**Объединенную газету**» (тираж 10 000 экз.).

Таблица 1

Газеты

№	Название	Тематика	Глав. ред	Тираж, периодичность	Издатель
1.	«Азербайджан»	Жизнь азербайджанской диаспоры в Татарстане, о выдающихся представителях народа, история, культура и кухня, современная жизнь Азербайджана.	Васиф Абдуллаев	1000 экз. 1 раз в месяц бесплатная	Азербайджанская национально-культурная автономия РТ «Азербайджан»
2.	«Иверия»				Национально-культурная автономия грузин РТ
3.	«Туганайлар» (Сородичи) — газета крещеных татар	Выходит на татарском языке с русскоязычным вкладышем. Единственное культурно-просветительское издание о кряшенах. Русский вкладыш предполагает концепцию «Этнографической мозаики», где отражается история, обычаи, традиции, обряды кряшен, рассказывается об известных личностях.	Зинаида Антоновна Белоусова	3000 экз. 2 раза в месяц	Агентство РТ по массовой коммуникации «Татмедиа»
4.	«Сувар» — чувашская республиканская газета	Освещает общественно-политические события, происходящие в республике а также публикует материалы по истории и культуре чувашей. Есть молодежный вкладыш для школьников «Шанкарав», а для читателей постарше — вкладыш «Сюнатла сямраклах».	Малышев Константин Анатольевич	5000 экз.	Правительство Татарстана

5.	«Дружба» («Туслах» — чув., «Дуслык» — тат.), издается на татарском, русском и чувашском. Районная	На страницах газеты отражается все, чем живет район, события, успехи, проблемы и радости. Информационное поле газеты включает в себя злободневные аналитические материалы, актуальную, оперативную и объективную доставку читателям новостей района и города.	Хайруллина Сакина Нурулловна, Нурлатский район, г. Нурлат	10 000 экз., 3 раза в неделю	Администрация района
6.	«Сельская новь» (Авыл таннары), издается на русском, татарском и чувашском. Районная		Фахретдин Шамсутдинович Шаяздан-нов	4000 экз	Администрация района
7.	«Знамя» (Ялав — чув.. Байрак — тат.) издается на русском, татарском и чувашском. Районная		Камалетдинов Гакиль Аряфетдинович	7000 экз.	Администрация района
8.	«Родной край» (Таван ен — чув., Туган як — тат.) издается на русском, татарском и чувашском. Районнная		Резида Ринатовна Замалтдинова	4000 экз.	Администрация района

Таблица 2

Журналы

№	Название	Тематика	Главный редактор	Тираж	Издатель
1.	Независимый бюллетень «Бара» (Свет)		А.В. Савва	Ежеквартально	Татарстанская ассирийская национально-культурная автономия и Общественная организация ассирийцев г. Казани «Бара» («Свет»)
2.	«Наш дом — Татарстан»	Общественно-просветительское издание. В нем нашли место публикации, касающиеся деятельности национальных диаспор, этнокультурной жизни народов Татарстана, интервью с ведущими специалистами по теории и практике межнациональных отношений как регионального и федерального уровней. Журнал рассказывает как о реализации национальной и миграционной политики в республике, так и об интересующих всех темах спорта, жизни известных людей Татарстана разных национальностей, молодежных проектах, секретах национальной кухни и многом другом.	Наталья Вяткина	1000 экз., 1 раз в квартал. Распространяется по госучреждениям, национальным общинам республики и воскресным школам. В планах — поставлять эти журналы и в обычные школы.	Ассамблея народов Татарстана

Отрадно, что в новой России появляются издания, выпускаемые землячествами стран СНГ. Среди них «**Украинские вести**» (учредители: ОАО «НПК “Интеллект-С”»; ООО «ТЭККонс». Тираж 10 000 экз.), «**Казахский язык**» (учредитель НКО «Казахский язык». Тираж 999 экз.), независимая газета на таджикском и русском языках «**Точикони Россия**» (**Таджики России**) (учредитель: Б.М. Эгамов. Тираж 5000 экз.).

Остановимся подробнее на структуре СМИ, освещающих вопросы этнокультурного развития в таком многонациональном субъекте РФ, как Республика Татарстан.

Таким образом, структура этнической журналистики РФ в минувшем десятилетии представлена изданиями следующего типа:

— всероссийские издания (ведущим остается журнал «Этносфера», другие издания возникли под его влиянием);

— издания национальных общественных объединений — национально-культурных автономий, землячеств («Татарский мир», «Российские корейцы», «Азеррос», «Азербайджанский конгресс»);

— издания при посольствах стран СНГ и постоянных представительствах республик — субъектов РФ («Москва — Тбилиси», «Якутия сегодня», «Москва — Алания»).

Список литературы

Овсепян Р.П. Многонациональная журналистика Российской Федерации (некоторые проблемы функционирования). М.: Ф-т журналистики МГУ, 2010.

Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008.

Поступила в редакцию
13.01.2011

РАЗДЕЛ III. НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

А.А. Антонов-Овсеенко, кандидат исторических наук, кафедра истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: antonov-ovseenko@mail.ru

ГАЗЕТЫ ПЕТРОГРАДА И МОСКВЫ В ПЕРИОД АКТИВНОЙ ФАЗЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В статье представлен анализ причин прекращения выпуска периодических печатных изданий Петрограда и Москвы в период Февральской революции. В качестве главной причины названы действия исполнительных органов власти старого режима, среди других причин — сами революционные события на улицах Петрограда, участие в которых принимали и типографские служащие. Представлены условия возобновления выпуска печатных изданий нового качества и действия, зародившиеся в ходе революции органов власти, направленные на регулирование вопросов печати.

Ключевые слова: *революция, демократия, свобода слова и печати, Временное правительство, Исполком Совета.*

The article sheds light on the causes of periodicals closure in Petrograd and Moscow in the February Revolution period. As a main cause the activity of tsarist regime executive bodies should be outlined. As another important cause of periodicals closure revolutionary developments in the streets of Petrograd and in the State Duma should be noted, in which a lot of people, including printers, took part. Conditions of appropriately modernized periodicals publication are suggested, movements of new government bodies begotten by revolution aimed to control the press issues are analyzed.

Key words*: revolution, democracy, liberty of speech and freedom of the press; Provisional government; executive Committee of Soviet.*

Цензурные ограничения, стеснявшие свободу слова в России в целом и налагавшие серьезные ограничения на периодическую печать, послужили среди прочего мощным катализатором событий в Петрограде в конце февраля 1917 г. Оправдываемые военным временем, но призванные на самом деле поддержать падавший авторитет монархии, ограничения эти вызывали нараставшее недовольство в обществе, причем как в среде интеллигенции и буржуазии, так и в среде рабочих, солдат и крестьян. В конце февраля в Петрограде произошел социальный взрыв, подготовленный многочисленными забастовками рабочих, вызванными в свою очередь недовольством условиями труда и недостатком продовольствия: забастовочное движение нарастало и охватывало все новые районы

Петрограда, бастовали также и женщины-работницы текстильных фабрик Выборгского района, с которых, по современным источникам, и началось главное выступление 23 февраля (8 марта) 1917 г. [Минаева, 2003, с. 40]; выступления же рабочих Путиловского завода считаются наиболее мощными. Старый режим пытался подавить эти выступления старыми же полицейскими методами, что в свою очередь вызвало еще большее недовольство, поддержанное уже войсками Петроградского гарнизона. К недовольству рабочих и солдат на улицах присоединилась депутатская деятельность по образованию новых органов власти внутри Государственной думы, причиной для которой в свою очередь послужил указ царя о прекращении заседаний Госдумы до 1 апреля, т.е. фактически о ее роспуске. В итоге участь старого режима была решена.

Одновременно с революционными событиями в Петрограде — уличными выступлениями и деятельностью думцев, в совокупности приведшими к коренным изменениям в стране и режде всего к смене политической системы, произошел перерыв в выпуске газет, разобраться с параметрами которого и призвана данная работа.

Причины прекращения выпуска газет: старая власть и печать

Документы, на основании которых в конце февраля 1917 г. был прекращен выпуск газет, и даже сам факт существования таких документов, указов или распоряжений, доподлинно не установлен. Однако оставшиеся от того времени сведения, прежде всего описывавшие происходящее газетные публикации, позволяют выделить несколько главных причин перерыва в выпуске периодических изданий в России в конце февраля — начале марта 1917 г.

Во-первых, выпуск распоряжений подобного рода — о прекращении выпуска газет — являлся прерогативой Департамента полиции Министерства внутренних дел, возглавляемого с 1916 г. последним царским министром А.Д. Протопоповым, известным своими верноподданническими убеждениями и жесткими мерами по отношению к критическим выступлениям даже и подцензурной печати. Примером таких мер может служить высылка из Петрограда в Иркутск в январе 1917 г., по личному распоряжению А.Д. Протопопова, одного из редакторов газеты «Русская воля» писателя А.В. Амфитеатрова: недовольству министра не помешало даже то, что газета эта выходила по инициативе самого А.Д. Протопопова, и он по меньшей мере не возражал против сотрудничества в газете ранее уже высылавшегося из столицы за свои антимонархические выступления в прессе А.В. Амфитеатрова. Однако исполнение этого наказания было прервано февральскими событиями, а сам писатель немедленно по возвращении в Петроград опубликовал в «Русской

воле» № 1 от 5 марта статью под заголовком «Невозвратное», в которой среди прочего говорилось: «Лечу отдать всю свою энергию, все свои силы в распоряжение новой великой России». Такую телеграмму отправил я три дня тому назад на имя М.В. Родзянко из Ярославля, в котором отбывал я, больной, перерыв в невеселом пути в Иркутск, куда соизволил, было, сослать меня г. Протопопов... Дальше Ярославля мне ехать не пришлось, потому что случилось именно как раз то, что... предсказывалось: прилетел революционный ураган и смял, и смел в реакции старого русского режима вся и все, а чуть ли не прежде всего именно вот этого самого удивительного г. Протопопова...»

Во-вторых, среди прочих действий старого режима 26 февраля на совещании у председателя последнего царского правительства Н.Д. Голицына было принято решение объявить Петроград на осадном положении, которое наряду с введением комендантского часа подразумевало ограничения на выпуск прессы.

В-третьих, уличные выступления во второй декаде февраля достигли такого масштаба, который сделал невозможным не только нормальное функционирование государственной власти, но и осуществление любой предпринимательской деятельности, в том числе работу типографий. Демонстрации переросли в столкновения с полицией, началась стрельба, в результате чего, по многочисленным свидетельствам, была прервана работа транспорта (даже трамваи прекратили движение к концу февраля в Петрограде), и стал невозможен подвоз сырья на заводы, а в типографии — бумаги для производства газет. Кроме того, типографские рабочие неминуемо принимали участие в выступлениях наряду с рабочими других предприятий, а в Москве, по некоторым данным, прекращали работу в связи с отказом издателей публиковать в газетах информацию о событиях в Петрограде [Овсепян, 1999, с. 25].

Наконец очевидно, что некоторые издатели на вполне добровольной основе прекращали выпуск газет из-за непредсказуемости обстановки и опасений насильственного закрытия изданий в случае осуществления публикаций о происходящем (за что вряд ли следует осуждать таких издателей, однако столь же необходимо отдать и дань уважения тем, кто не прекратил информирование общественности о происходящем).

Эти причины, связанные с широко известными объективными обстоятельствами, и послужили прекращению выпуска газет.

Кроме того, несмотря на уделяемое здесь первоочередное внимание перерыву в выпуске газет Петрограда и Москвы, отдельного упоминания заслуживает и ситуация с выпуском газет в провинциях Российской империи в феврале—марте 1917 г. Появились подтверждения, что со стороны старой власти были предприняты

специальные действия, быть может только не оформленные документально, по приостановлению выпуска печатных изданий в провинциях. Газета «Русское слово» в № 49 от 3 марта в выделенном курсивом заявлении от редакции (без заголовка) прямо сообщает о насильственном характере этих действий: «Вследствие технических затруднений, испытываемых типографией "Русского слова" в настоящие дни, мы лишены возможности напечатать в номере сообщения наших корреспондентов о событиях в Ярославле, Костроме, Харькове, Нижнем Новгороде, Царицыне и др. В некоторых городах уже состоялось присоединение к новому правительству. Арестованы губернаторы, полиция. В других губернаторы и жандармские власти все еще запрещают печатание агентских телеграмм и конфискуют газеты».

Новое качество российской печати

До сих пор было принято считать, что подцензурная печать не могла сообщать о том, что происходило на улицах Петрограда и в Госдуме: и оттого что многие газеты прервали выпуск, и потому что издатели продолживших выпуск газет не публиковали информацию из опасений их закрытия. Это верно лишь отчасти. Некоторые издания действительно прекратили выпуск надолго: период от четырех до семи дней в условиях быстро разворачивавшихся событий должен считаться длительным. Другие же прекращали выпуск всего на один-два дня, причем еще до перерыва успев сообщить о начавшихся в Госдуме межфракционных переговорах о созыве экстренного заседания.

Кроме того, в разгар революционных событий появились новые газеты, которые ставили своей задачей наиболее полное информирование общественности о происходящем.

Все эти действия необходимо отнести к появлению принципиально иного качественного состояния прессы в России — прессы, выходившей уже в условиях всех политических свобод, включая свободу слова. Появлению этого нового качества прессы сопутствовали следующие факторы и подробности.

Во-первых, что касается изданий, прекращавших выпуск лишь на незначительное время: две газеты — «Русское слово» в Москве и «Русские ведомости» в Петрограде остановили выпуск лишь на два дня, — 28 февраля и 1 марта, возобновив его уже 2 марта. При этом последний февральский выпуск «Русского слова», вышедший без порядкового номера с подзаголовком «Бюллетень 27 февраля», подробно рассказывал о межфракционных переговорах в Государственной думе по поводу созываемого вопреки указу царя экстренного заседания. В тот же день, 27 февраля, вышло и «Экстренное

приложение к № 47» (таков был подзаголовок названия) газеты «Русские ведомости», хотя и не сообщавший о переговорах в Госдуме, но обнародовавший важные подробности происходившего с печатной прессой в те напряженные дни: в сообщении под заглавием «Петроградские газеты» говорилось, что «Сегодня в Петрограде вышли только газеты “Свет”, “Земщина”, “Петроградские ведомости”, “Торгово-промышленная газета” и “Правительственный вестник”. Завтра газеты “День”, “Речь”, “Новое время”, “Биржевые ведомости” и “Русская воля” не выйдут». «Русские ведомости», таким образом, пополнили список изданий, не прекращавших выпуск по крайней мере до 27 февраля, но при этом отсутствует указание на источник информации и причины, по которым не вышли в свет другие газеты, а также ожидается их невыход далее. Очевидно, это были собственные, в некоторых случаях ошибочные сведения редакции, поскольку, например, последний февральский номер «Биржевых ведомостей» в действительности вышел в свет 28 февраля — вопреки утверждению «Русских ведомостей». Тем не менее газеты «Русское слово» и «Русские ведомости» стали фактически провозвестниками нового, свободного характера российской прессы.

Во-вторых, в разгар революционных событий начали выпуск новые газеты: 27 февраля, когда в Москве вышел последний февральский номер «Русского слова», а в Петрограде — «Русских ведомостей», в Петрограде в то же время уже вышел первый номер «Известий революционной недели», изданный Комитетом петроградских журналистов и выпускавшихся до 5 марта, когда большинство газет уже полностью возобновили выход в свет [Минаева, 2003, с. 40]; аналогичное издание — «Известия московской печати» увидело свет 1 марта [там же, с. 41], а 28 февраля вышел и первый номер «Известий Петроградского совета рабочих депутатов».

При этом инициативы профессиональных журналистских объединений по выпуску новых изданий немедленно получили поддержку их коллег из редакторского корпуса. В информации под заголовком «В Обществе редакторов», опубликованной в «Русском слове» № 50 от 4 марта, сообщается о такой поддержке, высказанной в ходе состоявшегося 2 марта заседания Всероссийского общества редакторов: «Выслушав доклад представителей совета общества об исполнении возложенного собранием 1-го марта поручения обратиться к исполнительному комитету Государственной Думы для принятия мер к обеспечению немедленного нормального выхода ежедневных газет, общее собрание вновь отмечает настоятельную для государственных интересов необходимость появления ежедневных газет и, позаботившись со своей стороны о преодолении возникших технических препятствий, поручает совету принять все

меры к осуществлению немедленного выхода газет. Приветствуя самоотверженное и стойкое выполнение профессионального долга, проявленное комитетом петроградских журналистов в нынешние исторические дни, общее собрание всероссийского общества редакторов ежедневных газет единогласно постановило поручить совету войти в переговоры с комитетом журналистов о порядке печатания "Известий" в целях наиболее широкого и равномерного их распространения».

В-третьих, всего через день-два, 2 и 3 марта, целый ряд газет — помимо «Русского слова», «Русских ведомостей» и новых изданий — возобновили выпуск, присоединившись таким образом к новой, свободной прессе, в частности московские газеты — «Утро России» (издание Партии прогрессистов П.П. Рябушинского), «Раннее утро», «Московский листок». В марте все возобновившиеся газеты уже подробно освещали происходящее, публикуя наряду с Манифестом об отречении от престола Николая II поименные списки Временного комитета Государственной думы и состава Временного правительства.

Замечательными представляются атмосфера, окружавшая возобновление выпуска старых изданий и появление новых газет, а также ажиотаж, возникший вокруг розничного распространения газет. Так, упомянутый выпуск «Русского слова» № 50 от 4 марта опубликовал «Обращение совета редакторов к читателям», в котором говорилось: «Всероссийское общество редакторов повседневных газет постановило обратиться к читателям газет, входящих в состав общества, со следующим воззванием: Злостное пренебрежение старого режима к священным интересам Родины привело к полному его крушению... Управление старого режима сопровождалось нарушением нормального порядка, расстройством всей жизни, которое вызывает тревогу, и возникновением самых чудовищных слухов... Стойко и организованно сплотимся вокруг Государственной Думы и дружно поведем настрадавшуюся Родину на светлый путь мирного развития». При этом реальное существование упомянутых в обращении «чудовищных слухов», служивших подчас причинами трагических инцидентов, наглядно подтверждается соседствующей публикацией под заголовком «Вздорные слухи»: «Среди населения Петрограда циркулирует слух, будто со Спасо-Преображенского лейб-гвардии собора сняты пулеметы, которыми якобы 3-го марта обстреливались войска, собравшиеся на площади для выслушания речей членов Государственной Думы Родичева и Назарова. Этот вздорный и совершенно ложный слух злонамеренно распространяется до сих пор, вследствие чего собор неоднократно подвергался обстрелу. Желая положить предел этому печальному явлению, я как член Государственной Думы и служащий при на-

званном соборе свидетельствую, что слух не имеет никаких оснований. Никаких пулеметов со Спасо-Преображенского собора никто не снимал, и таковых никогда там не было... Член Государственной Думы протоиерей Адриановский».

Тот же выпуск газеты «Русское слово» № 50 от 4 марта, богатый на важные для изучения проблемы перерыва в выпуске печатных изданий сведения, рассказывал, в частности и о том, какое влияние на увеличение спроса на информацию оказал этот перерыв. В заметке под красноречивым заголовком «Колоссальный спрос на газеты» сообщалось: «Сегодня в Петроград после долгого промежутка времени прибыли московские газеты с подробным изложением всех петроградских событий. Едва только поезд остановился, как к багажному вагону, в котором следовали газеты, бросилась толпа артельщиков. Началось форменное сражение, которое затем перенеслось к киоскам и магазинам. В течение нескольких минут московских газет не стало. Перед магазином Т-ва И.Д. Сытина на Невском стояла огромная толпа народа. Когда приказчик заявил, что все номера «Русского слова» проданы, начались протесты, и толпа только после того, как сама удостоверилась, что ни одного номера газеты не осталось, стала расходиться. Затем в течение целого дня московские газеты котировались, как биржевые бумаги: за номер платили 100 и даже 1000 рублей. У некоторых пунктов, где производился сбор в пользу революционных нужд, начался своеобразный аукцион. Сначала продавались стихи на смерть Распутина, затем обгоревшие бумаги из охранного отделения и другие реликвии реакции. У кафе «Пекарь» аукцион достиг грандиозных размеров. Один из номеров «Русского слова» был продан за 10 000 рублей, пожертвованных в пользу революции директором товарищества «Жест» Левенсоном. В течение целого дня в петроградское отделение газеты «Русское слово» обращался ряд учреждений с просьбами продать им номера газет, предлагая какие угодно деньги. Вообще следует отметить колоссальный спрос, который проявляет сейчас столица на произведения печати. Известия, выпускаемые комитетом петроградских журналистов, печатаются в количестве 2-х миллионов экземпляров и в течение нескольких часов расходятся».

Эта опубликованная в газете «Русское слово» заметка примечательна и тем фактом, что информацию о событиях в Петрограде до петроградской же общественности первыми донесли именно московские издания: следовательно, перерыв в выпуске печатной прессы коснулся прежде всего петроградской прессы и в меньшей степени — московской. И именно поэтому «Русское слово» И.Д. Сытина со штаб-квартирой в Москве практически не прекращало выпуска — в отличие от большинства петроградских изданий.

Кроме того, важными представляются и сведения об огромном даже и по меркам сегодняшних дней тираже «Известий революционной недели», — 2 млн экз., свидетельствующем о таком недостатке достоверной информации в разгар революционных событий, который в свою очередь, спровоцировал и громадный спрос на печатную прессу.

Достоверность сообщаемых «Русским словом» сведений об атмосфере возобновления выпуска прессы подтверждают и публикации других изданий. Можно было бы, например, заподозрить «Русское слово» в необъективном преувеличении окончательной стоимости продажи на аукционе одного из экземпляров газеты, но в точности та же цифра — 10 тыс. руб. — подтверждается и в публикации под заголовком «Аукцион московских газет», вышедшей в первом возобновленном выпуске «Биржевых ведомостей» № 16120 от 5 марта: «3 марта днем на улицах Петрограда после трехдневного перерыва появились в продаже московские газеты. Спрос на них оказался колоссальным. Этим воспользовались представители различных организаций, возникших в связи с событиями. В различных местах Невского московские газеты продавались с аукциона. У Гостиного двора на импровизированной трибуне стоит студент-технолог и объявляет: — Сегодняшний нумер московской газеты «Раннее утро» — цена 5 коп, — кто больше. — 2 рубля, — выкрикивает кто-то из толпы. 10 руб., 18 руб., 28 руб., — раздаются голоса из толпы. Нумер был продан за 50 рублей. В другом месте Невского пр. нумер «Русского слова» был продан за 10 000 рублей...»

Газета «Раннее утро» в № 48 от 2 марта в заметке «Свободное слово» в торжественной (впрочем, соответствующей моменту) стилистике также сообщает об атмосфере возобновления выпуска прессы и моральной ответственности профессионалов новой, свободной печати: «Сегодня — первый с давнишних пор день, когда печать получила возможность говорить свободным языком. Счастливый, радостный день! Вместе с прежним режимом умерли так называемые цензурные условия, эти ржавые цепи, в которые он заковывал свободное слово, в ослеплении своем не видя и не понимая, что тем самым кует гибель себе... Высказываться свободным языком — это не только право печати, всякое покушение на которое противно природе вещей: это обязанность всегда, а в такую пору, как переживаемая, — особенно. С этим правом, с этой обязанностью связана огромная ответственность, и мы глубоко убеждены, что в последней отдают себе отчет все, кто с пером в руке в меру отпущенных ему сил и разумения трудится над освещением текущей жизни и участвует в построении грядущего».

Печать и новые органы власти: меры Временного правительства и Совета

Одновременно с возобновлением выпуска ранее существовавших изданий и новыми газетами свою лепту в восстановление работы прессы привнесли в первых числах марта и новые органы власти, возникшие в результате Февральской революции в стенах Таврического дворца, где до того проходили заседания Государственной думы. До сих пор первостепенное внимание в аспекте изучения проблем возобновления выпуска прессы в феврале—марте 1917 г. уделялось деятельности Временного правительства, но не обсуждалось, насколько активной была нормотворческая деятельность Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

Первые шаги Временного правительства в направлении регулирования вопросов печати были предприняты на двух заседаниях 4 марта: на первом из двух заседаний было решено назначить П.П. Гронского комиссаром Временного правительства по Петроградскому телефонному агентству и «Вестнику Временного правительства» (быв. «Правительственному вестнику»); второе заседание ознаменовалось постановлением об упразднении Главного управления по делам печати [Архив новейшей истории России, 2001, с. 30]. Таким образом, Временное правительство фактически прекратило цензурный надзор за печатными изданиями, который при старом режиме и осуществляло упраздненное Главное управление царского МВД (цензура, однако, была упразднена лишь временно, подробности ее возобновления — предмет другого исследования). Широко известно и принятое Временным правительством постановление от 27 апреля, начинавшееся со слов: «Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается» [там же, с. 358].

Однако лишь недавно стало известно содержание решений Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, также направленных на регулирование выпуска печатной прессы (проблемы двоевластия и дублирования решений Временного правительства и Совета также являются предметом другого исследования).

Сначала в № 49 от 3 марта (в том же номере, в котором сообщается о запрещениях и конфискациях печати в провинциях) газета «Русское слово» публикует краткое сообщение под заголовком «Разрешение газет», свидетельствующее об активности в этом направлении Исполкома Совета: «Совет рабочих депутатов постановил разрешить выход газет, которые не будут противодействовать революционному движению».

За этим сообщением последовала публикация в № 9 «Известий Петроградского совета» от 8 марта под заголовком «Воспрещение черносотенных изданий»: «По постановлению Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов воспрещены к выходу все черносотенные издания (“Земщина”, “Голос Руси”, “Колокол”, “Гроза”, “Русское знамя” и пр.). Что же касается газеты “Новое время”, то ввиду того что редакция этой газеты стала выходить без предварительного разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов, то решено приостановить издание и этой газеты, впредь до особого распоряжения. Вместе с тем Исполнительным комитетом постановлено довести до сведения издателей газет и журналов, что без особого разрешения Исполнительного комитета выпуск изданий воспрещается».

Наконец в № 14 от 14 марта «Известия Петроградского совета» публикуют сообщение под заголовком «О выходе газет»: «В заседании 10 марта Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов постановил допустить беспрепятственный выход всех периодических изданий без различия направлений. При этом Исполнительный комитет, конечно, оставляет за собой право принимать соответствующие меры против изданий, которые позволят себе в переживаемую революционную эпоху вредить делу революции и свободы русского народа».

Оставив рассуждения о наличии или отсутствии у членов Исполкома Совета моральных прав на выбор критериев для оценки «вреда делу революции», следует отметить, что этот новый орган власти фактически самопровозгласил себя главным регулятором в деле выпуска печатных изданий. Это подтверждается и недавно обнаруженными «Удостоверениями» и «Разрешениями» на выпуск газет, которые счел для себя возможным выпускать Исполком Совета. В одном из таких «Удостоверений» от 4 марта, в частности говорится: «И.К.С.Р. и С.Д. не встречает препятствий к тому, чтобы приступить к работе по набору, печатанию, выпуску и распространению газеты “Правительственный Вестник” (подпись “Член Исп. Ком.” — без расшифровки, неразборчиво)»[1]. Подобные же удостоверения Исполком Совета выдавал в тот день издателю Касаткину на возобновление газеты «Голос Народа»[2], газете «Огонек»[3] и другим изданиям. При этом в течение одного дня 4 марта менялись и форма, и содержание выдававшихся «Удостоверений». Так, текст «Удостоверения», выданного газете на латышском языке «Новый... листок» (неразборчиво, от руки) был заполнен уже на типографском бланке Исполкома Совета с использованием маши-

[1] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 45. Л. 1.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Там же. Л. 3.

нописного базового текста «Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских депутатов не встречает препятствия к набору и печатанию...», далее от руки — какому изданию выдавался документ. Примечательно, что за также отпечатанным на машинке базовым текстом «...если таковая не противоречит интересам революционного движения» следует рукописная строка — «а типография — не газета одной из революционных организаций», что свидетельствует по крайней мере о том, что Исполком Совета располагал сведениями о случаях захвата типографий. Кроме того, этот документ отличает и разборчивая подпись члена Исполкома Петра Александровича[4]. На следующий день, 5 марта, Исполком Совета продолжил выдачу документов, причем иногда они выходили на бланках, в иных случаях — только с машинописным текстом и под заголовком «Разрешение».

Таким образом, пик возобновления выпуска печатных изданий приходится именно на эти два дня — 4 и 5 марта: помимо перечисленных изданий, получавших «Удостоверения» и «Разрешения» Исполкома Совета в течение этих двух дней, выпуск возобновили и крупная меньшевистская газета «День», которая демонстрировала начало «новой жизни» новой же нумерацией — 5 марта газета вышла под номером 1 (1573); в этот же день, 5 марта, вновь вышел в свет и официоз кадетов — «Речь» и другие издания.

Заключение

Первоочередной причиной прекращения выпуска газет в Петрограде и Москве в конце февраля — начале марта 1917 г. послужили действия старых властей, а также угроза таких действий, влиявшая на решения издателей о прекращении выпуска.

Кроме того, целый комплекс причин, вызванных обстановкой на улицах Петрограда, в том числе участие в забастовочном движении типографских рабочих, затруднения в работе транспорта, также провоцировали перерыв в выпуске печатных изданий.

При этом прекращение выпуска газет коснулось в первую очередь и наиболее масштабно Петрограда, в меньшей степени — Москвы.

Возобновление выпуска газет Петрограда и Москвы в качественно новых условиях свободы слова приходится на 4—5 марта 1917 г., причем наибольшую активность нормотворчества в области регулирования вопросов печати проявлял наряду с деятельностью Временного правительства Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов.

[4] Там же. Л. 4.

Разумеется, проблема прекращения выпуска печатных изданий Петрограда и Москвы в конце февраля — начале марта 1917 г. изложенным не исчерпывается, ее изучение будет продолжено.

Список литературы

Архив новейшей истории России // Журналы заседаний Временного правительства / Отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. Т. I—IV. М.: РОССПЭН, 2001, 2002, 2004.

Минаева О.Д. Февральская революция 1917 года и русская печать // Ученые записки. Вып. 2. Журналистика. М.: Изд-во УРАО, 2003.

Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Поступила в редакцию
11.01.2011

Н.М. Михалев, кандидат филологических наук, кафедра истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: nmihalev@yahoo.com

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЭМИГРАЦИИ В ПЕЧАТИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 1930-е гг.

Логика развития журналистики русского зарубежья в 1930-е гг. отражала процесс самоидентификации эмигрантов. К началу 1930-х гг. старые идеи были дискредитированы невозможностью изменить ситуацию в советском государстве. Настроения усталости и разочарования вынуждали эмигрантов отказаться от продолжения активной борьбы с большевиками. Этому также способствовало формирование новых политико-философских концепций, которые испытали на себе влияние советской контрпропаганды. Из предлагавшихся концепций развития эмигрантского общества, борьбы за Россию для большинства эмигрантов категорически неприемлемыми оказались левые и либеральные идеи. Их место занимала «правая», радикальная идеология.

Ключевые слова: *русская эмиграция, СМИ, большевики, пропаганда, фашизм.*

The logic of development of Russian emigrants' mass-media in 1930-th reflected process of emigrants' self-identification. To the beginning of 1930-th old ideas have been discredited by impossibility to change a political regime in Russia. Moods of fatigue and disappointment forced emigrants to give up the struggle against Bolsheviks. It was caused also by new political and philosophical concepts which had experienced influence of the Soviet counter-propaganda. While making decision what concept to choose for development of emigrants society and struggle for Russia, the majority of emigrants categorically rejected left-wing and liberal ideas. Their place was occupied with the right-wing, radical ideology.

Key words: *Russian emigrants, mass media, bolsheviks, propaganda, fascism.*

Итогом первого десятилетия Октябрьской революции явился громадный рост авторитета советской страны на международной арене. Современники отмечали эффективность проводимой большевиками в 1920-е гг. контрпропаганды, которая способствовала распространению в кругах европейской и американской интеллигенции так называемого «салонного большевизма» — «склонности сочувствовать большевистской революции и относиться пренебрежительно к ее жертвам» [Струве, 1996, с. 164]. Во многих странах набирало силу движение друзей СССР, что способствовало дальнейшему признанию советского государства иностранными державами. С укреплением его могущества связывали свои чаяния лучшие демократические силы всего мира [Кулешов, Волобуев, Пивовар, 1991, с. 323]. По их мнению, в пользу советской политической и экономической системы свидетельствовал тяжелейший

кризис, охвативший весь капиталистический мир в 1929 г. В начале 1930-х гг. в западной прессе появились сообщения о безработице, голоде, нищете, бесперспективности жизни в буржуазном обществе, занимавшие центральные места на страницах советской печати в 1920-е гг., [там же, с. 256].

В этот период проблема самоидентификации эмиграции зазвучала с новой силой. Постепенное признание Советского государства на международной арене наряду с проводимой в русском зарубежье сменовеховской и возвращенческой пропагандой, способствовало формированию у части русских эмигрантов лояльного отношения к советской власти и признания невозможным ее вооруженного свержения. Острота политической борьбы к концу 1920-х гг. притупилась: сказывалась усталость и неверие в возможность возвращения к старой России [Литература русского зарубежья..., 2004, с. 508]. В 1929 г. в докладных записках в ОГПУ один из руководителей Торгпрома С.Н. Третьяков, завербованный ОГПУ и НКВД, отмечал постепенный уход русского зарубежья и его печати с политической карты Европы: «Эмиграция потеряла какое-либо значение в смысле борьбы с советской властью и в смысле влияния на политику иностранных государств. <...> с ней никто не считается, ее никто не слушает, и те истины, которые она ежедневно повторяет в своей прессе, созданной на последние трудовые гроши старых беженцев (молодые русские газет не читают), никого не волнуют и не убеждают» [цит. по: Политическая история..., 1999, с. 142]. Большую роль в деморализации русского зарубежья сыграло похищение большевиками в 1930 г. главы РОВСа генерала А.П. Кутепова, а в 1937 г. — его преемника генерала Е.К. Миллера.

Для создания за рубежом «советофильского» общественного мнения большевики в 1930-е гг. продолжали использовать художественную интеллигенцию. Так, советскую идеологию пропагандировал М. Горький, который, судя по переписке с И.В. Сталиным, верил в необходимость скорой индустриализации и коллективизации, был «потрясен ловко организованными актами вредительства и ролью правых тенденций в них», деятельностью «промышленной» и «крестьянской» партии, «обрадован работой ГПУ, неутомимого и зоркого стража рабочего класса и партии»[1]. Писатель излагал лояльные большевикам взгляды на страницах советской и иностранной печати, организуя соответствующие публикации, в том числе в газете “Berliner Tageblatt” («Берлинер тагеблатт»)[2]. Свои

[1] Письма А.М. Горького И.В. Сталину от 8 января, 24 октября, 2 ноября 1930 г., 25 января, 7 сентября 1932 г., 28 февраля 1933 г., 2 августа 1934 г. // Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 124—125, 130—131, 167—170, 181, 188—189, 220—223.

[2] Письмо А.М. Горького И.В. Сталину от 7 сентября 1932 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 181.

публичные выступления М. Горький отправлял на одобрение И.В. Сталину[3]. Всемирно известный русский писатель в 1930-е гг. совместно с советским журналистом М.Е. Кольцовым занимался «широким объединением европейской интеллигенции»[4]. Летом 1935 г. по приглашению М. Горького СССР посетил французский писатель и общественный деятель Ромен Роллан, который после общения и начавшейся переписки с И.В. Сталиным оценил «историческую миссию СССР» и выразил «преданность идеям этой “ударной бригады” мирового пролетариата»[5]. В 1936 г. М. Горький предложил И.В. Сталину задействовать влиятельного французского писателя Жоржа-Андре Мальро[6], который, по мнению М. Горького, «глубоко понимал всемирное значение работы Союза Советов», а также что «организуя интеллигенцию Европы против Гитлера с его философией, против японской военщины, следует внушать ей неизбежность всемирной социальной революции»[7].

Заниматься советской пропагандой за рубежом был вынужден Б.А. Пильняк. Свою просьбу выпустить его за границу после развернувшейся в советской печати против него травли Б.А. Пильняк объяснял в 1931 г. И.В. Сталину тем фактом, что, «если б этот писатель заявил хотя б о том, что он гордится историей последних лет своей страны и убежден, что законы этой истории будут и есть уже перестраивающими мир, — это было бы политически значимо»[8]. В 1934 г. Б.А. Пильняк, обращаясь в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить поездку в Латвию, Эстонию, Финляндию, Швецию и Норвегию, обещал сделать «доклады в связи с продлением пактов о ненападении»[9]. Судя по письму писателя, эту идею поддерживал НКИД.

Следует отметить пропагандистскую активность за рубежом в 1930-е гг. М.Е. Кольцова, соответствующая деятельность которого

---

[3] Письмо А.М. Горького И.В. Сталину от 2 августа 1934 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 220—223.

[4] Там же. С. 301.

[5] Литературная энциклопедия. http://slovari.yandex.ru/dict/litenc

[6] Жорж-Андре Мальро (1901—1976) приобрел известность в 1925—1927 гг., действуя на стороне коммунистов против Чан Кайши во время гражданской войны в Китае. Китайские впечатления отразились в романе Мальро «Удел человеческий» (1933), который принес автору всемирную славу. Не разделяя идеи марксизма, Мальро активно выступал против наступления фашизма, возглавлял общественное движение за освобождение Эрнста Тельмана и Георгия Димитрова. Во время Гражданской войны в Испании командовал добровольческой эскадрильей на стороне республиканцев. цит. по: Википедия.

[7] Письмо А.М. Горького И.В. Сталину [не ранее 7—10 марта 1936 г.] // Власть и художественная интеллигенция. С. 300—302.

[8] Письмо Б.А. Пильняка И.В. Сталину от 4 января 1931 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 139—141.

[9] Письмо Б.А. Пильняка в ЦК ВКП(б) [ранее 15 мая 1934 г.] // Власть и художественная интеллигенция... С. 209.

осуществлялась, в том числе, по линии Объединенного журнально-газетного издательства (Жургаз) и Международного объединения революционных писателей (МОРП). Так, в конце 1935 г. Политбюро поручило М.Е. Кольцову взамен ликвидируемого МОРПа организовать ежегодное посещение Советского государства 10—12 иностранными писателями («для ознакомления с СССР»), а также начать издание «небольшого ежемесячного литературно-художественного журнала на немецком языке»[10]. Именно М.Е. Кольцову и М. Горькому было поручено организовать и возглавить делегацию советских писателей на Международный конгресс защиты культуры, который проходил в Париже 21—25 июня 1935 г[11]. В состав делегации вошли также А.Н. Толстой, И.Г. Эренбург, Н.С. Тихонов, Вс.В. Иванов, И.Э. Бабель и Б.Л. Пастернак[12]. При составлении маршрута поездки секретарь правления Союза советских писателей (ССП) СССР А.С. Щербаков предлагал И.В. Сталину направить советскую делегацию писателей в Париж через другую столицу русского зарубежья — Прагу, чтобы «организовать в этом городе выступления наших писателей»[13]. Весной 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение организовать в Испании Международный атифашистский конгресс писателей[14]. В состав организационной комиссии от СССР вошли «тт. Кольцов, Эренбург, Алексей Толстой и Вишневский». 16 июня 1937 г. Политбюро разрешило «трем членам советской делегации тт. Вишневскому, Толстому и Ставскому выехать в Испанию не позднее 20 июня, а всем остальным делегатам — 25 июня 1937 г., с заездом в Париж»[15].

Успехи СССР на международной арене и поражение оппозиции внутри ВКП(б)[16] заставляли непримиримое большинство русского зарубежья расстаться с надеждой на реванш и адаптироваться к новым условиям жизни, ассимилироваться в странах рассеяния. Следует отметить, что настроение временности вынужденного изгнания искусственно поддерживались и господствовали в русском зарубежье до начала 1930-х гг. Так, в 1931 г. на очередном общероссийском эмигрантском сельскохозяйственном съезде дали о себе знать признаки ассимиляции крестьян-эмигрантов в Латвии, Эстонии, Румынии и Чехословакии. Это было напрямую связано

[10] Там же. С. 300—302.

[11] Там же. С. 254—255.

[12] М. Горький в итоге на конгресс не поехал, объяснив свой отказ «состоянием здоровья».

[13] Власть и художественная интеллигенция... С. 256—257.

[14] Там же. С. 355.

[15] Там же. С. 770.

[16] В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) оппозиция («правый уклон») была окончательно разбита, а в 1928 г. Л.Д. Троцкий и большая группа его сторонников («левая» оппозиция) были сосланы в Алма-Ату.

с начавшейся в СССР коллективизацией сельского хозяйства [там же, 1999, с. 523].

Итальянский исследователь русского зарубежья Стефано Гардзонио отмечает, что изначально «представители русской эмиграции, с одной стороны, готовились или просто надеялись возвратиться на родину, а с другой, они стремились ассимилироваться, интегрироваться в культуру принимавшей их страны»[17]. Ассимиляция становилась одним из способов достижения материального благополучия, повышения социального статуса эмигранта. Такая тенденция не могла не отразиться на читательском спросе на русскую литературу и периодику.

Постепенно у эмигрантов пропадает интерес к политике, к некогда влиятельным общественным движениям и их печатным органам, которые все же пытались следовать за своей аудиторией. Именно во второй половине 1920-х гг. в ведущих политических изданиях появляется развлекательный материал. Так, «Последние новости» в 1925 г. начали публиковать на последней полосе газеты детективные рассказы[18]. Исследователь М. Раев отмечает, что некогда непримиримый борец с большевиками «Руль» в конце 1920-х гг. приобрел «налет провинциальности, сосредоточивая внимание на событиях местного значения, перепечатывая статьи и рассказы из других изданий и используя информацию местных и иностранных газет для сообщений о текущих событиях» [Раев, 1994, с. 108]. Политическая борьба в общей массе русского зарубежья переходила в область духовного служения[19].

«Несомненную склонность эмигрантской массы идти по пути наименьшего сопротивления» отметил в 1932 г. редактор-издатель журнала «Часовой» В.В. Орехов, который объяснял это усталостью эмиграции от политической борьбы и низким градусом надежд на реванш и возвращение в Россию[20]. В 1937 г. газета «Фашист» констатировала нацеленность русских эмигрантов на внутреннюю жизнь колонии, снижение интереса к борьбе с коммунистами[21]. Анализируя сложившуюся ситуацию, редактор «Руля» И.В. Гессен отмечал, что редакция, увлеченная политическими проблемами, не заметила изменений, произошедших с ее аудиторией, которая постепенно теряла интерес к событиям на родине, искала «отдох-

---

[17] *Гардзонио С.* Русская эмиграция и Запад. 2006. http://www.lfond.spb.ru/programs/likhachev/100/stenogrammi/stefano.html

[18] Последние новости. 1925. 28 февр. № 1487.

[19] См.: *Арсеньев Н.* Борьба за душу русского народа // Русский колокол. 1928. №3.

[20] См.: *Орехов В.* Мысли белогвардейца // Часовой. 1933. 15 марта. № 100.

[21] См.: *Шавернев Н.* Оплот рабоче-крестьянского сектора ВНРП в Южной Калифорнии // Фашист. 1937. Август—сентябрь. № 35.

новения от забот в разгадывании крестословиц (кроссворды. — *Н.М.*), в детективах» [Гессен, 1979, с. 144].

Лондонский корреспондент газеты «Руль» вообще отмечал, что «большинство <...> соотечественников начинают все менее и менее читать русские газеты» [цит. по: Ипполитов, 2004, с. 273]. Автор письма напрямую связывал снижение интереса к русским изданиям за границей с глубокой «денационализацией» русской эмигрантской молодежи. В то же время обозначенная проблема была шире. Шел процесс ассимиляции не только русской молодежи, но и значительной части эмиграции.

С другой стороны, по признанию И.В. Гессена, сама русская пресса была отчасти виновата в потере своего читателя. Редакции газет не смогли своевременно осмыслить качественные изменения, происходившие в эмигрантской среде. С первого до последнего дня своей издательской деятельности подавляющее большинство русских редакций оставались сугубо политизированными коллективами партийных единомышленников. Жить долгие годы борьбой и ожиданием было невозможно. Люди искали свое место в новом обществе, что подтверждается постоянным спросом на специальную и образовательную литературу. Новые принципы издания в 1930-е гг. эмигрантского печатного органа сформулированы в условиях, предъявляемых руководством Русского трудового христианского движения (РТХД) к создаваемой газете «Новый путь» (Женева, 1932—1940 гг.): «Газета не должна быть политической, но давать материалы о СССР. Она должна обслуживать профессиональные нужды трудящихся»[22]. Целевая установка в газете делалась на актуальный отдел — «профессиональное движение». В ней вводились крестословицы, конкурсы, иллюстрации, а также все, что могло вызвать интерес читателей и читательниц.

Таким образом, к середине 1930-х гг. количество русских издательств в Западной Европе «после изобилия их в начале 20-х гг. резко сократилось» [Струве, 1996, с. 139]. Система периодической печати русского зарубежья потеряла около 20 влиятельных газет и журналов, которые прекратили свое существование из-за отсутствия финансирования и читателей, а также из-за менявшейся политической ситуации в странах рассеяния, часть которых под нажимом советской дипломатии была вынуждена ужесточать цензуру и условия проживания оппозиционно настроенных по отношению к большевикам русских эмигрантов. Так, А.Ф. Керенский был вынужден закрыть знаменитые «Дни» (Берлин, Париж;

[22] Цит. по: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность Русского трудового христианского движения / Наука, культура и политика русской эмиграции. 2004. С. 37.

1919[23]—1922—1933), а его соратники-эсеры — журналы «Воля России» (Прага, 1920—1932), «Революционная Россия» (Таллин, Юрьев, Берлин, Прага; 1920—1931), «Социалист-революционер» (Париж, 1927-1932), газеты «За свободу!» (Варшава, 1921—1932) и «Молва» (Варшава, 1932—1934). Редактируемые П.Н. Милюковым «Бюллетень Республиканско-демократического объединения» и ежемесячная «Хроника Р.Д.О» выходили в Париже в 1925—1931 и 1927—1932 гг. соответственно. Созданный в Берлине в 1920 г. правокадетский «Руль» прекратил свое существование в 1931 г.

Поредели ряды и правой прессы. В.Л. Бурцев лишился сразу четырех парижских изданий — еженедельника «Борьба за Россию» (1926—1931), газеты «Общее дело» (1920—1933), сборников «Будущее» (1922—1933) и «Былое» (1933). Исчезли влиятельная газета М.А. Суворина «Новое время» (Белград, 1921—1930) и «Русский колокол» И.А. Ильина (Берлин, 1927—1930), ежемесячный «Вестник Высшего монархического совета» (Берлин, Париж; 1920[24]—1926—1931) и орган Братства Русской Правды журнал «Русская Правда» (Белград, 1922—1933). В 1934 г. прекратился выход парижской газеты П.Б. Струве «Россия и Славянство».

Помимо социокультурных причин на перегруппировку политических изданий русского зарубежья влияли также процессы политические. Смена читательских настроений шла в русле тех изменений, которые происходили на политическом поле русского зарубежья. «Отталкивание шло одинаково и от левого демократического лагеря, и от правого, связанного с РОВСом, то есть с Белым движением» [там же, 1996, с. 154]. В этом отношении показательно небольшое количество появившихся в 1930-е гг. периодических изданий старых политических движений, которые должны были компенсировать исчезновение 20 влиятельных газет и журналов. Так, в начале 1930-х гг. возник ежемесячный журнал «Записки социал-демократа, издаваемые А.Н. Потресовым» (Париж, 1931—1934), который заполнил издательское поле правых меньшевиков, опустевшее после прекращения издания журнала «Заря» (1922—1925). Издательский актив эсеров пополнился журналами «Свобода» (Париж, 1933—1936) и «Новая Россия», которая выходила в Париже с 1936 по 1940 г. под редакцией А. Ф. Керенского. Новым органом РДО стала газета «Наше слово» (Париж, 1934—1939). Правый фланг укрепил «Меч» (Варшава, Париж; 1934—1939), выходивший сначала в формате журнала, а потом газеты под редакцией Д.В. Философова, Д.С. Мережковского, В.В. Бранда и Г.Г. Соколова.

[23] С 1919 по 1922 г. газета носила название «Голос России».

[24] С 1920 по 1926 г. издавался в Берлине в формате двухнедельного журнала под названием «Двуглавый орел».

Охлаждение основной массы русских эмигрантов к политическим процессам сопровождалось серьезными изменения в структуре политических движений русского зарубежья, вектор развития которых в конце 1920-х — 1930-е гг. сдвигался вправо. Сначала распался межпартийный Республиканско-демократический союз (РДС), исповедовавший новую тактику обволакивания советской власти в целях ее мирного свержения силами внутренней оппозиции. В декабре 1928 г. Центральное бюро РДС сообщило, что вследствие разногласий по вопросам политической тактики между образующими союз сторонами — «Крестьянской Россией» — Трудовой крестьянской партией (КР—ТКП), с одной стороны, и республиканско-демократической группой кадетской партии — с другой, «ЦБ союза на заседании 19 ноября 1928 г. постановило считать союз с 1 января 1929 г. прекратившим свое существование»[25].

Затем стала разваливаться и Трудовая крестьянская партия (ТКП) — детище правых эсеров. Распространение фашистской идеологии и установление в ряде европейских стран диктаторских режимов способствовали радикализации взглядов лидера ТКП С.С. Маслова относительно методов борьбы с большевиками и дальнейшего развития России. Начиная с 1933 г. с приходом к власти в Германии А. Гитлера С.С. Маслов неоднократно заявлял, что надеяться на демократию не имеет смысла, на смену господству большевиков может прийти только власть диктаторского типа. Отказ С.С. Маслова от демократических принципов, который имел целью упрочить «слабеющую роль политической эмиграции»[26], и привел к развалу в 1928 г. РДО и последовавшему расколу в ТКП. В 1930 г. ее ряды покинула группа молодежи, недовольная тем, что организация превратилась в чисто партийную. А весной 1934 г. из партии вышли шесть ее основателей во главе с председателем ЦК — А.А. Аргуновым, которые обвиняли пражский партийный центр в идеологических и тактических шатаниях, а также в насаждении диктатуры лидера — С.С. Маслова. Вслед за центром раскол распространился и на региональные организации ТКП[27].

Симпатии большей части политически активных эмигрантов находились на стороне правых, пропагандировавших радикальные методы борьбы с большевиками. Некоторые современные исследователи отмечают, что на протяжении 1920—1930-х гг. в среде эмиграции проходил процесс стихийного “поправения”: республиканцы — сторонники созыва Учредительного собрания — отодвигались на второй план монархистами, открыто провозглашавшими необходимость восстановления монархии в России [Говердовская,

[25] Крестьянская Россия. Изд. ЦК ТКП. 1928. № 2/14.
[26] Последние новости. 1934. 4 апр.
[27] Там же. 4, 20 апр.; Наше слово. 1934. № 3.

2004, с. 81; Куренышев, 2008, с. 108; Литература русского зарубежья..., 2004, с. 20]. Так, председатель Союза русских писателей и журналистов в Югославии А.И. Ксюнин[28] писал А.А. Аргунову, что «демократия провалилась на всех фронтах» [цит. по: Куренышев, 2008, с. 126]. Отказ от либерально-демократических взглядов нашел выражение в новом обращении к православным и монархическим идеям.

В этом направлении проявились политические противоречия в редакции журнала «Современные записки». Верность эсеровским взглядам сохранили М.В. Вишняк, В.В. Руднев и Н.Д. Авксентьев. Освободившийся от старых убеждений И.И. Фондаминский выдвинул идею возрождения «ордена русской интеллигенции», основанную на патриотизме и христианстве [Литература русского зарубежья..., 2004, с. 49]. Эволюция мировоззрения И.И. Фондаминского отражала процесс формирования самосознания эмиграции, в среде которой все больше симпатий вызывала дореволюционная Россия.

В 1930-е гг. идеи монархизма и новых политических течений приобретали националистическую окраску, сочетались с активно распространявшейся фашистской идеологией. В условиях нарастания угрозы Второй мировой войны кризисные явления ощутимее всего давали о себе знать в рядах либерального лагеря эмиграции. Ситуация дополнительно усложнилась с выходом на политическую арену нового поколения [Йованович, 2005, с. 78]. «Будем откровенны до конца, — писала Е.Д. Кускова, — насколько обширен и полон “боевой” энергии реставрационно-фашистский фланг современной русской эмиграции, настолько же слаб и расколот лагерь демократический»[29].

Перегруппировка политических сил в русском зарубежье в 1930-е гг., по свидетельствам современников, происходит в пользу новых идейных и политических течений, в которых «видную или даже руководящую роль играет молодое поколение» — Национальный союз нового поколения (НСНП) и «пореволюционные течения» [Струве, 1996, с. 137], представленные младороссами, утвержденцами и новоградцами. Имеет смысл отделять пореволюционеров от новопоколенцев («нацмальчиков») и прочих «молодых» праворадикалов, которые не делали скидок большевизму и тяготели к откровенному фашизму. Пореволюционеры тоже испытали на себе влияние итальянского фашизма и национализма, но в своей нацеленности на мирное обновление большевизма имели больше общего со сменовеховцами и евразийцами 1920-х гг., кото-

[28] А.И. Ксюнин участвовал в издании газет «Возрождение» (Белград, 1921—1922), «Голос России» (София, 1936—1938), «День русской культуры» (Белград, 1926—1928), «Россия» (Белград, 1926—1927, 1934) и журнала «Призыв» (Белград, 1926).

[29] Наше слово. 1936. № 6.

рые повлияли на более поздние по времени группы и течения [Политическая история..., 1999, с. 432].

Можно предположить, что предпринятые большевиками в 1920-е гг. меры по внедрению в информационное пространство русского зарубежья, распространение «советофильской» идеологии оказали влияние на формирование в 1930-е гг. пореволюционных направлений общественной мысли эмиграции, ставших, по мнению современников, новой версией сменовеховства[30]. Влияние советской контрпропаганды ощущается в «право-левом» синтезе, предпринятом пореволюционерами, которые соединили в своей идеологии социализм, национализм, христианство и монархизм.

Понятие «пореволюционность» в общественно-политической мысли русской эмиграции означало принципиальное отрицание возможности и даже нужности реставрации дореволюционного состояния России, признание пореволюционерами закономерности и национального характера Октябрьской революции. Пореволюционеры настаивали на том, что путь к новой России лежит не через разрушение советской действительности, а через ее творческое преображение. Они решительно отмежевывались от всех дореволюционных направлений русской мысли — и правых, и левых, стремясь синтезировать как национальные ценности первых, так и социальные — вторых. Однако, принимая перемены на родине, и младороссы, и утвержденцы, и новоградцы не принимали правящий коммунистический режим и призывали в своей печати к борьбе с ним, отвергая в то же время интервенцию и терроризм, делая ставку на изживание большевиков внутренними силами.

Самым ярким и значительным пореволюционным течением исследователи русского зарубежья считают движение младороссов. Союз младороссов, возникнув в 1923 г. как молодежная организация правого толка, декларирующая монархические идеи и выступающая против «антинациональных либеральных и демократических течений»[31], уже к концу 1920-х гг. заявил о себе как о вполне самостоятельной силе. В 1934 г. Союз преобразовался в Младоросскую партию.

Младороссы издавали не менее 11 газет в шести странах мира: «Младоросская искра» (Париж, 1931—1940), «Бодрость!» (Париж, 1934—1940), «Казачий путь» (Париж, 1934—1938)[32], «Казачий набат» (Прага Париж; 1932—1940), «Молодое слово» (София, 1932—

[30] Современные записки. 1931. XLVII; 1932. XLVIII; Русская газета. 1932. 13 марта. № 26; Часовой. 1932. 1 июня. № 81.

[31] Декларация Всеобщего съезда национально мыслящей молодежи (цит. по: Варшавский, 1956, с. 53—55).

[32] Связь этого издания с «органом общеказачьего сельскохозяйственного союза» «Казачий путь» (1924—1928), выходившим в Праге под редакцией В.А. Харламова, не установлена.

1937), «Новый путь» (Шанхай, 1932—1935), «Наша правда» (Шанхай, 1938), «К молодой России» (Чикаго, 1935, 1936), «Русское дело» (Сан-Франциско, 1940), «Младоросское слово» (Сан-Паулу, 1937—1938), «Слово» (Сан-Паулу, 1938—1940) [Бардеева, Брянкина, Шумова, 1999]. Также печатный актив младоросской партии насчитывал около семи журналов и бюллетеней: «Оповещение Парижского очага Союза младороссов» (Париж, 1928—1930), «Младоросс» (Париж, 1930-1932), «Младость» (Париж, 1930—1932), «Сводка» (Белград, 1935), «Казачий набат» (Прага, 1931—1932), «Новый путь» (Шанхай, 1932—1933). Центральным органом младороссов была газета «Бодрость!».

Из общей массы пореволюционеров младороссов выделяла именно монархическая идея[33], которая отсутствовала у других групп. Поэтому социализм младороссов мало походил на марксистский, скорее, он напоминал корпоративизм итальянского фашизма[34], которому младороссы весьма сочувствовали, считая для себя неприемлемой «интернационалистическую тенденцию в ВКП(б), выраженную старой гвардией коммунизма, партийным аппаратом, инородческими и семитскими элементами Москвы, группирующимися вокруг ГПУ, полиции режима»[35]. Тем не менее положительная оценка младороссами отдельных процессов в СССР дала повод эмигрантам заподозрить их в аффилированности с Москвой[36]. Одним из главных лозунгов, сформулированных лидером Союза Младороссов А.Л. Казем-Беком, который в 1957 г. вернулся в СССР, был: «Царь плюс Советы». Младороссы поддерживали великого князя Кирилла Владимировича, став его интеллектуальным штабом [Политическая история..., 1999, с. 433], и претендовали на место второй советской партии, надеясь вскоре стать первой.

Второе пореволюционное течение условно определяют как утвержденчество — по наименованию журнала «Утверждения», вокруг которого в 1931 г. объединились несколько идейно близких организаций: национал-максималисты, народники-мессианисты, неодемократы, националисты-христиане и другие [там же, с. 434]. Журнал «Утверждения», выпускавшийся в Париже в 1931—1932 гг.[37],

---

[33] См.: *Сыкалов Е.* Очередная наивность // Бодрость! 1937. № 135; Речь Великой Княгини Марии Павловны; Тавастшерна Ал. Конец февраля // Бодрость! 1938. № 158; *Тавастшерна Ал.* Россия и династия // Бодрость! 1938. № 161; Великий Князь Дмитрий Павлович в Греции // Бодрость! 1938. № 162.

[34] Коммунизм побежден новым миром. Новый человек в России уже закладывает основы Русского «фашистского» государства // Бодрость! 1937. № 126.

[35] Из доклада А.Л. Казем-Бека «Две тенденции в советских верхах» // Бодрость! 1937. 25 апр. № 123.

[36] См.: *Ксюнин А.И.* Против России // Русская газета. 1932. 13 марта. № 26; Часовой. 1932. 1 июня. № 81.

[37] Всего вышло три номера.

именовал себя органом «объединения пореволюционных течений». Главным вдохновителем этого журнала был князь Ю.А. Ширинский-Шихматов, который в эти годы часто выступал на разных собраниях в Париже от имени эмигрантской «молодежи» [Струве, 1996, с. 154]. К нему примыкали Я.М. Меньшиков и П.С. Боранецкий, «незадолго до того приехавший из Советской России и быстро создавший себе известность выступлениями в Париже, в которых он равно громил демократов и социалистов налево и “белогвардейских активистов” направо» [там же, с. 155].

Сотрудниками «Утверждений» оказались и некоторые видные представители старшего поколения эмиграции: Н.А. Бердяев, Е.Д. Кускова, Ф.А. Степун и принадлежавший к умеренно правому сектору зарубежья сотрудник «Возрождения» Н.С. Тимашев. Близок к пореволюционному течению и к «Утверждениям» оказался и советский дипломат-перебежчик С.В. Дмитриевский.

Своей задачей журнал ставил объединение пореволюционных течений эмиграции. Сюда относились также евразийство, национал-большевизм, национал-максимализм и т.д. Общие основы пореволюционного мировоззрения формулировались следующими тезисами: примат духовного начала над материальным, устроение жизни на основе христианской правды, всечеловеческая миссия России, будущее устройство России как синтез дореволюционных и пореволюционных начал [Политическая история..., 1999, с. 434].

Стоя на весьма левой позиции в социальном вопросе, отрицая в корне и обличая буржуазно-капиталистический строй, журнал вместе с тем говорил о своей «непримиримо революционной» позиции в отношении коммунистического строя в России. При этом в «Утверждениях» проскальзывали симпатии к фашизму, к «корпоративно-кооперативной организации общества», к «идеократии». Под всем этим один из редакторов «Современных записок» В.В. Руднев, давая отзыв о первых двух книжках «Утверждений», усмотрел соблазны оправдания большевизма: «...соблазн от простого признания факта незаметно перейти к его историческому и политическому оправданию»[38].

Через год после выхода первого номера журнала «Утверждения» от него отпочковались два журнала — «Третья Россия» (Париж, 1932—1939) и «Завтра» (Париж, 1933—1935). Редактируемая П.С. Боранецким «Третья Россия» стала органом одноименной группы, которая занималась «исканием и осуществлением нового пореволюционного синтеза». Ежемесячник утвержденцев «Завтра» пришел на смену закрывшемуся журналу «Утверждения», а с седьмого номера превратился в орган парижского отделения Союза российских

[38] Современные записки. 1931. XLVII.

национал-большевиков (национал-максималистов). В редакцию «Завтра» входили Ю.А. Ширинский-Шихматов, В.Л. Андреев, И.И. Ильинская, Л.Б. Савинков, А.И. Ярмидзе и П.С. Чижов.

В 1933 г. по инициативе Ю.А. Ширинского-Шихматова образовалось Объединение пореволюционных течений, в которое вошло несколько карликовых организаций. Пореволюционеры наладили выпуск ежемесячной газеты «Свершения» (Париж, 1934) и периодического бюллетеня представительства Объединенияния пореволюционных течений на юге Франции «Пореволюционная Россия» (Марсель, 1935). Примечательно, что в издании «Свершений» помимо П.С. Боранецкого участвовал также один из идеологов евразийства П.Н. Савицкий.

Третьим значительным пореволюционным течением, схожим по организации и составу участников с утвержденцами, были новоградцы. Они представили свою оригинальную формулу будущего развития России: христианский социализм, помноженный на либерализм. Из всех пореволюционеров новоградцы наиболее резко отталкивались от фашизма и наиболее лояльно относились к западной либеральной демократии [там же].

Новоградцы не создавали никаких организационных структур, оставшись кружком интеллектуалов, объединившихся вокруг журнала «Новый Град». Ядро новоградцев состояло из таких крупных мыслителей, как Г.П. Федотов, И.И. Бунаков-Фондаминский, Ф.А. Степун. К ним примкнули также видные религиозные философы Н.А. Бердяев, о. С. Булгаков, Н.О. Лосский, Б.П. Вышеславцев. «Новый Град» возник одновременно с «Утверждениями» в 1931 г., но просуществовал почти 10 лет — до 1939 г., выходя непериодически и не очень часто[39].

Редакционная декларация «Нового Града» утверждала права личности и свободу, и этим журнал отмежевывался от «Утверждений». Примечательно, что Н.А. Бердяев и Ф.А. Степун, будучи одновременно сотрудниками «Современных записок» и «Утверждений», заняли в «Новом Граде» позицию, которая была характерна для разных пореволюционных течений, резко противопоставляя разлагающийся буржуазно-капиталистический мир — Советской России, которая несет «новое слово». Как и утвержденцы, Н.А. Бердяев и Ф.А. Степун отвергали «формальную» свободу и демократию. Что касается Советской России, то речь шла не только о «бесспорных» производственно-технических достижениях СССР (на которых настаивал Ф.А. Степун), но и о том, что в России рождается «образ нового человека», что она выходит на новый путь духовного, культурного и социального творчества. Как отмечал В.В. Руднев, в обличении грехов капитализма оба автора проявляли

[39] Всего вышло 14 номеров.

«пристрастную суровость», а по отношению к советской действительности — «непонятный оптимизм» и «изумительное благодушие»[40].

Подводя итог сказанному выше, следует особо выделить тот факт, что логика развития политической журналистики русского зарубежья в 1930-е гг. повторяла эволюцию взглядов эмигрантов в изменившемся мире, отражала процесс их самоидентификации. К началу 1930-х гг. старые идеи, с которыми русские беженцы покинули Россию, были дискредитированы невозможностью изменить ситуацию в советском государстве, вернуться на родину. Настроения усталости и разочарования, господствовавшие в общей массе эмигрантов, вынуждали их отказаться от продолжения активной борьбы с большевиками. Этому также способствовало формирование в русском зарубежье в 1930-е гг. новых политико-философских концепций, которые испытали на себе влияние советской контрпропаганды. Из предлагавшихся политическими лидерами русского зарубежья концепций дальнейшего развития эмигрантского общества, борьбы за Россию, для большинства политически активных эмигрантов категорически неприемлемыми оказались левые и либеральные идеи. Их место занимала «правая» идеология. Формирование новых течений происходило под влиянием общей радикализации европейского общества, которое сопровождалось в среде эмигрантов возрождением национальной и религиозной мысли.

Список литературы

Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979.

Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917—1931 гг. М., 2004.

Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Изд-во Ипполитова, 2004.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920—1940. М., 2005.

Куренышев А.А. Крестьянские организации русского зарубежья (1920—1951 гг.). М.: Аиро-XXI, 2008.

Литература русского зарубежья. 1920—1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004.

Наше Отечество / Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. и др. Т. II. М.: ТЕРРА, 1991.

Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг.: Документы и материалы: Учеб. пособие / Под ред. Киселева А.Ф. М.: Владос, 1999.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919—1939. М.: Прогресс-Академия, 1994.

Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996.

Поступила в редакцию
14.01.2011

[40] *Руднев В.* Рецензия на «Новый Град» // Современные записки. XLVIII. 1932.

Н.М. Тобольцева, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В ПЕЧАТИ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИКТАТА ВКП(б) (1946—1951 гг.)

В работе впервые предпринимается попытка выявить объективные и субъективные факторы усиления идеологического диктата партии в послевоенный период. Особое внимание уделяется пропагандистской кампании в печати вокруг постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», имевшей масштабный, по сути системный характер и затронувшей большинство разных по типу изданий.

Ключевые слова: *идеология, диктатура, космополитизм, национализм.*

In this paper author for the first time attempts to reveal objective and subjective factors of strengthening of ideological dictatorship of the Communist Party (VKP) during the post-war period. The special attention is given to propaganda campaign in the soviet press after VKP Central Committee decision "About magazines Zvezda and Leningrad" (August, 1946). This campaign had large-scale, systemic character and concerned the majority of the printed media.

Key words: *ideology, dictatorship, cosmopolitism, nationalism.*

В последнее время проявилась как устойчивая парадоксальная для нашего демократически ориентированного общества тенденция: резко возрос интерес к личности Сталина. Ранее проблема сталинизма не занимала столько места в общественном сознании. Сейчас его имя не сходит с газетных страниц. Телезрителями оно было признано одним из наиболее значимых «имен России». Как историческая фигура Сталин выдвигался на первый план в ходе политических дискуссий и научных споров о современных путях развития нашей страны.

Социологические опросы свидетельствуют о проявлении просталинских предпочтений среди значительной части населения, что, безусловно, связано с неудовлетворенностью условиями реальной действительности. Проявление сталиномании среди молодежи также может характеризовать состояние исторического знания, позволяет говорить о недостаточном осмыслении истории страны в силу неосведомленности в исторических фактов.

Возникший перекос в массовом сознании настолько опасен с точки зрения его влияния на отношение людей к происходящему в стране сегодня, что Русская православная церковь обратилась

к россиянам с советом «не строить идеалистических картин эпохи сталинизма»[1].

Со всей определенностью можно сказать, проявляющийся менталитет народа сложился не только из-за разочарования в методах реализации «перестроечных» идей, но и под влиянием и по вине тех писателей, журналистов, политиков, кто с экрана телевизора и страниц газет горячо выступал против очернительства прежнего строя, обличая в этом СМИ. Вновь проявилась серьезная тенденция: при разоблачении сталинизма ставятся прочные рамки возможной «исторической правды». Еще на заре «перестройки» о ее опасности предупреждал один из выдающихся публицистов — Ю.Ф. Карякин в статье «Ждановская жидкость», или Против очернительства», ставшей событием в общественной жизни. «Правда не может быть очернительством, — писал он, — правда может быть только очищением... Сталинщина, не выкорчеванная до конца..., может породить нечто несравненно худшее»[2].

Безусловно, в потоке публикаций, появившихся с началом процесса ресталинизации, можно выделить некоторую часть таких, где «страстный пафос обличения» заменил их аналитичность, выстроенную в соответствии с выверенными и обобщенными историческими фактами. Но борьба против «очернительства» (хотя само понятие по определению предполагает намеренное использование фактов не соответствующих действительности) ведется и сейчас. Гневно обличаются те, кто свои исследования на исторические темы проводят на строго документальной основе и представляют их на суд читателей и зрителей. Возросший интерес и проявление симпатии к диктатору Сталину в значительной степени пропагандистский эффект, достигнутый на сложившемся негативном фоне неудовлетворенности современными жизненными реалиями и возникшем на этой основе ностальгическом «мираже».

В этом целенаправленном потоке становится менее заметными, а иногда воспринимаются аудиторией как явно негативные, исследования, публикации, телевизионные сюжеты, связанные с попытками более глубокого осмысления процесса десталинизации в периоды «оттепели» и «перестройки».

Представляется, что именно такие исследования становятся крайне актуальными. Они в значительной степени могут способствовать выявлению и популяризации новых фактов, подтверждающих порочность сталинского режима, исключающего возможности свободного проявления личности.

---

[1] Цит. по: *Костиков В.В.* Кто пьет за здоровье тов. Сталина? // Аргументы и факты. 2009. № 5.

[2] *Карякин Ю. Ф.* «Ждановская жидкость», или Против очернительства // Огонек. 1988. № 19. С. 25—27.

Процесс десталинизации необходимо рассматривать эволюционно на уровне взаимосвязанных временны́х пластов: послевоенные годы усиления идеологического диктата партии в условиях «холодной войны», сформировавшими предпосылки «оттепели» в среде интеллигенции; непосредственно «оттепель» с отчетливо выраженными проявлениями политического и творческого самовыражения; «перестройка» с ее мощной волной крушения прежней политико-идеологической доктрины.

Такой подход дает возможность ответить на ряд вопросов, в том числе на главный для истории журналистики: какова роль СМИ в активизации этих процессов?

Рассматривая СМИ как эволюционирующую систему, можно проследить как даже в условиях тоталитарного режима, при диктатуре одной личности, одной партии, единой идеологии она трансформировалась, аккумулируя в себе опыт даже незначительного движения к демократии.

В этой связи также возникает необходимость глубже изучить общественные процессы, характерные для предыдущего, послевоенного времени, когда вновь властью стали применяться меры ужесточения политического режима в духе 30-х гг.

В восстановительный период, отражая все негативные проявления сталинской идеологии: поиск врагов, борьбу с инакомыслием, репрессии, журналистика, вызывая возмущение прогрессивно мыслящей части общества, консолидировала протестные силы и создавала первоначальные основы для дальнейшего пути преодоления советского тоталитаризма.

Обращение к истории разгромного вторжения власти во все сферы литературного и художественного творчества может способствовать воссозданию фрагмента истории отечественной журналистики, использовавшейся в качестве инструмента реализации принимавшихся партийных решений, в частности, Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”, ставшего политической приметой того периода.

В отечественной историографии обстоятельно прослеживаются этапы подготовки этого документа и подробно описываются эпизоды его принятия[3].

[3] См.: *Бабиченко Д.Л.* И. Сталин: «Доберемся до всех» (Как готовили военную идеологическую кампанию 1943—1946 гг.) // Исключить всякие упоминания: Очерки истории советской цензуры. М., 1995. С. 139—188; *Сарнов Б., Чуковская Е.* Случай Зощенко: повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом, 1946—1958 гг. // Юность. 1988. № 8. С. 69—86; *Ильина И.* Припугнуть, чтоб другим неповадно было: история одного постановления // Трудные вопросы истории. М., 1991. С. 174—186; и др.

Но пока в научной литературе не нашел научного осмысления опыт печати тех лет, ориентированной властью на осуществление кампании, направленной на усиление идеологической диктатуры.

Документ, принятый и опубликованный в августе 1946 г., в наибольшей степени отразил стремление высшей политической власти установить жесткий идеологический диктат во всех сферах жизни общества.

Его принятие ознаменовало начало масштабной имевшей многослойный характер акции борьбы с инакомыслием, нанесшей сокрушительный удар по творческой интеллигенции и подвергнувшей деформации значительный пласт российской многонациональной культуры.

Для журналистики постановление партии имело программное значение. Проведение пропагандистской кампании, носившей системный характер, возлагалось на печать.

Главная роль в ее осуществлении отводилась центральному органу партии — газете «Правда», в задачи которой входили руководство и координация действий всех типов печатной пропаганды.

Постановление было принято 14 августа, а 21 августа в «Правде» появилась публикация «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», где излагались основные пункты постановления.

Начинается с ключевого положения документа: «ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы “Звезда” и “Ленинград” ведутся совершенно неудовлетворительно». Это проявилось в появлении в них «безыдейных, идеологически вредных» произведений. Далее речь шла о публикациях М. Зощенко и А. Ахматовой. Обвинялась в этом редакция «Звезды», которой было «известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание»[4]. Его рассказ «Приключения обезьяны» назван «пасквилем на советских людей», содержащим антисоветские выпады и «хулиганское» изображение действительности. А сам автор — «пошляком и подонком литературы», проявившим недостойное поведение в период войны, написав повесть «Перед восходом солнца».

Далее в материале следуют «поиски виновных» в создавшейся ситуации. Это прежде всего редакторы — Саянов и Лихарев, забывшие, что «проповедь аполитичности, безыдейности и “искусства для искусства” чужда советской литературе, вредна и не должна иметь место». Используя сложившиеся отношения с авторами,

[4] Правда. 1946. 21 авг.

они недостаточно критично подходили к оценке их произведений, и те «утратили сознание ответственности перед партией». Редакции «допустили серьезные ошибки, не справились с возложенной ответственностью»[5].

Не менее уничижительные оценки давались творчеству А. Ахматовой; «литературная общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности... Стихи ее пропитаны духом пессимизма и упадничества...»[6].

При этом делается очень важный с точки зрения стратегической цели кампании вывод: под влиянием Зощенко и Ахматовой молодые авторы стали сочинять произведения «культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада». Приводились примеры.

Учитывая все это, говорится в конце публикации, ЦК ВКП(б) постановляет «обязать редакцию журнала “Звезда” устранить ошибки: исправить линию журнала, обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратив доступ Ахматовой, Зощенко и им подобным», а также прекратить выпуск журнала «Ленинград», сосредоточив литературные силы вокруг журнала «Звезда», и назначить нового главного редактора — А.М. Еголина. При этом сохранялась его должность заместителя начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б).

Как в дальнейшем развивалась кампания важно проследить по последующим материалам газеты «Правда», учитывая ее статус центрального органа партии, определявшего основное направление деятельности партийных комитетов в аспекте ведения соответствующей пропагандистской работы среди коммунистов с четкими указаниями и практическими рекомендациями. Также в соответствии с типом издания «Правда» использовалась ЦК партии в целях руководства и координации деятельности по проведению акции всеми изданиями. Соответствующие этому оценки давались в обзорах печати и отдельных постановочных статьях, ориентировавших читателей в политическом процессе.

Появившаяся в «Правде» 22 августа 1946г. «Резолюция собрания актива ленинградской партийной организации по докладу т. Жданова о постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» в некоторой степени раскрывает изначальный замысел проведения кампании, связанной и с возникшим противостоянием внутри высшего партийного руководства, а также и стремлением московской группировки таким образом положить начало активным действиям по дискредитации ленинградцев.

[5] Там же.
[6] Там же.

В статье «Правды» было также сказано, что горком упустил и просмотрел ошибки, а отдел пропаганды «предал забвению указания Ленина и Сталина о том, что печать является важнейшим партийным и государственным делом».

Недостатки, говорилось в статье, проявлялись в таких изданиях, как «Ленинградская правда» и «Вечерний Ленинград», журнал «Смена». Статья призывала писателей к «улучшению своей работы, к изучению марксизма-ленинизма и повышению своей идейности». В подверстку был помещен отчет о собрании писателей Ленинграда, поддержавших основные положения доклада Жданова. Красноречивы заголовки передовых статей «Правды», последовавших за отчетом о собрании московских писателей: «Благородные задачи советской литературы», «Воспитывать молодежь в духе большевистской идейности».

Все эти материалы, помещенные на страницах газеты еще до опубликования доклада Жданова, в совокупности давали установку на формирование соответствующего целям акции общественного мнения. Только после этого доклад А. Жданова появляется в «Правде».

Его можно рассматривать в качестве официального партийного документа, декларировавшего основные принципы политики партии в сфере литературы и журналистики в годы «холодной войны». Выступлению отводится две полосы. Текст сопровождается ремарками: «бурные аплодисменты», «одобрительный смех в зале», как бы вводящими читателя в сложившуюся на ленинградском собрании атмосферу единодушного одобрения.

В докладе вновь звучат уничижительные слова в отношении Ахматовой и Зощенко.

Выбор основных персоналий постановления объясняется просто: Сталин с подачи Жданова «назначил» Ахматову и Зощенко, известность и популярность которых не подлежали сомнению, антигероями времени в назидание менее известным представителям интеллигенции с целью тех «приструнить».

Еще в апреле 1946 г. с огромным успехом прошло выступление в группе ленинградских писателей Анны Ахматовой в Колонном зале Дома союзов, продемонстрировавшее ее популярность и возможность влияния на значительно бóльшую аудиторию, нежели узкий круг «эстетствующих почитателей», как о ней говорилось. Это, безусловно, не могло понравиться власти.

Персона Зощенко стала одиозной с опубликованием его повести «Перед восходом солнца», содержащей глубокие философские размышления, затрагивающей проблемы сознания, жизни и смерти.

В главе, посвященной Зощенко, книги Б. Сарнова «Сталин и писатели» очень подробно и обстоятельно на основе архивных до-

кументов говорится о формах общественного остракизма, использованных через печать в отношении Зощенко и методах психологического воздействия на него со стороны представителей МГБ еще в период войны. Этого касается и исследователь Д. Бабиченко[7].

Казалось бы, в противоречие с этими действиями писатель попал в список литераторов, награжденных в апреле 1946 г. медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». «Усматривая в художественной интеллигенции чуть ли не главного потенциального противника режима» [Громов, 1998, с. 370], Сталин имитирует «добрый жест», пытаясь внедрить мысль об ослаблении идеологического давления.

В 1945 г. в «Известиях» публикуется несколько работ Зощенко; в 1946 г. в библиотеке журнала «Огонек» с разрешения Сталина выходит сборник рассказов; К. Симонов публикует «Партизанские рассказы» в «Новом мире», но писатель остается под прицелом власти.

Несомненно, справедливо высказывание А. Синявского: с повести «Перед восходом солнца» «началась цепь роковых несчастий», увенчавшихся постановлением ЦК партии, и убивших Зощенко[8]. Как говорил сам Зощенко в письме к Сталину: «Это — антифашистская книга. Она написана в защиту разума и его прав... Она может быть нужна и советской науке» [Сарнов, 2008, с. 256].

В какой-то степени эти слова нашли подтверждение сегодня. Известный физиолог Н. Бехтерева в интервью каналу «Культура» сказала, что для себя как ученого она много ценного обнаружила в этом произведении.

О масштабности, широком охвате, тотальном массированном характере кампании, связанной с постановлением о журналах, обусловленном самой природой тоталитаризма, свидетельствуют дальнейшие материалы «Правды». Сверхзадачей акции стало дальнейшее усиление догматизации пропаганды в соответствии с господствовавшей тоталитарной идеологией и возвращение в прежнее, строго очерченное русло, творческой инициативы при ее реализации в произведениях литературы и публицистики.

Это достигалось прежде всего путем закрепления стереотипа славословия, что «воинский и организаторский гений» Сталина «принес победу над фашистской Германией»[9], а также реализации очередного этапа процесса сакрализации власти, основанного на демонстрации ее способности осуществления полного контроля над всеми сферами жизни общества в пределах всего Союза.

---

[7] См.: *Бабиченко Д.*. Повесть приказано ругать // Коммунист. 1990. № 13. С. 68.

[8] См.: *Синявский А.* Мифы Михаила Зощенко // Вопросы литературы. 1989. № 2.

[9] Правда. 1959. 21 дек.

Поэтому среди первых стала объектом пристального внимания политического руководства страны журнальная периодика союзных республик. И в первую очередь подверглись рассмотрению журналы Украины. 24 августа 1946 г. в «Правде» под рубрикой «Обзор печати» в материале «О пошлых писаниях одного журнала» подвергся остракизму украинский сатирический журнал «Перец». Был вынесен вердикт: в журнале здоровый народный юмор заменен злорадством и пошлостью.

Схожесть этих формулировок с определениями, содержащимися в партийном документе в отношении Зощенко, служит как бы доказательством типичности недостатков, характерных для сатирических журналов в целом по Союзу, т.е. явления распространенного.

Еще более серьезные обвинения были выдвинуты в адрес редакций украинских журналов в ходе политической кампании, развернутой сразу, в начале сентября, и направленной на борьбу с проявлениями национализма в литературе. Это наступательная акция несколько обделена вниманием историков по сравнению с безусловно принявшим более широкий размах и ожесточенные формы «космополитизмом».

Но сталинское руководство рассматривало их равнозначными. Это вывод подтверждается словами А. Фадеева, отражавшими официальную точку зрения и произнесенными им на II Всесоюзном съезде советских писателей, состоявшемся после смерти Сталина в декабре 1954 г.: «Необходимо, чтобы все мы помнили, что борьба с проявлениями национализма и космополитизма и обывательщиной, безыдейностью, упадничеством, которую мы вели на протяжении ряда лет, была справедливой борьбой, и если бы мы не проводили ее со всей решительностью, наши идейные противники могли бы принести больший вред развитию советской литературы. Эти представители чуждой нам идеологии понесли большой урон, но наивно было бы думать, будто эта идеология перестала существовать»[10].

В кампании, проходившей в сентябре 1946 г. под знаком борьбы с рецидивами национализма в печати как проявлениями чуждой буржуазной идеологии, подрывающими идейно политическую сплоченность многонациональной советской журналистики, периодика Украины стала как и литература, по мнению власти, плацдармом «узкого, ограниченного украинского национализма, враждебного политике нашей партии и интересам украинского и всего советского народа» [Новейшая история..., 1999, с. 261].

Важнейшим фактором, обусловившем необходимость безотлагательного проведения политико-идеологических установок со-

[10] Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1956.

ветского руководства в отношении печати Украины, стала общественная напряженность, сложившаяся в результате недовольства тяжелым экономическим положением, усугубленным засухой 1946 г. «Первые симптомы негативных настроений проявились уже в ходе выборов в Верховный Совет СССР в начале 1946 г., которые... в районах Западной Украины были фактически бойкотированы» [Кулешов, Волобуев, 1991, с. 435]. Требовалось усилить воздействие на формирование общественного мнения средствами пропаганды.

2 сентября 1946 г. в «Правде» опубликован материал под заголовком: «Общегородское собрание писателей Киева». Лейтмотив всех выступлений — в творчестве украинских писателей ярко проявляются националистические тенденции: преуменьшается роль СССР и преувеличиваются республиканские достижения. Тон собранию был задан докладом секретаря ЦК ВКП(б) Украины о серьезных недостатках идеологической работы в республике. Основная вина, по мнению докладчика, лежала на писательской общественности, снисходительно относившейся к злостным политическим ошибкам своих коллег.

Единодушному осуждению писательским сообществом подверглись редакции печатных органов, публиковавшие произведения, для которых характерны «национальная ограниченность», «патриархальная самобытность», восхваление дореволюционной истории Украины.

Резкие высказывания прозвучали в адрес издания «Радяньска Украина», помещавшего на своих страницах фельетоны Остапа Вишни, отличавшиеся обывательским зубоскальством, безыдейностью, которые «искажают советскую действительность, вызывая законное возмущение читателей»[11].

Центральный орган партии — газета «Правда» — доводила до сведения коммунистов, что на писательском собрании журналы «Ветчизна» и «Днипро» обвинялись в серьезных политических ошибках за публикацию произведений, «чуждых советской идеологии».

Высокая директивная оценка значимости, действенности проведенного мероприятия давалась в той части публикации, где сообщалось, что многие из критикуемых признали свои ошибки. Исключение составили единицы: например, В. Черниченко, воспринявшая слова коллег «обывательски». Заключительная часть отчета имела принципиально важное значение: «Писатели Советской Украины приложат все усилия, чтобы в кратчайший срок преодолеть все имеющиеся серьезные недостатки и поднять украинскую литературу на уровень высоких требований, поставленных перед ними партией, народом»[12].

[11] Правда. 1946. 2 сент.
[12] Там же.

В русле кампании, осуществляя партийный контроль, «Правда» отслеживала, в какой степени взятые под прицел критики издания учли высказанные замечания в своей дальнейшей деятельности.

13 сентября 1946 г. в материале под рубрикой «По следам материалов “Правды” вновь в фокусе внимания журнал “Перец”». Сообщается, что после статьи в газете «О пошлых писаниях одного журнала» от 24 августа редакционный коллектив журнала признал критику справедливой и осознал серьезность допущенных ошибок: «Редакция обязуется в самый короткий срок перестроить свою работу и превратить журнал сатиры и юмора “Перец” в идейно насыщенный острый журнал, помогающий нашему народу успешнее осуществлять поставленные партией задачи»[13].

Продолжением кампании борьбы с проявлениями национализма в республиканской литературе стали материалы, анализирующие творчество казахских писателей.

Наиболее характерной в этом смысле публикацией представляется статья в «Правде» от 30 сентября 1946 г. П. Кузнецова «В атмосфере безыдейности и благодушия». В ней не затрагиваются проблемы периодики, но она представляет особый интерес для исследования, так как текст позволяет убедиться: антинационалистическая акция, так же как и борьба с «космополитизмом», осуществлялась в единой политической парадигме постановления партии о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Объектом критики стал казахский писатель Габиден Мустафин за роман «Чаганак», обвиняемый в извращении советской действительности. На взгляд автора публикации, также при этом просматривается пронационалистический контекст: в романе казахи проявляют незаурядные природные положительные качества, а русские партийные работники на этом фоне выглядят глупыми и безынициативными.

В этих утверждениях звучат отголоски обвинений в отношении М. Зощенко, что и подтверждается в заключении статьи. Считая подобные проявления очень опасными в идеологическом аспекте, Кузнецов объясняет их влиянием на казахов, в частности на Габидена Мустафина, М. Зощенко, жившего в период войны в Алма-Ате и часто выступавшего перед многолюдными аудиториями.

Динамика идеологической кампании в русле принятого программного постановления прослеживается в ряде материалов «Правды», свидетельствующих о неотступном контроле, осуществляемом «сверху» за степенью реализации положений документа в дальнейшей практике журналов в целом и в их отдельных публикациях. Особое внимание уделяется детским журналам.

[13] Правда. 1946. 2 сент.

Уже в конце августа 1946 г. в газете под рубрикой «Критика и библиография» появилась статья С. Крушинского «Серьезные недостатки детских журналов»[14]. Поводом для этого стал тот факт, что еще до появления в «Звезде» рассказа М. Зощенко «Приключения обезьяны» он был опубликован в детском журнале «Мурзилка». Это привлекло внимание высшего руководства к деятельности этого издания и вызвало ужесточение требований, предъявляемых ко всей детской литературе.

Даже при создании произведений для маленьких детей закладывался идеологический подход: литература не должна отрываться от социалистической действительности и своими средствами должна способствовать утверждению социалистических идеалов в сознании детей с раннего детства.

В центре внимания Крушинского — детские журналы «Мурзилка» и «Пионер». Предметом резкой критики стало произведение К. Чуковского «Бибигон». Почему критик прежде всего остановился на этом авторе? Чуковский был очень близок с Зощенко еще с времен Серапионовых братьев. Представления об этом дают воспоминания, запечатленные в «Голубой книге». Кроме того, к детскому писателю, как уже говорилось, «проявляли интерес» секретные службы, что тоже могло повлиять на выбор.

Статья написана строго в контексте постановления. Сохранена стилистика, характерная для документа, в сочетании с резкой обличительностью задающая определенную тональность, что прослеживается в самом начале публикации. «Сказки — явление нормальное, — пишет автор, — но нельзя же допускать, чтобы под видом сказок публиковали явный бред». Такой приговор выносится уж в первых строках. Затем автор как бы пытается доказать небезосновательность этого заключения. Скрупулезно препарируя текст, он обличает сказочного персонажа Бибигона в трусости, глупости, вранье, пытаясь на примерах показать, как неправ Чуковский, призывая советских детей любить этого морально-нравственного урода.

Возмущение Крушинского вызвала также публикация А. Ивича «Про мячи и калоши». Познавательный очерк, доступно рассказывающий юным читателям о широком использовании резины в современной жизни. Автор обращается к детям с предложением написать сказку, где по воле волшебника исчезла резина. Используется прием, способный, по мнению автора, через пробуждение фантазии помочь детям понять, какое место занимает резина в современном мире и повседневной жизни. Крушинский счел эту идею опасной, способной вызвать страх у детей: «...редак-

[14] Правда. 1946. 24 авг.

ция желает, чтобы маленькие читатели описывали, как захлебывается водолаз, вспыхивают пожары, сталкиваются автомобили?» Экспликация текстов также дается в «ключе» постановления. Автор старается подвести читателя к мысли о том, как пагубно проявилось влияние Зощенко на детскую литературу в целом. Это фиксирует прямая ссылка на ставший притчей во языцех рассказ писателя «Приключения обезьяны», названный «верхом политической слепоты и литературной безвкусицы».

При анализе деятельности журнала «Пионер» вновь рассматривалось творчество К. Чуковского, опубликовавшего повесть «Серебряный остров». Ее форму западного детективного романа критик признал идеологически не выдержанной. Обнаружена также крамола в юмористическом рассказе В. Матова «В тайге», как считает автор, опошляющем серьезную тему (так считает автор). Общий вывод — в журналах «Мурзилка» и «Пионер» отсутствует воспитательный педагогический план. Выбор персоналий неслучаен. Очевидны претензии не к произведениям, а к определенным личностям. Реализация основной цели сталинской акции — восстановить прежние идеологические устои и полностью исключить любые проявления «вольнодумства» — предполагала в ходе пропагандистской кампании расширить круг лиц, обвиняемых в отступлениях от основополагающих принципов советской литературы с тем, чтобы «приструнить» всех, кто воспринял партийные решения крайне негативно.

А таких было много. Представление об этом можно составить, ознакомившись с высказываниями К. Симонова: «У некоторых нетвердых в марксизме и в идейности такие настроения проявились. И в Ленинграде и в Москве мы встречались с такими фактами. Люди не поняли того, что говорилось в 1946 г.»[15].

Другая его фраза отчетливо свидетельствует о его собственных убеждениях в необходимости принятых высшим политическим руководством решений. Он сказал: «...в каких-то писательских литераторских головах бродило неправильное представление по поводу отношения к решению партии по идеологическим вопросам, принятому в 1946...»

Симонов произнес это в 1954 г., т.е. через год после смерти Сталина на заседании общего собрания Ленинградского отделения ССП СССР, ставшего еще одним позорным судилищем. Поводом стала встреча А. Ахматовой и М. Зощенко с английскими студентами [Сарнов, 2008, с. 405]. На вопрос о его отношении к критике в докладе Жданова писатель ответил, что он с ней не согласен. Его

[15] Культура и власть от Сталина до Горбачева. Аппарат ЦК и культура. 1953—1957. Документы. М., 2001 С. 241—243.

ответ вызвал широкий резонанс. Послушная писательская среда также подвергла его остракизму.

Под призмой принятого постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» рассматривались также учебники, рассчитанные на подростков.

В октябре 1946 г. в «Правде» под рубрикой «Критика и библиография» появилась статья «Серьезные пороки учебника советской литературы», где подвергался серьезной критике учебник проф. Л. Тимофеева. К. Потапов обвинял автора в грубейших политических ошибках: обойдены вниманием такие поэты, как М. Исаковский, М. Рыльский, М. Бажан, Я. Колас. Но самым серьезным проявлением политической близорукости автора учебника, говорилось в статье, стало возведение в ранг «виднейших и талантливейших» мастеров слова М. Зощенко и А. Ахматовой.

К недостаткам учебника также отнесено отсутствие в нем национальной литературы: Азербайджана, Узбекистана, Туркмении, Киргизии, Молдавии, Карело-Финской ССР, а также прибалтийских республик.

Среди публикуемых официальных материалов и передовиц «Правда» практикует выступления как бы «коллег по журналистскому цеху», тем самым имитируя полемику между отдельными изданиями на страницах центрального органа партии, но выбор персоналий также тенденциозен.

В этом плане показателен материал В. Ермилова (одного из «обоймы» ответственных идеологических работников аппарата ЦК, на тот момент редактора «Литературной газеты»), опубликованный 24 октября 1946 г. в рубрике «Критика и библиография» под заголовком «О ложности понимания традиций». Критике подверглась статья А. Лежнева «Шолохов и традиции» в журнале «Новый мир». Автор обвинялся в подмене ценностей. Ермилов находит идеологический «перекос», стирание граней между старой и новой Россией в уравнивании таких несоизмеримых по значимости ценностей, как построенный в советское время тракторный завод в Харькове и памятник архитектуры — Печерская лавра в Киеве, последний, разумеется, как незначительный, относящийся к церковным реликвиям.

Итоги проведенной с августа 1946 по февраль 1947 г. идеологической работы партии нашли отражение в выступлении А. Фадеева «О литературно-художественных журналах», опубликованном в «Правде» 2 февраля 1947 г. Отмечалось улучшение в ведении журнала «Звезда», опубликовавшего такие произведения, как «Повесть о моем сыне» Е. Кошевой, «Старых гор подаренье» П. Бажова, «Ветер с юга» Эльмара Грина.

По мнению секретаря ССП, выражавшего официальную точку зрения, редакция с должной ответственностью подошла к решению задач перестройки своей деятельности, подвергнув должной критике Ахматову и Зощенко. К заслугам издания автор отнес регулярную публикацию статей, «поясняющих и развивающих линию партии», а также развитие критико-библиографического отдела в направлении, соответствующем идеологическому курсу партии.

В статье-отчете А. Фадеева отводилось большое место анализу хода реализации постановления журналами в целом.

Положительными сдвигами характеризовалась деятельность журналов: «Октябрь» напечатал «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого; «Новый мир» — очерк Б. Гашина «В Донбассе»; «Знамя» опубликовало доработанный вариант повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» и произведения писателей братских республик. Но наряду с появлением на страницах журналов таких идейных и полезных для народа произведений на их страницы, по мнению автора, проникают и другие. «Новый мир» напечатал лживый и грязноватый «рассказец» А. Платонова «Семья Иванова». «В наших журналах еще немало рутины и еще недостаточно вложено в них вдохновенного большевистского труда»[16] — таков окончательный вывод автора.

Постановление ЦК партии 1946 г. определило стратегический курс в сфере литературы и отражения ее развития в журнальной периодике. Регулярно в каждой публикации «Правды», посвященной появлению на страницах какого-то журнала нового литературного произведения, давалась соответствующая оценка строго с позиций документа, чаще всего с прямой ссылкой на определенные его положения.

Принятое постановление имело программный характер и было рассчитано на длительную перспективу. В соответствии с ним не только выравнивалась генеральная линия развития издания, но и периодически ему придавался определенный «крен» на своевременное устранение новых проявляющихся опасных, с точки зрения власти, тенденций. Наиболее убедительно об этом свидетельствует опубликованная в «Правде» через несколько лет после принятия постановления, 2 июня 1951 г., статья «Против идеологических извращений в литературе», подтверждавшая, что документ продолжал оставаться эталоном при определении критериев деятельности изданий. В поле зрения вновь попадает журнал «Звезда» как издание, постоянно находящееся под пристальным вниманием партийного руководства в качестве наиболее одиозного.

Поводом, по мнению газеты, послужил опрометчивый шаг редакции, опубликовавшей стихотворение украинского поэта В. Со-

[16] Правда. 1947. 2 февр.

сюры «Люби Украину». Суть статьи: сигнал-предупреждение о проникновении национализма на страницы центральных журналов и установка для критиков на усиление требовательности и повышения политической бдительности при отборе материалов для публикации.

Гиперболизация проявлений националистических тенденций в литературе и журналистике была вызвана необходимостью усиления внимания общества к этому явлению и активизации деятелей идеологической сферы на борьбу с «опасным внутренним врагом».

Упомянутая выше статья в «Правде» как бы закольцовывала проблемы, считавшиеся властью наиболее значимыми в проводимой политике: усиление борьбы журналистскими средствами с «космополитизмом» и национализмом путем повышения идейного уровня изданий. Борьба с космополитизмом в среде критиков, начавшаяся в 1946 г., достигла своего «пика» в 1949 г. с появлением статей в «Правде» «Против космополитизма в литературе»[17] и полосной имеющей программный характер, «Об одной антипатриотической группе театральных критиков»[18] ставшей позже одиозно известной. Она открыла поток публикаций, где представителям творческой интеллигенции в лице критиков предъявлялись обвинения в отсутствии патриотизма, проявлении низкопоклонства перед Западом, в злостных выпадах в адрес «лучших отечественных деятелей культуры», протаскивании в литературу безыдейности и формализма.

Массированное наступление на критиков—искусствоведов, можно считать, развернулось на страницах «Правды» с публикацией статьи «За советский патриотизм в искусстве»[19] президента Академии художеств СССР А. Герасимова, где «пошлыми буржуазными эстетами» названы А. Эфрос, А. Ромм, О. Бескин, А. Аркин, Н. Пунин, И. Маца, Я. Пастернак и др.

Кампания развивалась динамично. В следующем номере газеты от 11 февраля помещен отчет о партийном собрании ССП СССР, обсуждавшем статью в «Правде» и осудившем критиков-формалистов И. Альтмана, Д. Данина, Л. Суботского.

16 февраля публикуется статья Н. Грибачева «Против космополитизма и формализма в поэзии», бичевавшая критика, посягнувшего на «сакральные» произведения, отмеченные Сталинской премией, и позволившего себе «превознести» те, которые «недостойны» этого.

25 февраля «Правда» предоставляет место для выражения якобы мнения общественности путем опубликования писем «рядовых» читателей, возмущенных критическими выступлениями

[17] Правда. 1949. 11 янв.
[18] Там же. 28 янв.
[19] Там же. 10 февр.

Д. Данина и Е. Холодова под заголовком «Сомнительные выкрутасы работников “Литературной газеты”».

Отчет о собрании московских драматургов и критиков под заголовком «До конца разоблачить космополитов-антипатриотов» появляется в 2 номерах газеты от 26 и 27 февраля.

Показательной с точки зрения формирования массового сознания в духе официальной мифологизированной сталинской идеологии можно считать статью Ю. Павлова «Космополитизм — идеологическое оружие американской реакции», опубликованную 7 апреля 1949 г.

Она содержала серьезное обвинение интеллигенции — отступнице от патриотических устоев социалистического общества. На разоблачении сущности космополитизма как проповеди мирового гражданства, отказа от принадлежности к определенной нации, отрицании традиции государственности выявлялась опасность подобных проявлений в обществе.

Масштабная, имевшая многослойный характер, акция борьбы с «безродными космополитами», затронувшая все области культуры, науку, была обусловлена сугубо субъективными факторами, связанными с идеологическими целями партии во внешней и внутренней политике в период «холодной войны». Поэтому она полностью охватила журналистику и сферу общественных и гуманитарных наук.

«Против космополитизма в философии» — под таким заголовком 2 марта 1949 г. вышел материал в «Литературной газете». В нем говорилось о двухдневном заседании Ученого совета Института философии Академии наук СССР, обсуждавшем «антимарксистские космополитические работы проф. Б. Кедрова», содержащие крупные ошибки, «идущие по линии буржуазного космополитизма».

Ученого обвиняли в неправильной интерпретации работ Ленина и неудачном их цитировании. В вину философу ставилась его «порочная» деятельность на посту главного редактора журнала «Вопросы философии», когда он якобы оказал существенную поддержку «морганистам-вейсманистам», печатая их статьи, и выступал «в защиту идеалистов-физиков, еще имеющихся до сего времени среди наших ученых»[20].

Собрание единодушно осудило взгляды Кедрова. При этом было отмечено: в его книгах и статьях космополитизм в области философии нашел свое теоретическое обоснование и изложение. Получив широкое распространение, его труды нанесли серьезный ущерб делу воспитания молодого поколения «в духе марксизма-ленинизма».

[20] Литературная газета. 1949. 2 марта.

В условиях активного противостояния двух систем власть под флагом патриотизма наносила удар по инакомыслию среди интеллигенции, утратившей, на ее взгляд, принципы соцреализма и партийности и вставшей на путь формализма и «низкопоклонства» (термин, введенный в оборот ждановским докладом. — *Н.Т.*) перед Западом.

Газета «Правда» возглавляя кампанию борьбы с «безродными космополитами» определяла основные подходы в ее ведении для всей журналистики, формируя общий критический фон, необходимый для выработки политического единомыслия общества.

Но война велась и по линии очищения от космополитов редакционных коллективов. Например, она коснулась редакции такой, казалось бы, далекой от идеологии газеты, как «Советский спорт».

Весной 1949 г. секретарю ЦК ВКП(б), заместителю Председателя Совета министров СССР Г. Маленкову поступило письмо от работников ЦК партии Д. Шепилова и Л. Ильичева[21]. В нем сообщалось, что Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) неоднократно обращал внимание Комитета по делам физкультуры и спорта при Совете министров СССР на засоренность кадров редакции газеты «Советский спорт» и предлагал принять неотложные меры по укреплению аппарата редакции. Однако Комитет не сделал серьезных выводов. В редакции газеты долгое время оставались «космополиты» Ясный, Блюменфельд, Гуревич, Шнейдер, Викторов.

В письме приводится любопытный факт, свидетельствующий об атмосфере доносительства, сложившейся в это время внутри журналистской среды. Отдел ЦК партии получил письмо от работников газеты «Комсомольская правда» (фамилии приводятся. — *Н.Т.*), сообщавших о длительном существовании в редакции «Советский спорт» нелегального спортивного тотализатора, за счет которого обогащался подпольный кружок, куда входили Виттенберг, Гинзбург, Ясный, Заславский, Блюменфельд, Тиновицкий, Ваньят и др. Эта якобы группа монополизировала освещение проблем физкультуры и спорта в печати, умышленно искажала сущность советского физкультурного движения, компрометировала лучших советских спортсменов и тренеров, помогала друг другу публиковать свои материалы в разных изданиях.

Отнесенный к этой группе, а в дальнейшем один из самых известных спортивных журналистов Ю. Ваньят позднее, в период «оттепели», на многочисленных встречах в Центральном доме журналистов, в ЦДРИ неоднократно касался этой истории и утверждал, что это был «антисемитский поклеп». В условиях сталинского режима такое было бы просто невозможно, учитывая за-

[21] РГАСПИ. Ф. 17. Д. 264. Оп. 132. Цит. по: Летопись А. Вартаняна // Спорт-Экспресс. 2009. 29 мая.

централизованность, подконтрольность со стороны государства и тщательное отслеживание всех спортивных соревнований со стороны секретных органов.

«Эгоизмом, ограниченностью, самолюбованием, то есть всеми признаками, характерными для буржуазных спортсменов, — говорилось в письме об одном из «космополитов», — «награждает Викторов героев своих очерков — советских спортсменов...». «Викторов в своих очерках не упоминает ни о спортивных обществах, ни о комсомоле».

«Чиновники от пропаганды» разновременно докладывали в письме Маленкову о принятых мерах по очищению редакции «Советский спорт» от космополитов, а также «от работников, слабых в деловом и сомнительных в политическом отношении», таких, как Ясный и Заславский.

В докладной также предлагалось обязать Комитет по делам физической культуры и спорта в месячный срок укомплектовать «Советский спорт» «проверенными в политическом и деловом отношении людьми» и направить для укрепления редакции десять работников.

В этом письме и других подобных ему материалах кампании чаще всего преследовались люди с неблагополучным «пятым пунктом». На этом этапе этих людей унижали и оскорбляли, уничтожали морально как человеческую личность. Позже, во время «дела врачей», разгрома антифашистского еврейского комитета речь шла уже о физическом уничтожении.

Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», принятое в августе 1946 г., стало как бы точкой отсчета в осуществлении политической акции, направленной на ее начальном этапе на ужесточение идеологического режима, а завершившейся возвращением к методам тридцатых годов, карательным действиям против «врагов народа». В заголовках публикуемых статей вновь ключевыми становятся слова: «Разгромить!», «Разоблачить!», «Покончить!»

Разгромная кампания в «Правде»и других центральных изданиях, имитировавшая творческие дискуссии, проходившие под флагом борьбы с «космополитизмом» и «национализмом», имела масштабный и системный характер. Она затронула разные по типу газеты и журналы, национальную журналистику, детскую, учебную литературу, научные издания.

Был также нанесен удар по русской эмиграции, перед чьей журналистикой, зачастую довольно объективно отражавшей и комментирующей происходящее в Союзе, Сталин был бессилен.

Известно, что буквально накануне принятия постановления И. Бунин серьезно задумался о возвращении на Родину. Но «...появился доклад А.А. Жданова... Когда я это прочел, я понял, что

с Буниным дело кончено, что теперь он не поедет», — пишет К. Симонов. — Может быть, Бунина не столь уж взволнует то, что сказано о Зощенко... но все, что произошло с Ахматовой будет им воспринято как удар по себе. Если об наотрез отказавшейся уехать в эмиграцию Ахматовой говорят и пишут такое, то, что будут говорить о нем, проведшем столько лет в эмиграции...»[22].

Сталинский режим, обманув надежды победителей, вновь жестко подавил моральный и интеллектуальный потенциал общества. Но ему не удалось уничтожить его окончательно: в нелегальных условиях аккумулировались мощные протестные силы, сразу проявившиеся с началом «оттепели».

К таким выводам приводит анализ материалов печати этого периода, отражающих курс на значительное усиление идеологического диктата высшего политического руководства страны во главе со Сталиным в сфере литературы и журналистики в первые послевоенные годы, ставшие периодом возрождения сталинщины тридцатых годов во многих ее проявлениях.

Список литературы

Громов Е. Сталин: власть и искусство. М., 1998.

Наше Отечество. Опыт политической истории / С. Кулешов, О. Волобуев. М., 1991.

Новейшая история отечества. XX век: В 2 т. Т. II // Под ред. А.Ф. Киселева, Э.**М**. Щагина. М., 1999.

Сарнов Б. Сталин и писатели. Кн. 2. М., 2008.

Поступила в редакцию
14.01.2011

[22] *Симонов К.* Истории тяжелая вода. М. 2005. С. 226

М.И. Бабюк, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mbabyuk@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (по архивным документам фонда Л.З. Мехлиса)

Автор анализирует характер изменений в советской пропаганде в первые послевоенные годы, основываясь на анализе архивных документов личного фонда одного из советских идеологов — Л.З. Мехлиса, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

***Ключевые слова**: идеология, пропаганда, Л.З. Мехлис, послевоенные условия.*

The author analyses the changing of the Soviet propaganda during the first post war years making use of rare archival documents from the personal collection of Lev Mekhlis — one of the Soviet ideologist of the post war period. The collection of documents is kept in Russian State Archive of Social and Political History.

***Key words**: ideology, propaganda, L.Z. Mekhlis, post-war conditions.*

Окончание Второй мировой войны повлекло за собой масштабные изменения во внутреннем устройстве СССР, связанные с конверсией социально-экономической системы государства. Вместе с другими сторонами общественной жизни эти перемены коснулись и информационной составляющей. В частности, существенному пересмотру подверглось содержание периодических изданий в СССР — стало увеличиваться количество газет, журналов, других печатных изданий, существенно возросли тиражи периодических изданий в стране [Овсепян, 1999, с. 164].

Необходимо отметить, что окончание войны потребовало существенной корректировки системы пропаганды Советского государства. В первую очередь потому, что советская пропаганда также нуждалась в переходе на мирные рельсы: необходима была смена целей и задач государства под условия мирной жизни. Фактор сплочения населения на основе патриотизма и необходимости победы над врагом перестал быть актуальным, и поэтому было необходимо четко сформулировать новые общественные задачи, объединяющие общество идеи.

Во вторую очередь сильно изменившаяся политическая, социальная, культурная конъюнктура требовала оперативной реакции со стороны партийных идеологов, объяснения основных черт нового мирового устройства в русле коммунистической идеологии.

При этом нельзя не отметить сложность положения советской пропагандистской машины в вопросах взаимоотношений власти

и общества. Многие постулаты советской внутриполитической пропаганды, которые использовались в СССР до начала Великой Отечественной войны, были достаточно сильно обесценены к ее окончанию, и потому не годились для использования в своем аутентичном виде. Кроме того, принципиально изменившееся международное положение СССР и сложная внутриполитическая ситуация требовали выработки и ряда новых ответов власти на вызовы времени.

Контуры будущих проблемных аспектов послевоенной идеологии отчетливо начали проявляться уже после коренного перелома в Великой Отечественной войне и потребовали оперативного вмешательства руководящих структур в организацию пропаганды и агитации [Фатеев, 1999]. И еще более они усилились с приближением окончания войны, вместе с которым росло и количество новых для советской пропагандистской системы проблем.

В этом смысле серьезный интерес для вскрытия механизмов послевоенной перестройки пропаганды представляют документы из фонда Льва Захаровича Мехлиса, который, последовательно занимая высокие партийные должности, был одним из тех, кто определял контуры системы пропаганды и агитации, ее отражения в СМИ[1].

Л.З. Мехлис играл существенную роль в разработке внутриполитической системы пропаганды и агитации, в развитии СМИ в предвоенный период. В частности, с 1930 г. Л.З. Мехлис заведовал Отделом печати ЦК ВКП(б), долгое время был главным редактором газеты «Правда». С 1937 г. Лев Захарович возглавлял Главное политуправление Красной Армии, т.е. идеологическая работа и работа со СМИ были одним из приоритетных направлений деятельности Л.З. Мехлиса.

Война внесла серьезные коррективы в должностные обязанности этого партийного функционера. В 1942 г., после неудач Крымского фронта, где он был представителем Ставки, Л.З. Мехлис был понижен в должности и звании, снят с поста начальника Главного

[1] Архив Л.З Мехлиса в РГАСПИ (ф. 386) состоит из одной описи, которая включает в себя десятки материалов как машинописного, так и рукописного текста. В основном это стенограммы различных заседаний, а также конспекты выступлений Л.З. Мехлиса. Основное содержание материалов охватывает проблемы идеологии, политической работы. Документы представляют период 1930—1940-х гг. Особенностью материалов является личная карандашная правка Л.З. Мехлисом большой части документов. Карандашами разного цвета Л.З. Мехлис подчеркивал значимость того или иного тезиса, делал добавления и пометки. Правки сами по себе представляют интерес для исследователя, поскольку через них достаточно легко определить основные акценты проблем, рассматриваемых партийными лидерами, определить настроение и эмоции. Впрочем, коллекция документов достаточно небольшая и не отражает полноты деятельности Л.З. Мехлиса. Часть документов по проблеме необходимо искать в других архивах.

политуправления Красной армии. Однако как в течение войны, так и после нее Л.З. Мехлис оставался на высоких военно-политических постах в армии.

В 1945 г. Л.З. Мехлис занимал должность члена Военного совета 4-го Украинского фронта. Документы, отражающие его деятельность, в том числе и с политработниками и сотрудниками фронтовых газет, хорошо иллюстрируют процесс редукции идеологических постулатов, разрабатываемых в высших эшелонах власти в инструкции и указания по пропаганде и агитации на местном уровне. А с приближением окончания войны и в условиях мирного времени они хорошо иллюстрируют изменения в системе советской пропаганды в этот период.

В частности, Л.З. Мехлис в своем докладе на совещании с политработниками 38 Армии еще в феврале 1945 г. отмечал, что нахождение солдат Советской армии за границей может породить нездоровые тенденции в советском массовом сознании. «Нельзя не учитывать также, как влияет на умонастроение солдат и офицеров все, что они видят за границей и как они понимают окружающую обстановку»[2], — отмечал Мехлис в своем докладе. И хотя основная часть доклада в этот период еще посвящена проблемам идейного воспитания солдат в условиях войны на чужой территории, здесь нельзя не отметить серьезную озабоченность партийного руководства проблемами послевоенного мировосприятия солдат Советской армии. Интересной заметкой репликой на страницах данного доклада Л.З. Мехлиса стало сравнение ситуации 1945 г. с ситуацией декабристов, которые после заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. привнесли в русское общество прогрессивные идеи[3]. Иначе говоря, одной из важнейших проблем послевоенной идеологии Л.З. Мехлису представлялось удержание общественного сознания в фокусе партийной идеологии в условиях прорыва информационной изоляции советского общества во время войны.

В контексте будущей послевоенной жизни серьезной проблемой для советской партийной элиты оказывалось проникновение в сознание масс буржуазной идеологии. Эта идеология могла проникнуть в сознание советских людей при их нахождении на территории капиталистических государств. Она могла просачиваться на территорию СССР как раз через возвращавшихся на родину солдат[4], через репатриированных граждан, создавая существенную угрозу советскому политическому строю.

---

[2] РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

[3] Там же. Л. 3.

[4] Там же.

Показательно, что в ранних докладах и документах фонда Л.З. Мехлиса периода Великой Отечественной войны данные проблемы никак не обозначаются[5]. Проблематика переустройства послевоенной агитации остро встает именно тогда, когда принципиально изменяются внешнеполитические условия, когда Советская армия пересекает границы СССР и оказывается на территории Центральной Европы.

Окончание Второй мировой войны еще более обострило проблемы в области идеологии и пропаганды, потребовало еще более энергичной перестройки идеологических постулатов и увеличило нагрузку на пропагандистские органы.

Так, в частности, в докладах и конспектах Л.З. Мехлиса послевоенного периода можно отметить следующие проблемы в области агитации и пропаганды, которые он обозначает в армии после окончания войны:

— отсутствие таких же значимых объединяющих общество факторов, каким была Великая Отечественная война для поддержания эффективности агитации и ангажирования населения для проведения социально значимых акций. Л.З. Мехлис специально отмечал, что во время войны пропаганда была гораздо более целенаправленной, острой, эффективной[6]. Особенно интересно отметить, что среди важных факторов пропаганды периода войны Мехлис отмечал национальный вопрос. «Жизнь или смерть славянским народам» — так звучал один из важных лозунгов пропаганды времен войны, по словам Льва Захаровича[7]. Прекращение борьбы предельного накала, которая сплачивала и мобилизовала людей сама по себе, естественно требовала от советской системы пропаганды и агитации новых подходов;

— утрата политработниками в новых условиях перспективы и целеустремленности в пропаганде[8]. По мысли Л.З. Мехлиса, многие советские пропагандисты в условиях мирного времени не смогли эффективно перестроить свою работу. Снижение требовательности политических органов к себе и к качеству пропагандистских материалов вело к падению дисциплины в армии и утере связи с массами советских политических органов[9];

---

[5] Так, в черновых набросках доклада перед редакторами фронтовых газет 38-й Армии лета 1944 г. рекомендации Л.З. Мехлиса журналистам касаются вопросов повышения боевого духа солдат, улучшения качества боевой подготовки и т.п. Все проблемы, которые обсуждались с редакторами фронтовых изданий, универсальны для пропаганды военного времени. Вопрос переформирования пропагандистских постулатов, поднимается Л.З. Мехлисом только после перехода Советской армии границ СССР.

[6] РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же. Л. 3.

— еще одним вызовом для системы пропаганды стали общественные ожидания в условиях окончания войны. Л.З. Мехлис отмечает в этом контексте как минимум два существенных фактора: 1. Ожидание резкого улучшения жизни с окончанием войны[10]. 2. Фактор осознания разницы в уровне жизни между СССР и другими европейскими странами[11].

Совершенно очевидно, что общественные ожидания не могли оправдаться в краткосрочной перспективе, как в силу объективных причин, так и в силу медленного вползания СССР в «холодную войну». А поскольку война эта требовала ресурсов, то их можно было получить за счет урезания внутренних расходов. В силу этого одной из важных целей пропаганды было разъяснения сложностей в переходе к мирной жизни. Это и отмечал Л.З. Мехлис в своих конспектах, требуя от политработников доносить до рядового состава армии причины временных сложностей[12]. Прежде всего, как писал Л.З. Мехлис, необходимо время для восстановления промышленности и быта[13]. Кроме того, для восстановления страны необходим упорный труд населения, что также крайне актуально в пропагандистской работе[14].

Проблема сознания миллионов советских жителей, побывавших за границей и имевших возможность сравнить советский образ жизни с европейским, остро осознавалась советской политической элитой. Л.З. Мехлис возвращается к мысли о декабристах не в одном своем конспекте[15]. Разницу в уровне жизни населения невозможно было игнорировать, следовательно, необходимо было обеспечить идейное обоснование данного факта;

— наконец, перед пропагандистскими органами в СССР стояла еще одна масштабная задача. Окончание Второй мировой войны привело к существенному перекраиванию политической карты мира. И хотя в 1945 г. контуры всех последствий этого события еще не проявились отчетливо, очевидно, что СССР перестал быть социалистическим государством в политической изоляции, но стал одним из лидеров мировой политики. Этот факт требовал известного осмысления и переформирования стратегии массового сознания в новых условиях.

Л.З. Мехлис в обращении к политработникам, обширно освещая эти факты, подчеркивал необратимость и серьезность сдвигов

---

[10] Там же. Л. 8.

[11] Там же. Д. 24. Л. 13.

[12] Там же. Л. 8.

[13] В конспекте совещания с политработниками 38-й Армии (проходило 28.09.1945 г.) Мехлис даже указывает примерные сроки восстановления хозяйства — 3—5 лет.

[14] РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 25. Л. 8.

[15] См., например: РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 24. Л. 2 и РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

во взаимоотношении социалистического и капиталистического мира[16], однако, предостерегал от самоуспокоения и эйфории. США как лидер капитализма еще очень силен и потому необходимо укреплять и совершенствовать вооруженные силы для возможного отпора новому врагу[17]. «Мы должны быть сильными, чтобы пожать плоды победы»[18] — утверждал Л.З. Мехлис, говоря о послевоенном мировом устройстве. Из этой мысли непосредственно выводился тезис о необходимости содержания большой армии и сохранения расходов на ее содержание в условиях мирного времени.

Таким образом, в послевоенной пропаганде факт угрозы новой войны мог использоваться как для объяснения причин сохранявшихся трудностей в условиях мирного времени, так и для мобилизации населения для организации новых политических и военных проектов государства.

Основным способом решения данных идеологических проблем в инструментальном плане Л.З. Мехлис считал прежде всего увеличение объемов пропаганды с одновременной конкретизацией, привязкой к новым общественно-политическим условиям, что позволило бы пропаганде более эффективно обслуживать государственные нужды. Мехлис особенно отмечал, что «сейчас остро стоит вопрос об *усилении роли печатной агитации и пропаганды*»[19]. С одной стороны, изменение количества пропагандистских материалов позволило бы более постоянно влиять на массовое сознание, подробнее объяснять причины и характер трудностей в послевоенное время. При этом именно печать становилась для партийной элиты тем важнейшим элементом, который инструментально обеспечил бы в послевоенный период эффективную работу с массовым сознанием.

С другой стороны, Л.З. Мехлис неоднократно подчеркивал в своих работах, что конкретизация пропаганды, ее привязка к реальным условиям существования конкретного человека и есть путь к оптимизации процесса воздействия на массы. А это требовало уже не просто изменения количества агитационных материалов, а улучшения качества работы журналистов и политработников, их образования, культуры, профессиональных качеств.

Необходимо отметить, что документы из фонда Л.З. Мехлиса посвящены прежде всего проблемам пропаганды и агитации в воинских частях в условиях окончания войны, однако было бы упрощением считать, что та проблематика, которую поднимал Лев Захарович, касалась только пропаганды в воинских частях. В своих

[16] РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 25. Л. 8.
[17] Там же. Л. 9.
[18] Там же.
[19] Там же. Л. 3.

рассуждениях Мехлис касался также и проблемы демобилизации солдат в контексте пропаганды[20], обращал внимание на вопрос возвращения больших масс населения в СССР[21], наконец, на вопросы происходящих изменений в промышленности и в быту[22], т.е. Л.З. Мехлис стремился охватить вопросы, которые далеко выходят за рамки армейских проблем. Следовательно, можно сделать вывод, что в его документах мы видим экстраполяцию решения идеологических проблем в масштабе всего общества на частный случай армейских подразделений. И Мехлис конкретизировал данные проблемы применительно к армии.

Как представляется, документы из фонда Л.З. Мехлиса иллюстрируют достаточно оперативный анализ советским политическим истеблишментом тех проблем и вызовов времени, которые сложились с окончанием Великой Отечественной (да и в масштабах Второй мировой) войны. Также они указывают те практические шаги, которые партийные идеологи намечали для сохранения эффективности системы пропаганды и агитации в новых условиях.

Список литературы

Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. М., 1999.
Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945—1954 гг. М., 1999.

Поступила в редакцию
14.01.2011

[20] Там же. Л. 11.
[21] Там же.
[22] Там же. Л. 8.

РАЗДЕЛ IV. ПУБЛИЦИСТЫ И ПУБЛИЦИСТИКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

И.В. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: kafedra339@mail.ru

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

В своей статье автор очертил круг выдающихся писателей и публицистов, которые заложили фундамент советской публицистики, представили всю палитру публицистических жанров. Так, первые годы Советской России представлены произведениями А. Серафимовича, Л. Сосновского, Л. Рейснер, В. Шишкова, Д. Фурманова, М. Булгакова, А. Платонова, М. Шолохова. В 1918—1920-е гг. большинство очеркистов и фельетонистов, будучи фронтовыми корреспондентами центральных и местных газет, писали правдивую летопись Гражданской войны. Центральное место в статье отводится одному из самых известных публицистов этого периода — Л. Сосновскому, который выступал с материалами о людях революции, героях-строителях первого в мире Советского государства и его стремительно менявшемся облике.

Ключевые слова: *советская публицистика, публицисты, большевики, революция, Гражданская война, Сосновский.*

In the article the author has outlined a circle of outstanding writers and publicists who have laid the foundation for the Soviet publicism and have presented all palette of publicistic genres. The first years of the Soviet Russia are presented by texts of A.Serafimovich, L. Sosnovsky, L. Rejsner, V. Shishkov, D. Furmanov, M. Bulgakov, A. Platonov, M. Sholokhov. In 1918-1920th the majority of essayists and feuilletonists, being front-correspondents of the central and local newspapers, wrote truthful chronicle of Civil war. The central place in this article is given to one of the most famous publicists of the period — L.Sosnovsky who wrote a lot about people of revolution, heroes-builders of the first Soviet state and its rapidly changing shape.

Key words: *soviet publicism, publicists, Bolsheviks, Russian revolution, Civil war, Sosnovsky.*

Первые годы Советской России представлены произведениями таких выдающихся публицистов, как А. Серафимович, Д. Фурманов, М. Булгаков, Л. Сосновский. Заслуживают также внимания очерки В. Шишкова, А. Платонова и других. Примечательны публиковавшиеся в «Правде» «Смоленские письма» В. Шишкова, в которых немало интересного о возрождении культурной жизни в Смоленске, о работе Дома крестьянина, в котором разместились сельскохозяйственный музей, редакция крестьянской газеты «Смоленская деревня». Там читались лекции по ветеринарии, другим

актуальным проблемам сельского хозяйства, и все желающие могли получать советы по земельно-правовым вопросам.

В 1918—1920 гг. в губернских газетах «Воронежская коммуна» и «Красная деревня» регулярно появлялись статьи, очерки, фельетоны А. Платонова. Его очерки «Душа мира» («Красная деревня», 1918, 18 июля), «Герои труда» («Воронежская коммуна», 1920, 7 ноября) звучат гимном женщине-матери, людям труда. страстным призывом беречь природу. «Женщина и мужчина, — читаем в очерке "Душа мира" — два лица одного существа — человека: ребенок же является их общей вечной надеждой. Некому кроме ребенка передать человеку свои мечты и стремления, некому отдать для конечного завершения свою великую обрывающуюся жизнь. Некому кроме ребенка».

В эти годы началась публицистическая деятельность Михаила Шолохова: в «Юношеской правде» (одно из названий «Московского комсомольца») были напечатаны его фельетоны «Ревизор», «Испытание», рассказ «Родинка». Надо отметить, что большинство из выдающихся очеркистов и фельетонистов в те годы были фронтовыми корреспондентами центральных и местных газет. В статье «Корреспондент "Правды"» А. Серафимович вспоминает: «Тяжкая осень восемнадцатого года. На Восточном фронте Красная армия с переменным успехом билась с Колчаком, с чехословаками. С фронта систематических известий не было. Что доходило оттуда — было отрывочно, случайно. "Правда" первой эту "линию" попыталась выправить и послала меня на Восточный фронт»[1].

Первый очерк Серафимовича «В теплушке» появился в «Правде» 1 января 1918 г. В этом же году были опубликованы очерки «Политком», «На позиции», «Только уснуть» и др. Главное достоинство военной публицистики А. Серафимовича в том, что в его очерках не было «выдумки», ужасы войны представали во всей правдивости так ярко, что некоторые его очерки, как заметил А. Луначарский, «больно читать».

Такой же правдивой летописью боев стала публицистика Д. Фурманова, являвшегося в марте—августе 1919 г. военным комиссаром 25-й Чапаевской дивизии. Естественно, больше всего очерков писатель посвятил В.И. Чапаеву, М.В.Фрунзе и другим героям Гражданской войны. В связи с героической гибелью В.И. Чапаева в начале октября 1919 г. была выпущена листовка «Памяти героя пролетарской революции и полководца красноармейцев Василия Ивановича Чапаева», которая представлена и очерками Д. Фурманова «Чапаев», «Последние часы Чапаева», «Воспоминания о Чапаеве». В них особо отмечено, что не было случая, чтобы Чапаев-

[1] *Серафимович А.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1980. Т. 3. С. 213—214.

ская дивизия отступила в бою или была разбита, что всю свою боевую жизнь Чапаев горел как костер; все искал, все стремился куда-то, все стремился вперед и погиб, как подобает честному революционеру: с оружием в руках, весь пробитый вражескими пулями. Наблюдавший Чапаева в самой различной обстановке в течение многих месяцев, писатель заключал: «Это был замечательный самородок: красивый, яркий и самобытный. С Чапаевым можно было уставать, с ним можно было исстрадаться, но никогда не могли бы вы с ним заскучать. Это был удивительно живой человек»[2].

Значительное место в публицистическом наследии Д. Фурманова занимает очерковый цикл о М.В. Фрунзе: «Первая встреча» (Правда, 1925, 5 ноября), «Как собирался отряд» (журн. «Красноармеец», 1925, 79), «Последний вечер» (журн. «Красная новь», 1925, 10), «Встреча в Уральске» («Красная звезда», 1925, 5 ноября), «Фрунзе под Уфой» («Правда, 1925, 13 ноября), «Весть о его смерти» (журн. «Комсомолия», 1925, 8). Все эти очерки, опубликованные в год смерти полководца, воссоздавали не только образ человека беззаветной храбрости, героя, но и «прекрасного, редкостного человека с мудрой головой и с детским сердцем», любившего какой-то особенной нежной любовью свой северный Иваново-Вознесенский край.

Запомнились читателям и многие другие очерки военных корреспондентов, например, Ларисы Рейснер. Писательницу Рейснер невозможно отделить от Рейснер-бойца Волжской флотилии, автора цикла очерков «Фронт», публиковавшихся в годы Гражданской войны в газете «Известия» под постоянными рубриками «Письма с фронта» и «Письма с Восточного фронта», изданные в 1924 г. отдельной книгой.

Рассказы и очерки военных корреспондентов, ярко запечатлевшие важнейшие события на Восточном, Южном и Западном фронтах, — правдивая летопись Гражданской войны. И в этом их непреходящее значение.

Среди самых известных публицистов в годы Гражданской войны нельзя не выделить Л. Сосновского. Он, можно сказать, единственный, выступавший почти ежедневно с 1918 г. в «Правде» с материалами о героях-строителях первого в мире Советского государства. Для хозяина-строителя время у нас до сих пор не доходило, отмечал он в 1920 г. в очерке «Строители России», так как Борец оттеснял строителя. Но тут же он замечал, близится время, когда строительству откроется широкий, необъятный простор. «Здесь-то наши бесчисленные строители проявят свой коллективный строительный гений и покажут прежним беспутным господам, каким цветущим,

[2] *Фурманов Д.* Незабываемые дни. Л., 1983. С. 84—85.

дивным садом может стать и станет загаженная прежними хозяевами убогая и обильная наша Русь»[3].

Начиная с 1918 г. Сосновский писал исключительно о новых строителях России. В «Правде» год за годом появляются его очерки: «Городок Окуров», «Две улицы», «Лампочка», «Великий город», «День 1 мая в Кремле», «Мастер Клюев», «Студентка», «Смагин» и многие, многие другие.

Анализируя публицистику Л. Сосновского о первых достижениях социалистических преобразований Советской России, следует особо выделить очерки «Городок Окуров» и «Две улицы», опубликованные в 1918 г. Не прошло и года после Октябрьской революции, подчеркивает Сосновский, как Окуров стал «честным советским городом». Ко дню октябрьской годовщины он порадовал нас книжкой, которая называется: «Год с винтовкой и плугом».

Собственно книжка издана в городе Весьегонске Тверской губернии местным уездным совдепом, акцентирует внимание читателей публицист, но при ближайшем ознакомлении оказалось, что Весьегонск, пожалуй, и есть Окуров. Весьегонск — типичнейший уездный городок, каких в России великое множество. Поэтому всякий, кто хочет получить представление о жизни рядового городка российской республики за год советской власти, пусть прочтет книжку Д. Тодорского «Год с винтовкой и плугом». Вы пожалеете, читатель, если не купите эту книжку, утверждает автор, Она издана прилично, написана увлекательно, живо, снабжена документами, цифрами и, может быть, является единственным пока, цельным, сильным очерком, подводящим итоги годовой работы с винтовкой и плугом.

Когда он прочел эту книжку, признается Сосновский, ему захотелось побольше узнать об этих строителях новой жизни и даже посмотреть на фотографии пионеров коммунизма в глухой провинции «Я обратился к тов. Тодорскому с письменной просьбой прислать какие только можно фотографии из местной жизни. Он любезно прислал большую пачку фотографий, изображающих отдельные моменты весьегонского быта (открытие памятника — бюста Марксу на площади Весьегонска, детская манифестация, октябрьские юбилейные торжества и т.п. Но самое ценное и интересное во всем присланном — это фотографии наиболее видных ответственных работников исполкома. Достаточно было взглянуть на эти лица, чтобы сразу проникнуться доверием к судьбам русской революции. «Окуровский быт семимильными шагами мчится к коммунизму»[4], — заключал он.

---

[3] Правда. 1920. 7 нояб.

[4] Там же. 1918. 27 дек.

О том, как быстро менялся облик Советской России, впечатляюще показано в очерке «Две улицы». Под этим заглавием у Сосновского два очерка: «Улица 11 мая» и «Улица бедноты».

«Случай занес меня в Воронеж, — читаем в первом. — Там сразу в глаза бросились свеженькие, чистенькие вывески названий улиц. Старое название “Дворянской улицы” сменилось “Проспектом Революции”. Всякие Жандармские, Полицейские, Архиерейские улицы уступили место улицам: Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Плеханова, Добролюбова, Комиссаржевской, других. Воронежцы отдали дань также и дням революции. Там есть улицы: 27-го февраля, 25-го октября, дней великих революционных битв и побед русского народа.

Но вот одно название, — акцентирует внимание читателей автор, — заставило меня погрузиться в размышление. Это — “Улица 11-го мая”.

Напрасно напрягал я свою память, стараясь припомнить, какое событие произошло 11-го мая. Перебрал все годы революции и не мог вспомнить ничего, сколько-нибудь подходящего. А воронежцы на первый мой вопрос сразу ответили: “11-го мая? Как же! В этот день мы разогнали Городскую Думу”».

Я немало удивился, — читаем в очерке, — неужели разгон Думы — достаточно большое событие, чтобы отмечать его названием улицы. Но когда он поговорил несколько подробнее, познакомился с жизнью Воронежа, то ему стало ясно, что день 11-го мая достаточно памятный и значительный в жизни города. Более того, он является переломом для двух эпох в развитии революции.

Что было в Воронеже до 11-го мая?

Из очерка узнаем, что после октябрьского переворота в городе существовал Губернский Совет, а рядом с ним и Городская Дума, сплошь состоящая из правых эсеров. Губернский Совет занимался строительством новой жизни, а Городская Дума собирала контрреволюционные заседания, давала приют всяким белогвардейским организациям, выносила громовые резолюции против Совета.

Вокруг Городской Думы группировалась вся интеллигентская и обывательская реакция. Одновременно в Воронеже выходили эсеровские и просто — буржуазные газеты, заседала какая-то беспартийная, якобы, «рабочая» конференция, которая буквально глумилась над Октябрьской революцией.

«Не знаю, как долго продолжалось бы сожительство революции и контрреволюции в Воронеже, если бы Городская Дума не была своевременно разогнана, — заключает автор, — и поэтому воронежцы имеют полное право назвать одну из самых красивых в городе, “Улицей 11 мая”»[5].

[5] Там же. 18 окт.

О быстром преобразовании после Октябрьской революции Воронежа публицист рассказывает и в очерке «Улица бедноты».

Работа по благоустройству во всех крупных городах мира идет по одному плану, неоднократно отмечает он. Все для центра и почти ничего для окраин: мостовые, освещение, канализация, водопровод, скверы, театры, кинематографы, читальни — все в центре, а рабочие кварталы трудовых окраин остаются неосвещенными, малопригодными для жизни. И справедливо замечает, что только пролетарская власть способна поставить на новых началах работу по городскому благоустройству. Опыт товарищей, ставших в Воронеже у руля городского хозяйства со 2-го мая этого года показывает, в каком направлении пойдет городское благоустройство в Советской республике.

Воронеж — типичный российский провинциальный город, неоднократно отмечает он. Пройдитесь по главной улице, которая до 2-го мая называлась «Большой Дворянской»... Приличные мостовые, асфальтовые тротуары; на тротуарах — аллеи деревьев. Ночью горят фонари. Во всех домах телефоны. Прекрасные здания, магазины, театры, кинематографы, клубы, — все, что только может понадобиться культурным, богатым слоям населения.

А в двух шагах от этого «напомаженного» центра города — вопиющая грязь, кромешная тьма и буквально первобытная азиатская слобода. «Я даже не знаю, — пишет Сосновский, — как называется эта злополучная слободка — Чижовка или как-нибудь иначе. Знаю только, что это — причудливый извилистый овраг, спускающийся вниз. С незапамятных времен на берега этого оврага почтенные воронежцы свозили несметное количество навоза. Это была дань центра окраинам. Это было все, что получили окраины от центра. И на вековых пластах навоза сиротливо приютились убогие хибарки ремесленников, извозчиков, мелких торговцев — вообще людей черной кости. Само собой разумеется, ни электрического освещения, ни водопроводов, ни мостовых, ни школ или театров, ничего на этой окраине не было. Здесь сохранился, как в музее, “кусочек пещерного века”»[6].

И вот в один прекрасный день на этой окраине появились новые отцы города — большевики, из городского Совета. Пришли, измерили, прикинули глазом, запечатлели на фотографической пластинке эту диковинную страну и принялись за работу. Уничтожили горы навоза, засыпали, закопали глубокие овраги. Из причудливо нагроможденных закоулков сделали прямую улицу, принялись ее мостить.

Товарищи предполагают сделать на этой улице все, что есть нового в области замощения. Устраивают по последнему слову техники

[6] Там же.

канализационные приспособления, ставят электрические фонари, водопроводные краны, разбивают скверы. И последняя мечта товарищей — это добыть в Москве памятник Марксу, который они поставят на «Улице Бедноты».

Душа и затейник всего этого дела, товарищ Богуславский, с необыкновенной любовью рассказывает о своих планах дальнейшего устройства этой «Улицы Бедноты». Они хотят сделать эту улицу самой лучшей во всем Воронеже. Все, что только можно в нынешних обстоятельствах, они собираются сделать для того, чтобы показать старому миру, как может устраивать свою жизнь победивший пролетарий.

Мечта воронежцев — закончить все работы на «Улице Бедноты» к 25 октября (7 ноября), дню годовщины Октябрьской революции, и торжественным шествием провести воронежских рабочих по новой «Улице Бедноты».

Воронежские большевики могут спокойно и с законной гордостью сказать, — заключает Сосновский, — что они оставили о себе прочный памятник. Таким памятником навсегда останется «Улица Бедноты», в несколько месяцев выросшая на оврагах и протянувшаяся в виде укора по направлению к центру.

Если бы в каждом городе появилось по одной такой «Улице Бедноты» в такой же короткий срок, Россия переродилась бы в ближайшее десятилетие, и никакие статьи не могли бы лучше убедить этих людей в добродетелях коммунистов, чем проведение «Улицы Бедноты». В городской Совет доставлено много благодарственных и приветственных резолюций от обывателей с новой «Улицы Бедноты».

Вот как на конкретных примерах надо агитировать за советскую власть», — так заканчивает свой очерк Сосновский.

Весьма обширный цикл очерков у Сосновского о людях революции. «Трехлетнее существование Советской Республики, ее оборонительная борьба против всех объединенных сил старого мира, — отмечает он в одном из очерков, — представляется многим настоящим чудом. И, может быть, не столько нам, сколько нашим иностранным товарищам захочется поближе всмотреться в образы тех людей, которые строили это чудо-Республику. О Ленине, Зиновьеве, Свердлове и других писали много и былей и небылиц, но очень мало о рядовых строителях. И мне хочется к трехлетней годовщине советской власти извлечь из своих встреч и впечатлений несколько портретов рядовых строителей Советской России. Предупреждаю: это не гениальные, не исключительные, это средние, уездные работники, на которых держится партия и советская власть».

Одним из первых таких строителей он называет уральского рабочего Ивана Кутасова, которого, замечает автор, уже нет в живых. «Год тому назад, — читаем в очерке “Строители России”[7], — пришел ко мне один человек, спасшийся от колчаковской виселицы, и рассказал, что он вместе с Кутасовым и другими пережил в колчаковской тюрьме муки предсмертного томления. Кутасов и другие получили смертный приговор военно-полевого суда. Им оставалось жить несколько часов, но они даже в эти минуты думали о будущем своего Урала. Обращаясь к товарищам по камере Кутасов говорил: “Когда Урал снова станет свободным и когда вернутся на Урал старые уральские партийные работники, разыщите товарища Сосновского и передайте ему, что я, умирая, ни на одну минуту не сомневаюсь: наше дело победит. Привет всем уральским товарищам по борьбе”. Кутасов был одним из достойнейших рабочих, с богатейшими задатками строителя, организатора, смелого, отважного. Он был схвачен Колчаком с оружием в руках и погиб, защищая дело рабочего класса».

Столь же проникновенно написаны очерки и о рядовых строителях Советской России: «Красные директора», «Не он ли лучший», «Мастер Клюев», «К делу Кузнецова», «Смагин», «Сима Дерябина», «Памяти смелого изобретателя», «Студентка», «Красная директорша товарищ Чекмазова» и многие другие.

О мастере Клюеве Сосновский пишет: «Пробовали не раз заменить мастера Клюева то инженером, то привозным мастером с более цивилизованной внешностью, но начнут трубы лить — 80 процентов в брак идет. Приходилось снова Савелия Никифоровича Клюева звать. Возьмется за дело — никакого брака»[8].

«Вопиющая нелепость, читаем в очерке, что такие Клюевы остаются неизвестными, заброшенными. Святая обязанность профсоюзов — собирать сведения о заслуженных героях труда, выработать способы чествования и вознаграждения их за заслуги перед народом. Недавно мы читали, — отмечает Сосновский, — как чествовалась артистка Ермолова за 50 лет работы на сцене. 50 лет выдающейся работы на сцене дают ей полное право на внимание. Но 52 года работы Клюева у расплавленного металла тоже что-нибудь стоят. В империи Романовых были заслуженные артисты императорских театров. В республике трудящихся будут почетные заслуженные литейщики советских заводов».

С захватывающим интересом читается очерк о рабочем Степанове, который с начала революции стоял во главе Весьегонского уездного исполкома в чисто крестьянском районе. Стоило приглядеться к нему, как невольно вспоминался покойный Яков Михай-

[7] Там же. 1920. 7 нояб.

[8] Там же. 24 октяб.

лович Свердлов. «Та же железная рука, — пишет Сосновский, — железный голос, такое же громадное влияние на всех ближайших и тот же непререкаемый авторитет в глазах всех, с ним соприкасавшихся»[9].

Для рабочих, для крестьян, для интеллигенции имя Степанова означало величайшую справедливость, беспристрастие, непреклонность в борьбе и величайшую внимательность к интересам бедноты.

Степанов являл собою образец хозяина-строителя. Он не только успешно справлялся с текущей работой, объединяя деятельность всех отделов и подотделов, исполкома, он знал решительно все, что делается в различных областях государственной и хозяйственной деятельности уезда и с увлечением разрабатывал план строительства и перерождения жизни родного уезда на новых началах.

Время было тяжелое, голодное, смутное. Приходилось думать о том, как сводить концы с концами, как провести хлебную разверстку, мобилизацию, сбор налога и т.п. Но это не мешало Степанову разрабатывать план широкого благоустройства своего городка, план создания в уезде промышленности, основанной на использовании местных богатств. «Когда вследствие распоряжения высших партийных инстанций Степанов должен был перебраться на губернскую работу, по всему уезду пронесся вопль. Партия и крестьяне готовы были чуть ли не с “оружием в руках” добиваться оставления Степанова в этом городе. Чувствовалось, что с уезда сняли голову и голову незаурядную»[10].

Когда я присматриваюсь ко многим руководителям наших центральных государственных и хозяйственных учреждений, — отмечает Л. Сосновский, — мне совершенно ясно, что такие люди, как Степанов, могут с полным успехом заместить почти любого из них и справиться гораздо успешнее с этим делом.

В отличие от Степанова, олицетворявшего собою твердую руку пролетария-строителя, другой строитель — Панков сочетал в себе черты пролетария и мужичка. От пролетария в нем дисциплина, мужество, выдержка, широкий кругозор. От мужичка — хозяйский глаз, практицизм, житейская мудрость, тонкое знание российского и особенно крестьянского быта. Везде и всюду в первые дни революции внимание руководителей было приковано к проблемам борьбы со старым строем. Но строители, вроде Панкова, с первых же минут занялись хозяйством, собиранием и упорядочением наследства, оставшегося народу. Панков старательно оберегал от разгрома помещичьи усадьбы, собирая лучший скот в советские конюшни и коровники. На людей из класса бывших господ он тоже

[9] Там же. 7 нояб.
[10] Там же.

смотрел хозяйским глазом, соображая, на что бы они могли пригодиться.

Почти с первых дней революции Панков в своем городе дал работу бывшему градоначальнику в канцелярии исполкома, где тот скоро украсил все стены интересными диаграммами и таблицами, которые наглядно демонстрировали все хозяйство уезда и состояние разных отраслей промышленности. Он же пристроил некоего бывшего помещика, хромого гвардейского офицера, потерявшего на войне ногу, в качестве заведующего советскими конюшнями, использовав влечение этого человека к лошадиному спорту и его знания и опыт содержания лошадей.

Другую помещицу- старушку он приспособил к птичьему хозяйству.

Ежедневные доклады бывших господ бывшему рабу о состоянии вверенных им птиц или лошадей заслуживали большого внимания, как кусочек нового быта.

Хозяин — строитель, он ко всякому явлению и подходил с меркой хозяина-строителя — это главное в содержании очерка.

Вот женский монастырь, Для большинства уездных коммунистов, казалось бы, это — просто воронье гнездо, подлежащее разгрому.

Для Панкова это — хозяйственный коллектив с разносторонней громадной производительностью. Это — пчелы, от которых надо прогнать трутней-паразитов.

Мы вместо них устроим коммуну, — заявляют «боевые» коммунисты.

Панков убеждает их организовать в коммуну тех же труженицмонахинь. Во-первых, лучше их и больше их никто не даст нам капустной рассады, овощей, молочных продуктов и ягод. Во-вторых, куда же пойдут эти безродные, одинокие труженицы, состарившиеся здесь на каторжном труде.

Я видел, как у этого крепкого нервами мужика навертывались слезы на глазах, когда он осматривал зловеще-брошенное советское хозяйство или зашелудевший скот коммуны, и как он оживал, рассказывая о встреченных образцовых коммунах.

Не думайте, однако, что этот строитель погряз только в куроводстве и чужд борьбе, — подчеркивает очеркист. — Нет, он может быть беспощадным в борьбе с контрреволюционными восстаниями. Однажды он попал в плен к дезертирской лесной банде, поднявшей восстание. Он был бы уничтожен, так как у него нашли советские мандаты. Но спокойствие, находчивость и знание человеческой психологии его спасли, и он вернулся невредимым, сумев своей агитацией разложить единство настроений.

Мне не хватило бы места, если бы я захотел привести хоть часть моих впечатлений от встреч с этим превосходным мужиком. Как он творил поистине Соломонов суд в запуганных земельно-семейных отношениях нашего диковинного переходного быта! Какой огромный "следовательский" талант пропадает в этом человеке, умеющем двумя-тремя вопросами сломить броню запирательства у опытного преступника, — восхищается автор.

«Мне особенно нравилось, как он, сурово уставив свои строгие глаза в перевязанных веревочкой очках, допрашивает нашкодивших деревенских коммунистов новой формации.

— Разве нас дед Ленин тому учил, чтобы пьянствовать да безобразничать? Разве так коммунисты поступают?»

И в воображении встает образ какого-то нового Ленина. Дед Ленин, патриархальный старый учитель, наставляющий паству, как жить праведной жизнью. «Кто знает, может быть, этот образ понятнее в нашей глухой деревне, чем образ теоретика и вождя с программами и тезисами»[11], заключает Сосновский.

Одним из лучших в цикле «Люди революции» следует назвать очерк «Смагин»: «Умер рабочий Смагин, — так начинается очерк. — Умер скромный беспартийный труженик, пламенный энтузиаст труда и порядка, замечательный самородок. Умер такой подвижный, жизнерадостный, энергичный, толкавший других к работе, к творчеству. Он с первой встречи очаровал меня.

Однажды в редакции "Правды", — вспоминает Сосновский, — Н.И. Бухарин попросил меня познакомиться с неким рабочим Смагиным.

Скоро Смагин был у меня. Высокий малый, неуклюжий, с огромными руками, грубым лицом и замечательными глазами. Главная беда, говорил Смагин, инструкций нет. Обязательно нужны инструкции на всякое дело. Без этого не пойдет Россия. Какие же инструкции, Смагин? Всякие. Допустим, я, Смагин, служу механиком в советской прачечной. Вижу я, что слесарь или истопник не так и не то делает, что следует. Я ему указываю. А он мне отвечает: «Я не хуже тебя знаю». И портит дело. Действительно, так нельзя. Сегодня механиком в прачечной я, дело знающий и любящий. А завтра я умер и вместо меня другой, неопытный механик. Он не знает, как распоряжаться. Надо, чтобы инструкция была.

Какая инструкция?

На каждое дело инструкция. Тогда лучше ли, хуже ли начальник — машина вертится, каждый свое дело знает. Всякого вновь поступающего ознакомить с инструкцией, растолковать. После он будет работать толково и продуктивно. А так у нас одна бестолковщина.

[11] Там же.

Если же мы заведем на всякое дело хорошие инструкции — Россия разбогатеет.

Возьмем хлеб. Дрожжей теперь нет. Хлеб не пекут, а портят в деревне. Изводят муку, а едят черт знает что. Надо напечатать инструкцию, как делать в деревне простейшим способом пригодные дрожжи. Люди будут есть хорошо испеченный хлеб. Меньше болезней, смертей.

Возьмите городскую промышленность. Вот я, Смагин, чумазый рабочий, изобрел топку для нефтяных паровозов. Моя топка экономнее многих других. Ее испытывали специалисты и признали, что она хороша, дает столько-то процентов экономии. Да ходу ей нет. Только на одной дороге она пошла, А почему? Надо издать инструкцию для всех дорог. Раз топка хороша и дешева — сейчас же разослать инструкцию по дорогам».

Заканчивая очерк о фанатике инструкций, Сосновский снова и снова особо отмечает: это большой оригинальный ум, золотые руки и редкой настойчивости характер.

Теперь он умер. Заболел, подвергся операции, перенес ее, но через несколько дней умер.

А перед глазами он стоит живой, подвижный, резко жестикулирующий длинными неуклюжими руками и настойчиво убеждающий:

Уговорите тов. Ленина, чтобы он с Бухариным, и еще с какими-нибудь большевиками устроили ячейку, куда всякий Смагин может прийти со своими предложениями или изобретениями. Знайте: нас, Смагиных, много. Только кликните клич.

И над могилой этого славного чудесного пролетария хочется крикнуть партии:

— Товарищи, берегите Смагиных. Это — лучшее, что есть в народных массах, ее мятущиеся души, ее. Берегите Смагиных, пока они живы. Внимательнее к ним относитесь, окружайте их заботой и поддержкой.

Берегите Смагиных, не проглядите их вокруг себя»[12].

Это остается самым главным и сейчас.

Знание богатейшего журналистского опыта своих предшественников может помочь нашим публицистам своим каждодневным нелегким трудом действеннее способствовать дальнейшему развитию России.

Поступила в редакцию
14.01.2011

[12] Там же. 1921. 20 нояб.

О.Д. Минаева, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: olg-minaeva@yandex.ru

«ПЕРО ОТСВЕЧИВАЕТ ВОЕННОЙ СТАЛЬЮ». «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» О ПИСАТЕЛЯХ НА ВОЙНЕ (1941—1945 гг.)

В статье анализируется содержание «Литературной газеты» в 1941—1945 гг. Тема статьи — «писатель на войне». Рассмотрен большой массив публикаций, в которых известные советские журналисты и писатели обсуждали, что и как нужно писать о войне.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, история советской журналистики и литературы, «Литературная газета» в 1941—1945.*

The article contains an analysis of content of "Literary newspaper" in 1941—1945. The subject of article is "Writer during the war". Many different publications were considered. The famous soviet writers discussed what and how it is necessary to write about the war.

Key words: *The Great Patriotic War, the history of the Soviet periodicals and literature, "Literary newspaper" in 1941—1945.*

Великая Отечественная война стала важнейшим событием в жизни большинства советских писателей. Очевидно, что традиционное содержание собственно литературных изданий, таких, как «Литературная газета»[1], с началом войны сразу стало малозначительным. Потеряли актуальность литературные споры, борьба литературных направлений. Члены Союза писателей приняли посильное участие в войне. Уровень их мастерства, по сравнению с основной массой журналистов, был значительно более высок, поэтому с их помощью освещение войны в центральной гражданской и военной печати поднялось на иной качественный уровень.

В первые же дни войны в дивизию народного ополчения вступили 82 члена и кандидата в члены Московской организации Союза писателей. Из писателей-москвичей сформировали отдельную роту. Командовал ротой молодой аспирант МГУ Ясунский. Среди его подчиненных было немало пожилых писателей. Например, П. Бляхину было тогда около 60 лет, и он специально побрился наголо, чтобы не было видно его седых волос. Более 200 московских писателей ушли сражаться с врагом [Антипина, 2005, с. 214—216].

[1] Выпуск «Литературной газеты» был приостановлен в конце октября 1941 г. С 1 января 1942 г. стала выходить «Литература и искусство» — газета Союза писателей, а также Комитетов при СНК СССР — по делам искусств и по делам кинематографии. Перерыв в издании «Литературной газеты» длился 3 года — с 7 ноября 1944 г. ее выпуск возобновился.

Однако большинство столичных литераторов в 1941 г. были эвакуированы. 700 писателей и членов их семей отправились в эвакуацию еще летом, не менее 100 писателей покинули Москву самостоятельно, примерно 270 человек было эвакуировано в середине октября — такие цифры приводит секретарь Союза писателей А.А. Фадеев в Объяснительной записке в ЦК партии 13 декабря 1941 г. Собственно эти же цифры фигурируют в разных публикациях, посвященных писателям[2]. По приводимым В.А. Антипиной сведениям, на 25 июня 1942 г. в Москве насчитывалось 333 писателя:

Таблица 1

Распределение писателей на 25 июня 1942 г.

В рядах РККА	38
На ответственной и партийной работе	5
Прикреплены к постоянной работе	44
Научные работники, профессора	31
Больные и престарелые	23
Переводчики с иностранных языков	15
Находятся не на постоянной работе	75

Из таблицы [там же, с. 216] трудно понять, сколько именно московских писателей трудились в тылу и на фронте. Конечно, они старались выполнять посильную работу и в Москве, и в эвакуации, терпя голод и холод, как и весь советский народ. Известно, например, что с самых первых дней войны чрезвычайно активно работала М. Шагинян. За один месяц она написала: «...1) для Балтфлота — стихи и статью; 2) для радиовещания — 3 статьи; 3) для Информбюро — 2 статьи; 4) для «Красной Звезды» — 1 статью; 5) для «Учительской газеты» — 1 статью; 6) для «Нового мира» — 1 статью» [там же]. Но те писатели, которым позволяли возраст и здоровье, пошли на фронт.

С практической точки зрения, перед литераторами возникло несколько первостепенных задач. Необходимо было поднять моральный дух бойцов, помочь им преодолеть страх перед сильным и жестоким врагом. Требовалось находить и ярко, в доступной, понятной форме подавать примеры героизма и мужества солдат и офицеров. Меткое, образное слово в те грозные годы ценилось ничуть не меньше, чем танки, пушки и самолеты. Как пелось в песне,

[2] «Литературный фронт». История политической цензуры 1932—1946 гг. Сборник документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. С. 68—69.

«с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом», многие писатели и журналисты военной поры не отсиживались в тылу, а неделями не покидали переднего края, разделяя с бойцами все тяготы и опасности войны. Под пулями, в перерывах между обстрелами и бомбежками шел творческий процесс — осмысление и художественное отображение чувств и мыслей воюющего народа. Необходимо было зафиксировать множество разрозненных фактов, записать рассказы непосредственных участников событий, а также положить на бумагу собственные впечатления. И потом, не откладывая дела в долгий ящик, придать этому бесценному богатству надлежащую литературную форму. У военных журналистов, а это в большинстве своем члены Союза писателей, тема войны осталась лейтмотивом всего творчества. И если творческое наследие Б. Горбатова, В. Гроссмана, И. Эренбурга, К. Симонова и других ярких литераторов того времени несет в себе многочисленные приметы тоталитарной эпохи, то их военная публицистика стоит особняком по искренности, силе выражения и достоверности.

О «почетной роли агитаторов и пропагандистов» в тылу подробно пишет анонимный автор передовой статьи «Все для победы» в «Литературной газете» 13 июля 1941 г.: «Оружие литератора — слово, острое, как штык красноармейца, меткое, как снайперская пуля. На вооружении нашей литературы должны поступить боевые песни, которые воодушевят идущие в атаку красноармейские полки, рассказы о красных воинах-героях, пьесы для театральных походных бригад, стихи, воспевающие доблесть и мужество бойцов и командиров, бичующие подлого и коварного врага. В “Окнах ТАСС” уже появились короткие, как штыковой удар, сатирические стихи. Почин сделан...

Оттачивайте перо, товарищи поэты, прозаики и драматурги!.. В эти дни писатель обязан быть трибуном и чернорабочим печатного и устного слова...»

Такого рода передовые статьи с анализом успехов и недостатков пропагандистской работы литераторов в тылу появлялись достаточно часто: 13 августа, 10 сентября, 1 октября 1941 г. В них писателей хвалили за выпуск вместе с художниками «окон ТАСС», за частые выступления на радио, за выпуск сборников боевых стихов, публицистических статей.

В.А. Антипина отмечает, что по сравнению с «Окнами РОСТА» в «Окнах ТАСС» был более сложный текст: не только короткие подписи под плакатами, но и произведения более высоких жанров — фельетоны, баллады. Среди постоянных авторов текстов — Д. Бедный, С. Кирсанов, С. Маршак, В. Лебедев-Кумач, С. Щипачев, А. Жаров. В работе принимали участие М. Алигер, Н. Адуев, А. Раскин, М. Слободской, П. Антокольский, М. Шульман, А. Машинистов.

редакционную работу осуществляли художественный руководитель П. Соколов-Скаля и литературный — А. Кулагин.

«Для поднятия боевого духа сатирические стихи печатали тогда даже на обертках продуктов. Их писали многие известные наши поэты, например С. Маршак. На упаковках пищевых концентратов можно было прочитать:

— Посмотри — у русских каша,
Будем кашу есть!
— Извините, наша каша
Не про вашу честь.

Маршаку принадлежало и такое обращение к красноармейцам:

Бойцу махорка дорога.
Кури и выкури врага» [там же, с. 215]

В секретном донесении секретарю ЦК партии Г.М. Маленкову о Пленуме Союза писателей в 1944 г. есть такой фрагмент: «Весьма резкой критике подверг Б. Горбатов работу Союза советских писателей, который заявил, что Союз в современном его виде перестал быть творческой организацией, а Президиум Союза превратился в бюро по распределению продовольственных карточек и промтоварных ордеров...»[3]. Оттенок бюрократического стиля работы Союза писателей прослеживается также в публикациях «Литературной газеты», он имел место даже в самые первые месяцы войны.

«Только будет крепче и метче слово, добытое из огня»

22 июня 1941 г. на митинге поэт И. Уткин сказал: «...Задачи писателя — это задачи Родины. Наша организация должна также перестроить свою работу, чтобы каждый литератор, перо которого отсвечивает военной сталью, был в боевом строю». Много важных направлений деятельности было у литераторов в этот момент, но опаснее всего, почетнее и важнее для собственного творческого роста была работа на фронте. По-видимому, главным фактором в выборе фронт или тыл было желание самого писателя. Возраст, национальность или состояние здоровья в этом вопросе явно не были определяющими. Работа в газетах военной поры — превосходная школа для каждого литератора, развивавшая их таланты и умения.

Обычно содержание периодического издания довольно быстро устаревает и не представляет особого интереса для читателей спустя неделю, месяц, что уж говорить про годы. Но военная газетная журналистика не просто источник сведений для историка, это еще и история становления, развития человеческой души.

[3] Д.А. Поликарпов — Г.М. Маленкову // Там же. С. 109.

С первых дней войны определились главные темы, которые впервые зазвучали именно на страницах газет, а потом уже стали ведущими и для литературы. Это патриотизм, образ Родины и героизм людей, защищающих свою землю, семью, родной дом. Это образ жестокого врага, воспитание ненависти, необходимой для его уничтожения. В первые же дни войны появились произведения о войне. Это стихи А. Суркова, Н. Асеева, В. Лебедева-Кумача и других поэтов. Это статьи А. Толстого «Что мы защищаем?» в «Правде», «Гитлеровская орда» и «Париж под сапогом фашистов», публикации И. Эренбурга в «Красной Звезде».

Постепенно каждый из писателей "специализировался" на определенном тематическом направлении: И. Эренбург — антифашистская тема, К. Симонов — образ Родины и общность, единение советских людей, А. Толстой — исторические традиции и слава русского оружия, сила русского характера, Б. Горбатов, Б. Полевой, В. Гроссман и другие литераторы писали о подвиге солдата, вершинах человеческого духа, несгибаемой стойкости советских людей. Конечно, это деление очень условное, у каждого из военных писателей можно найти практически весь спектр важных тем, но все же были у них свои любимые темы, каждому было присуще свое видение войны. И лучших литераторов и журналистов объединяли стремление к строгой достоверности, документальности, высокий гражданский пафос, не вытеснявший глубокую лиричность в рассказе о простом солдате, этом беззаветном труженике войны.

Писатели создавали летопись военных сражений, горьких поражений и отступления первых месяцев войны, первых побед — под Москвой и Сталинградом, победоносного продвижения на Запад. Все эти этапы великой войны советского народа отражены не только в сводках, но и в заголовках газетных публикаций. В первые месяцы войны — «Выстоять», «Нас не одолеть», «Остановить». Затем, когда, наконец, армия переходит в наступление: «Великое наступление», «Дорогами победы», «На Берлин» и т.п.

Газетные страницы сохранили для нас не только историю военных подвигов людей 1940-х гг., но и их сугубо личных, интимных переживаний. Стихи о любви, верности, чести оказались очень востребованы в газетах военной поры. Их вырезали, чтобы наклеить в тетрадки и альбомы, бережно переписывали, трепетно хранили. Писатели и поэты очень точно и эмоционально отразили эту сферу жизни своих современников. Война создала сложнейшую ситуацию для литераторов, стала ведущей темой советской литературы на многие годы.

«Литературная газета» старалась чаще писать о том, как работают и воюют писатели на фронте. Быстрее всех там оказались те,

кто пошел в ополчение. Интересна заметка А. Дорохова[4] из Ленинграда, опубликованная 13 июля 1941 г. Он так описывает работу ополченцев: «Разбившись на бригады, литераторы взяли на себя выпуск «Боевых листков». Поэты здесь же пишут новые стихи, очеркисты дают живые зарисовки военных будней, критики старательно правят заметки бойцов. Находятся новые слова, люди овладевают новыми для них жанрами. Писательские блокноты заполняются новыми записями. Ведь об этих суровых днях придется написать много замечательных книг».

В первые месяцы войны особенно важно было обнародовать удачные примеры работы литераторов на фронте. Ведь многие формы пропагандистской работы рождались спонтанно, политотделы в воинских частях формировались из новых сотрудников, и опыт был очень важен для всех. Несколько раз встречаются репортажи и очерки от собственных корреспондентов газеты на фронтах с одинаковыми заголовками «Писатели на фронте»[5].

В них описывается, как А. Сурков читает только что написанные стихи, В. Ставский пишет очерк, «стихи, очерки печатает неугомонный К. Симонов, в постоянных поисках интересных встреч и людей». Отмечается «боевая» писательская работа М. Шолохова, А. Толстого, И. Эренбурга, В. Лебедева-Кумача, Я. Купалы, Я. Коласа, С. Маршака, В. Кожевникова и других. Их статьи, политические памфлеты, очерки и стихи «наполнены священным гневом, страстной ненавистью к подлому врагу, метко и беспощадно разоблачают и бичуют его зверскую сущность» — писала «Литературная газета» 13 июля 1941 г.

В репортаже из редакции газеты «Красноармейская правда» корреспондент В. Попов рассказывает о том, как развиваются дарования писателей на войне. «Писатели пишут передовые статьи и придумывают “шапки” с такой же страстностью, с какой создают стихи, очерки, рассказы. Ц. Солодарь написал оригинальную передовую, адресованную одному красноармейцу и похожую на стихотворение в прозе. А. Сурков славится как мастер “шапок”... Морис Слободской, писавший до войны совместно с Раскиным лишь фельетоны, развернулся во всю ширь таланта. Он пишет передовые, стихи, басни... М. Матусовский до войны долгое время занимавшийся русской литературой XIX века... в первые же дни войны ушел работать во фронтовую газету... “Сейчас я сроднился с газетой” — говорит он... Был ранен, в госпитале написал цикл стихов, потом вернулся работать в газету». «Бойцы и командиры встречают

[4] Литературная газета. 1941. 13 июля. № 28.

[5] Там же. 30 июля. № 30. Автор — Е.Садовский; 24 сент. № 38; Литература и искусство. 1942. 1 янв. № 1. С. 4. Автор — З. Шапиро; 26 янв. № 4. С. 2. Автор — Юр. Либединский; 23 мая. № 21. С. 1. «Писатели в дивизионной газете» и др.

писателей на передовой не как гостей, а как участников великой битвы. Писатели-фронтовики пишут словом, обожженным, закаленным в боях, потому что

Только будет крепче и метче
Слово, добытое из огня (А. Сурков)[6].

Интересные фотоматериалы публиковала «Литературная газета» — они тоже вписываются в тему «писатели на фронте». Фотография походной типографии красноармейской газеты «Боевой поход», сделанная фотохроникой ТАСС, небольшая и не очень хорошего качества, но важная для раскрытия этой темы[7]. В разных номерах опубликованы фотографии писателей Л. Славина, М. Светлова, Н. Богданова, Б. Бялика, И. Чикина, С. Бондарина, И. Фейберга, А. Ромма, Г. Гайдовского, Л. Аргутинской в военной форме и во фронтовых условиях[8].

Довольно много публикуется стихов и статей, посвященных стихотворному творчеству. Они интересны и сами по себе, и как свидетельство времени — что из фронтового творчества пользовалось наибольшей популярностью.

Хочется отметить здесь очерк А. Гурвич «Военный корреспондент А. Гайдар»[9]. Гайдар погиб в октябре 1941 г. Очерк мало что добавляет к тому, что мы знаем об этом человеке, но важна память о нем коллег-писателей, отдающих Гайдару профессиональный и человеческий долг.

Теплые воспоминания об Илье Ильфе, своем соавторе и друге, умершем в 1937 г., написал другой военный корреспондент Евгений Петров[10]. В 1920—1930-е гг. И. Ильф и Е. Петров были очень популярными сатириками, работали в «Правде». В начале войны главный редактор журнала «Огонек» Е. Петров стал корреспондентом «Правды», «Красной Звезды». Через три месяца после публикации об И. Ильфе, в начале июля 1942 г. Е. Петров возвращался в Москву из командировки в Севастополь. Самолет, на котором он летел, был сбит. В газете «Литература и искусство» о нем написал К. Симонов[11]. Эти наспех, в условиях войны и спешки, написанные строки и взятые из дневников малозначительные эпизоды, впечатления, разговоры делают теплее казенную газетную полосу.

---

[6] *Попов В.* Боевая частушка // Литературная газета. 1941. 7 сент. № 37. С. 4.

[7] Литературная газета. 1941. 30 июля. № 30. С. 2.

[8] Там же. 24 сент. № 38; 1 окт. № 39; 15 окт. № 41.

[9] См.: *Гурвич А.*. Военный корреспондент А. Гайдар // Литературная газета. 1941. 15 окт. № 41.

[10] См.: *Петров Е.*. Из воспоминаний об Ильфе // Литература и искусство. 1942. 18 апр. № 16.

[11] См.: *Симонов К.* Военный корреспондент // Литература и искусство. 1942. 11 июля. № 28.

Примером же сухих бюрократических публикаций может служить заметка «Писатель в дивизионной газете»[12]. Военная комиссия Союза писателей 19 мая 1942 г. заслушала отчетные доклады двух писателей-фронтовиков. А. Кушниров работал в дивизионной газете “Доблесть” Западного фронта, П. Капицын — в краснофлотской газете. «Бывает так, что писателю приходится в газете делать все, <...> уметь написать не только очерк, рассказ или стих, но и передовую, и воззвание, приказ и лозунг, а если понадобится, пересказать грамотным, выразительным языком весь газетный материал — от “шапки” до последней заметки». Так описаны особенности работы фронтовых журналистов. Военная комиссия отметила «ценность» работы писателей и выразила пожелание «творчески оформить» накопленный на фронте «материал», как будто это была командировка в колхоз для освещения уборки урожая.

Тему «Писатели на войне» продолжит и газета «Литература и искусство». В первые месяцы войны она особенно важна была для читателей, товарищей по цеху. А 5 мая 1945 г. в «Литературной газете» А. Сурков[13] будет вспоминать, как писатели получали назначения в отделе печати Политуправления Красной армии вечером 22 июня 1941 г. Он перечислит тех, кто ушел в армию, скажет добрые слова о тех, кто писал, о тех, кто погиб.

«Душеприказчик солдатской души»: как писать о войне?

Зачем вообще в годы войны нужна была ведомственная литературная газета? Литература как сфера творческая и идеологическая одновременно нуждалась в площадке для обсуждения профессиональных проблем, да и партийное руководство через ведомственную газету было легче осуществлять. Всенародная и очень драматичная война была исключительным событием для советских писателей. Участвовать, помогать борьбе, описывать впечатления очевидцев, отражать драматичную борьбу народа — множество задач решали писатели. Большинство из них понимали, что война — исключительно важное событие для их творческой биографии. Поэтому тема «Писатели на войне», с первых дней войны начатая в «Литературной газете», была продолжена в газете «Литература и искусство».

В газете «Литература и искусство» в январе 1942 г. появилась заметка Ц. Солодаря с Западного фронта под названием «Грозный смех». В ней подробно рассмотрена сатирическая поэзия, которая пользовалась огромной популярностью у солдат и быстро развивалась в первые месяцы войны. Он пишет о новых «героях» фронто-

[12] Писатель в дивизионной газете // Литература и искусство. 1942. 23 мая. № 21.
[13] *Сурков А.* На дорогах войны // Литературная газета. 1945. 5 мая. № 19.

вой прессы: «...еще несколько месяцев назад были сомнения в том, нужны ли во фронтовой печати “веселые уголки”. Теперь мы стали свидетелями бурного притока в эти “уголки” красноармейских материалов». На Западном фронте уже вышло 5 номеров журнала “Фронтовой юмор”. Особенно в большом ходу на фронте веселые раешники и лубки о смекалке русского бойца... Основной персонаж этого жанра — смышленый, сноровистый, крепкий боец, умеющий в самую тяжелую минуту хитроумно изловчиться и выйти победителем в стычке с врагом... Факт из боевой жизни зачастую переплетается здесь с домыслом и фантазией... На фронте любят не только смельчака, но и весельчака. Вернее, смельчака любят больше, если он к тому же и весельчак. Ц. Солодарь называет героев: Гриша Танкин, Иван Хватов, Сеня Пулькин, Никита Штык и др. Об их подвигах поэты-фронтовики рассказывают, используя устное красноармейское творчество и письма. «Грише Танкину принадлежит ряд прибауток, получивших распространение по всему фронту:

Что такое? Вас ист дас?
Дас ист в плен мы взяли вас.

Что же делает Гриша Танкин, о котором уже напечатано около 50 стихотворных рассказов? Он, во-первых, и главным образом, нещадно бьет в любом положении немцев. Во-вторых, ...отсталых подтягивает. Он разоблачает враля, “прорабатывает” шептуна, корит нерадивого стрелка. В-третьих, беседует с друзьями... о том, что не так страшен черт, как его малюют. Есть беседа про немецкую пехоту, про немецкие танки, про разведку, про длинные уши и длинный язык. И <...> в последнее время Гриша Танкин стал получать столько писем, что у него завязалась переписка с друзьями. На одном из участков Западного фронта живет и здравствует Иван Хватов (основной автор — ленинградский поэт Николай Щербаков). Группа ростовских поэтов (Анатолий Сафронов, Григорий Кац и др) выступают от имени бойца Андрея Ястребка. На Ленинградском фронте живет и здравствует Вася Теркин, знакомый бойцам еще по войне с белофиннами... Жизнерадостность, острый народный ум, неистощимая воинская сметка, фантазия, могучий боевой дух дружбы, братства. Собирательный яркий образ храброго, смекалистого, веселого советского воина. Смех смелых людей, становящихся грозою для немецких фашистов»[14].

Солодарь называет отличительные черты фронтовой сатиры, принимающей подчас форму народного стихотворного лубка — этого своеобразного сплава народного творчества и профессиональной работы поэтов. Это: частушечно-песенный ритм, иногда

[14] *Солодарь Ц.* Грозный смех // Литература и искусство. 1942. 19 янв. № 3.

скороговорка, обилие поговорок, прибауток, народных метких словечек.

Алексей Сурков опубликовал в мае 1942 г. стихотворения, посвященные Константину Симонову и Николаю Тихонову[15]. Их дружба, закаленная фронтовыми испытаниями и общими переживаниями, названа там дружбой «тверже стали». И когда «все кругом подряд косила войны железная коса» «любви и ненависти сила сливала наши голоса». И, «если найдет меня пуля», Сурков просил написать друзьям, «что кончил не плохо веселый бродяга, душеприказчик солдатской души». Сурков точно определил то, что считали для себя самым важным многие писатели на войне — рассказать о «солдатской душе», о подвиге народа.

В 1943 г. газета «Литература и искусство» опубликовала отчеты о нескольких очень показательных и интересных дискуссиях. В марте были присуждены Сталинские премии в области искусства и литературы за 1942 г. Поэтому в газете, помимо обычной в таких случае публикации списка награжденных и их портретов, прошло несколько серьезных дискуссий о произведениях, написанных в годы войны и о войне. Начало обсуждению этой темы положила статья В. Кожевникова. В статье называются пьеса А. Корнейчука «Фронт», рассказ К. Симонова «Третий адъютант», повести Б. Горбатова «Письма к товарищу» и В. Гроссмана «Народ бессмертен». В. Кожевников рассматривает, как именно создается образ советского воина, высоко оценивая повести Гроссмана и Горбатова. «Письма к товарищу» — лирика проникновенная, чистая и взволнованная, которую хочется произносить как молитву». Но высказывается и общее замечание: мало сделано для создания «правильного» образа командира. Рисуется или бесстрашный человек, ведущий на смертельную опасность, или холодный интеллектуал, решающий задачу боя как шахматную задачу. Командир должен воспитывать людей своими словами и поступками, его положительный образ должен быть глубоким и убедительным[16].

Обсуждение новых произведений о войне продолжалось и на творческом совещании писателей Москвы в апреле 1943 г. Наиболее интересно в ряду этих публикаций выступление И. Эренбурга. Он говорит, что довоенным «литературным бытом» повеяло от докладов, нападает на литературных функционеров, называя их «страшной помесью парнасца с чиновником» спрашивая, что это: «олимп или канцелярия?» Эренбург напоминает о задаче писателей — «поставка душевных боеприпасов фронту». Он говорит: «...я и в мирное время был убежден, что писатель не может искать свою тему

[15] Литература и искусство. 1942. 23 мая. № 21.

[16] См.: *Кожевников В.* Главная тема // Литература и искусство. 1943. 21 марта. № 12.

как ищут в лесу грибы. Писатель должен заболеть, переболеть своей темой... Неуместны разговоры о том, что дала война писателю. Сердце жжет другое: что дали писатели войне?» Целый ряд творческих и человеческих проблем, с которыми сталкиваются писатели-фронтовики, поднимает И. Эренбург. «Война без ненависти безнравственна, как сожительство без любви. Война — преступление, накал ненависти и самозабвенной любви. Когда война становится бытом, она умирает. Войну... (нельзя описывать как) ...учебу ударника или свадьбу в колхозе. Враг еще силен, война продолжается — страшная, невиданная в истории. Как прежде, дело идет о жизни или смерти России. Как прежде, долг писателя — раздувать огонь негодования, тревоги, жертвенности. ...Не следует спешить с осуждением писателей, работающих в армейской печати, даже если попадаются у них слабые вещи. Я видел, в каких условиях работают сотрудники армейских газет. Изба или землянка, люди, коптилка. Нужно написать о минометчике через два часа. Да и корреспондентам центральных газет нелегко. Гроссман или Габрилович вчера приехали с фронта, завтра уезжают. Книги пишутся урывками. Я думаю, что у Гроссмана было меньше времени на свою повесть ("Народ бессмертен". — *О.М.*), чем у его критика... Писатель наедине со своей совестью. Он воюет как одинокий партизан. Он может погибнуть. Он не может пересидеть войну. Он не может откупиться рассказом, "откликом", строками "на случай". Пересидеть войну — это пересидеть себя. Сейчас один критерий — это нужно войне. А "Войну и мир" напишут потом»[17].

Эренбург имел моральное право так говорить. Антифашистская тема — ведущая в его творчестве. В годы войны он стал всенародным любимцем. Он работал очень много и напряженно — писал статьи, памфлеты для «Красной Звезды» и других газет, выступал по радио, выезжал на фронт, готовил статьи в Совинформбюро для зарубежной прессы о войне. В следующих номерах газеты сразу несколько критиков отвечают И. Эренбургу. В. Шкловский считает, что «вина» Эренбурга в том, что «у него нет спокойствия дыхания, необходимого для длительной войны», Симонов «повторяет сам себя», Твардовский рисует Теркина — героя Гражданской войны, а не отечественной. П. Антокольский называет «аскетизмом» и ссылкой на трудности отказ Эренбурга от написания больших произведений в годы войны[18]. Он же через несколько недель будет критиковать фронтовые стихи А. Суркова.

Любопытную точку зрения высказывает И. Уткин в споре о лирике Симонова. Он пишет: «...под видом спора с поэтом спорят с читателем... Успех его стихов — в интересе к вопросам любви,

[17] *Эренбург И.* Писатель на войне // Литература и искусство. 1943. 3 апр. № 14.
[18] Литература и искусство. 1943. 10 апр. № 15.

личным вопросам, оттого что советские поэты “зажмуривались”, вопросы эти существовать не перестали. Во время войны они невероятно возросли. Характерна для поэзии войны проблема “солдатской души”. Тема верности, национального осознания, братства»[19].

Конечно, советские журналистика и литература, не лишенные ханжества, «зажмуривались» на многие личные, действительно волнующие человека темы. Интересы читателей стояли на самом последнем месте, далеко позади набивших оскомину идеологических догм. Однако «литературные канцеляристы»-критики никогда не признавались в этом просчете выверенной с линейкой «правильной» советской идеологической концепции.

Итоги совещания литераторов подводились в передовой статье в конце апреля 1943 г. Много совершенно пустых, никчемных слов сказано в ней о том, что критика в обстановке войны должна стать средством идейной пропаганды, оружием духовного воспитания народа, что нужно «не умиления и благодушия требовать», а «подлинной» (?) верности «принципу анализа произведений искусства»[20]. Тема «подлинной» литературной критики занимала значительное место и в закрытых партийных документах 1943—1946 гг. о руководстве литературой.

В какой-то степени от имени писателей-фронтовиков ответил литературным функционерам Б. Горбатов в статье «Фронтовому журналисту». Он написал: «Когда после этого (того, как побываешь в освобожденных районах. — *О.М.*) читаешь иные очерки и корреспонденции, <...> где о муках народа рассказывается так же вяло, безжизненно и казенно, как о сборе утиля, в тебе рождается чувство обиды за кровь народа, чувство досады на слишком спокойного журналиста... Чего ждет от нас, журналистов, народ? Правды. Только правды. Нас, военных корреспондентов, судьба поставила свидетелями и участниками великой битвы. Мы многое видим. Мы многое знаем... И у нас сердце при виде немецких зверств обливается кровью и благородная ненависть неугасимо горит в душе. Отчего же часто пишем мы рыбьими словами с рыбьим спокойствием и равнодушием? ...Я много видел людского горя. И когда я сижу и пишу об этом, я сам чувствую: жалки мои слова... мой язык беден и талант мал, и мое искусство немощно. Мы много, хотя и недостаточно, пишем о немецких зверствах... Только немцы умеют мирные слова наполнить ужасом, только немцы умеют все превратить в застенок... Давайте <...> рассказывать ярче, талантливее и беспощаднее правду о немцах, о зверях, которых во имя гуманности надо уничтожить. Пусть душа журналиста, перепол-

[19] *Уткин И.* Писатель и чувство народа // Литература и искусство. 1943. 17 апр. № 16.

[20] Литература и искусство. 1943. 24 апр. № 17.

ненная ненавистью к врагу, подскажет нам огненные слова, слова-бичи, слова-снаряды. Чтоб били они по врагу, чтоб сжигали, испепеляли врага, чтоб как набат гремели они. Нельзя, невозможно успокаиваться»[21].

Своевременными, интересными и с позиций нынешнего дня представляются дискуссии о месте писателя на войне. Патриотизм, гражданская зрелость, личное мужество и любовь к Родине и народу — без этого сплава не было бы военных журналистов. Публицистика военных лет особняком стоит в истории советской журналистики. Да, цензура и давление партийных руководителей на прессу были не меньше, а больше, чем в мирное время. Но эти произведения написаны не из конъюнктурных соображений, а по велению души. То, что нельзя было — не писали, оставили до лучших времен, но то, что попадало на газетную полосу, написано честно и с болью за людей. На передовую шли за подлинными фактами, масштаб бедствия народа вызывал творческие сомнения: хватило ли таланта, мастерства это отразить.

Выпуск «Литературной газеты» был возобновлен 7 ноября 1944 г. В первом номере газеты была опубликована анкета «Что я читал во время войны»[22]. В ответах названы статьи И. Эренбурга, повести А. Бека «Волоколамское шоссе», Л. Соболева «Морская душа», Б. Горбатова «Непокоренные». Поэма М. Алигер «Зоя» тоже участвует в дискуссии критиков и писателей о качестве военной литературы. Читатели сказали свое слово в этом вопросе.

Тема качества военной литературы продолжена и в статье Н. Тихонова «Боевая перекличка» о поэзии в годы войны в том же номере. Он пишет: «многое из написанного за время войны не удержится в памяти, многое написано слишком поверхностно, слишком поспешно, но всеобщий жадный интерес к стихотворному слову не ослабевает. Перо действительно должно быть приравнено к штыку, и поэтическое слово сопровождало полки. В самой жизни нашей столько удивительного, что простые газетные сообщения звучат величественно, как героическая эпопея... Пусть слова и строки будут несовершенны. Они подхватывались массами, жаждавшими искреннего, простого слова»[23].

Эренбург поставил точку в этой дискуссии «фронтовиков» и «литературных критиков» в статье «Заметки писателя». Он написал о том, что, безусловно, не хотели видеть и помнить сторонники чисто цехового литературного подхода: «Мы еще не научились как следует уважать друзей; в наших редакциях, в наших клубах

[21] *Горбатов Б.* Фронтовому журналисту // Литература и искусство. 1943. 8 мая. № 19. С. 1.

[22] Литературная газета. 1944. 7 нояб . № 1. С. 4.

[23] *Тихонов Н.* Боевая перекличка // Литературная газета. 1944. 7 нояб. № 1. С. 3.

еще не висят портреты писателей, отдавших свою жизнь за Родину. Мы много занимаемся неудачными книгами и слишком мало говорим о безукоризненных биографиях писателей, которые в страшные дни лета 1941 г. поспешили на поле брани и погибли, не увидев первых проблесков торжества... Русские писатели разделили судьбу народа; под бомбежками писали очерки, статьи, листовки, в трудные дни отступления сочиняли бодрые песни; многие три года работают, забыв про кресло и про чернильницу»[24].

Еще один важный аспект работы журналиста на войне — зафиксировать свои впечатления участника войны, свидетельство очевидца. Многие известные писатели всю войну провели на фронте. Часто появлялось на страницах и «Литературной газеты», и «Литературы и искусства» имя Всеволода Вишневского. Он в качестве корреспондента центральных газет работал в блокадном Ленинграде, на Балтийском флоте, видел штурм Берлина, освещал Нюрнбергский процесс. Свою задачу — сохранить и донести до внуков впечатления участника исторических событий, — он выполнил добросовестно, не щадя здоровья и жизни.

«Литературная газета» в мае 1945 г. под общим заголовком «Советская литература в 1944—1945 гг.» опубликовала две полосы материалов Пленума правления Союза писателей[25]. Доклад делал Н. Тихонов и затем этот доклад, как обычно, обсуждался в нескольких номерах газеты. Собственно, в этих выступлениях и докладе повторялись уже высказанные соображения с обеих сторон: и со стороны «критиков», и со стороны писателей-фронтовиков, если можно так условно поделить участников спора. На самом деле спор шел о том, как в дальнейшем писать о войне, какой образ войны будет донесен до потомков: парадный, помпезно-героический или этот образ сложится из страданий и подвига конкретного человека. О. Берггольц написала тогда: «Я не считаю, что мы должны писать только об исключительных подвигах и героях типа Зои или Матросова, что будто бы нет средних и обыкновенных людей... Отечественная война отличалась еще и тем, что в ней отсутствовали так называемые “серые герои”. Люди отлично понимали, что они делали, чем они жертвовали, какой подвиг они совершили... Воспеть победу — это воспеть путь к ней...»[26]. Однако этот спор продолжился и в послевоенный период. Документально-исторические «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина, «У войны не женское лицо» С. Алексиевич с трудом пробивались через цензурные «окопы» 1980-х гг.

---

[24] *Эренбург И.* Заметки писателя // Литературная газета. 1944. 7 нояб. № 1. С. 3.
[25] Литературная газета. 1945. 17 мая. № 21. С. 2—3.
[26] *Берггольц О.* Путь к зрелости // Литературная газета. 1945. 26 мая. С. 3.

После возобновления «Литературную газету» возглавил А. Сурков. Он был главным редактором газеты в 1944—1946 гг. Сурков пишет в первом номере в статье «Предчувствие победы»: «...перелистываю сборники стихов моих товарищей советских поэтов. Перелистываю, как страницы своей памяти... возрастает горделивое чувство — в самые трудные дни мы были вместе с народом, мы слышали голос его сердца, мы сохранили этот голос для истории и для человечества. Будущие летописцы наших великих дней не пройдут мимо строк, написанных под гром орудийной канонады»[27].

Советская печать в годы войны была поставлена в особые условия. С одной стороны, цензурное и партийно-идеологическое давление. С другой — драматизм разворачивающейся войны был решающим фактором, влияющим на творчество. Журналисты и писатели-фронтовики в годы войны заметно росли в профессиональном отношении, приобретали всенародную популярность и любовь, а главное — ясно понимали свой долг перед воюющим народом.

Но «литературная канцелярия», по меткому выражению Эренбурга, лучше понимала тенденции момента. Партийная власть была озабочена усилением контроля за содержанием и качеством «литературного труда».

Опубликованные архивные документы показывают, что писательская среда находилась под особым контролем спецслужб. Отслеживались настроения, разговоры. Конечно, сложно доверять такого рода документам, всегда есть подозрение, что это сфабрикованные сведения или донос. В сообщении Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов»[28] такая цитата кажется достаточно правдоподобной. А.Э. Колбановский, сотрудник редакции «Последних известий» Радиокомитета говорит: «Наша пропаганда тупа и бездарна. Я не могу без злобы читать то, что пишется в газетах, сводки Информбюро, то, что мы передаем по радио. Это все стандартная, глупая, противная ложь... Я устал от этой вечной лжи, от этого давления сверху, от этих бездарных, тупых идиотов — цензоров и политредакторов, которые убивают живую мысль, заставляют глупо и тупо лгать по стандарту».

По архивным документам видно, что писатели высказывали недовольство тем, как была организована их эвакуация, как налаживалась там жизнь. Собственно поэтому и появился отчет А.А. Фадеева об эвакуации, упоминавшийся выше. Отчетливо видно, что

[27] *Сурков А.* Предчувствие победы // Литературная газета. 1944. 7 нояб. № 1. С. 3.

[28] Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике 1917—1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 2002. С. 487—499.

контроль за писательской средой был очень бдительным в годы войны. В сообщении управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов»[29] оценки военной и политической ситуации в стране некоторых, замечу, довольно известных писателей, сопровождаются характеристиками их взглядов и эпизодами из биографий. В справке упомянуты М. Светлов, К. Тренев, А. Новиков-Прибой, К. Чуковский, К. Федин, Б. Пастернак. Конечно, содержание подобного рода документов нужно воспринимать с некоторой долей осторожности, имея в виду печально известную практику фабрикации и фальсификации «политических» дел. Наряду с жалобами на голод, холод и неустроенность, переживания по поводу военных неудач, встречаются и жалобы на строгости цензуры, размышления о тоталитарном строе, тяжелом положении народа. Понятно, что такого рода документы способствовали тому, что партийное руководство страны усиливало цензурный контроль и пыталось с помощью ведомственной газеты воздействовать на писательскую среду, создавая «стерильное», «правильное» в идеологическом плане представление о жизни и работе советских литераторов в годы войны.

О контроле за писателями говорит и еще один документ. В секретном письме Д. А. Поликарпов, оргсекретарь Правления Союза писателей информирует члена Политбюро Г. М. Маленкова о Пленуме правления Союза советских писателей, который состоялся в февраля 1944 г. Он пишет, что некоторые участники Пленума остро ставили вопрос о повышении ответственности писателя перед народом за свою работу в условиях Отечественной войны. А. Сурков, например, резко критиковал тех, кто бездельничает, не помогает народу в войне. С. Кирсанов «в выступлении на Пленуме, отражая настроения многих писателей, работающих во фронтовой печати, считает, что писателей используют неправильно, заставляя работать в армейских газетах, так как это будто бы превращает писателей в обычных газетных репортеров, лишая их возможности заниматься литературным творчеством. Следует отметить, что желание уйти от работы во фронтовой печати распространено среди многих писателей на фронте. В президиум Союза обращаются с просьбами о том, чтобы Союз добивался в Главном Политуправлении Красной Армии творческих отпусков для писателей»[30]. Такого рода «настроения» не обнародовались в советское время, они бросали тень на членов Союза писателей, незаслуженно обижая тех, кто не

[29] Там же.

[30] Д.А. Поликарпов — Г.М. Маленкову // «Литературный фронт». История политической цензуры 1932—1946 гг. Сборник документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. С. 109.

просился с фронта. И хотелось бы привести высказывание Б. Полевого[31], который писал: «Я думаю о работе военного корреспондента как о лучшей поре моей жизни».

Однако более важной для партийных чиновников проблемой было то, что на Пленуме «докладчик не заострил внимание... на политически вредных явлениях в литературе», первой в ряду вредных вещей была названа «пошлая повесть» Зощенко. В партийных структурах уже шел процесс подготовки скандально известного Постановления ЦК ВКП (б) «О литературных журналах “Звезда” и “Ленинград”», принятого в августе 1946 г.

По публикациям в «Литературе и искусстве» и «Литературной газете» в 1943—1944 гг. видно, что литературной сферой недовольны власти. И говоря о дискуссии по поводу того, как надо писать о войне, надо иметь ввиду эти скрытые от читателей процессы.

Список литературы

Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930—1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005.

Поступила в редакцию
12.01.2011

[31] История русской советской литературы. Т. 3. М.: Наука, 1968. С. 464.

ЯЗЫК СМИ

В.Н. Суздальцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРНОГО КОДА И КАК ИМИДЖЕВЫЙ КОНСТРУКТ

В статье рассматриваются широко используемые в современном политическом и массмедийном дискурсе исторические наименования (обозначения, имена лиц, событий и т.д., относящиеся к истории России). Эти слова образуют еще один, кроме уже указанных в современной литературе, культурный код — событийно-исторический. Определяются разряды компонентов этого кода и выявляются механизмы его воздействия на аудиторию. Устанавливается связь между компонентами кода и общенациональной матрицей восприятия и оценки истории. Анализируются имиджетворческие возможности входящих в событийно-исторический культурный код знаков.

Ключевые слова: *культурный код, исторические наименования, событийно-исторический культурный код, ассоциативно-вербальная сеть, архетипические реакции, матрица восприятия, имиджевый конструкт.*

The historical appellations as cultural code's components and image construct. The article reviews historical appellations (names of the streets, events, etc. concerning the History of Russia) widely used in the modern media discourse. These appellations form one more (except those already mentioned in modern literature) event- historical cultural code. It is oriented to settle the components' ranks and to detect the mechanics of their influence on the audience. It is a settlement of the connection between the components of the code and national matrix of history perception and evaluation. The image creation possibilities of the signs within the event-historical code are the subject of the analysis.

Key words: *cultural code, historical appellations, event-historical cultural code, associative-verbal net, archetypical reactions, matrix of the perception, image construct.*

Одна из черт современного массмедийного дискурса — частотность употребления в нем **исторических наименований** и **исторических имен**, т.е. слов, которые называют явления, факты, относящиеся к истории России. Это и обозначения связанных с прошлым предметов, и имена выдающихся деятелей истории, и названия знаменательных событий и периодов, и т.д. Многие из них обрели в российском культурном пространстве статус прецедентных и стали применяться как метафорические образно-оценочные характеристики явлений современности, чаще всего — когда речь идет о власти, ее представителях, ее действиях. Например:

— *Империя, имперский:* «*Солдат империи*» — об Александре Проханове (радио РСН, янв. 2010), «Мы сформулировали концепцию *Пятой Империи*, нового государства Российского» (А. Проханов, Завтра, февр. 2009, № 7); «*Имперский стиль*» (назв. полосы этой же газеты);

— *Царь, царство, самодержец:* «*Царь* против наркотиков» (загол., Вр. нов., 14.09.10); «"Антинаркотический *царь*" — так в зарубежной прессе называют должность, которую занял 63-летний Юрий Федотов. Он стал первым российским дипломатом, возглавившим Управление ООН по наркотикам и преступности» (там же); «С *царем* — в демократию» (М. Веллер, загол. — АиФ, 2008, № 12); «*Царь* или президент?» (там же); «Давос выбрал Путина на "*царство*"» (Арг. нед., 22—28.01.09) — о вступительной речи, которой В.В. Путин открыл заседание Всемирного экономического форума в Давосе; «*Царь* Борис» (о Б.Н. Ельцине — загол., Профиль, 20.04.09); «Но и окруженный жилыми многоэтажками, заповедный лес по-прежнему хранит множество удивительных подробностей из жизни советского *самодержца*» (о Сталине — АиФ, 2010, № 9);

— *Князья, бояре, воеводы, опричники:* «*Князья* и *опричники*» (загол., Нов. газ., 07—10.08, 2003 — о взаимоотношениях власти и бизнеса в провинции); «Какой народ, такие и *бояре*» (загол., Общ. газ., 2000); «Что остается? *Царь!!!* Строгий и справедливый! Который скрутит *бояр* в бараний рог... заставит всех честно трудиться и позаботится, чтобы честные работники хорошо жили. Назови его Президентом, Генсеком!...» (АиФ, 2008, № 12);

— *Варяги:* «*Варяги* улетели: Как новые губернаторы меняют чиновников» (о замене в Калининградской области приехавших из Москвы чиновников местными чиновниками — РР, 2010, 21—28.10. С. 36—37); «*Варяг* по отношению к новой московской элите» («Постскриптум» с А. Пушковым — ТВЦ, 16.10.10) — о С. Собянине;

— *Трон, престол, булава:* «Губернатор, назначенный сверху, он является представителем власти в регионе, а не предстоятелем перед *высшим троном*» (радио Свобода, 26.01.10); см. также о проблемах оборонного комплекса: «"*Воевода*" без "*Булавы*"» (загол., Вр. нов., 25.12.09);

— *Временное правительство, двоевластие, эсеры, Совнарком:* «Будет ли в России *двоевластие*?» (загол., Мир новостей, 01.04.08); «*Двоевластия* не будет: Владимир Путин дал согласие стать премьер-министром (загол. и подзагол., РБК daily, 18.12.07); «Путинский *Совнарком*: Премьер поручит решение текущих проблем доверенным министрам» (загол. и подзагол., РБК daily, 16.05.08); «...Владимир Путин предложил создать президиум правительства... Всего членов "малого *совнаркома*" будет 10—15» (Нов. Изв., 16.05.08); «... *эсеры* предложили ежегодно индексировать зарплаты работников бюджетной сферы на 26%» (Вр. нов., 24.09.08);

— *Комиссары, буденновцы, по-буденновски, ворошиловские стрелки, стахановцы:* «Коррупцию убьют “*комиссары*”? Говорят, изобличать нечистых на руку чиновников будут специальные комиссии. А кто в них войдет?» (АиФ, 2010, № 28); «Этот вопрос нельзя решать *по-буденновски*, — заявил “МК” Песков» (МК, 19.07.10); «Они [бюрократы. — *В.С.*] бесчувственны к плачу, слепы к чужой беде, ненасытны в корысти. ...Новые “*стахановцы*” поборов и волокиты, они подстерегают нас на каждом шагу» (АиФ, 2010, № 28); «Пресса много писала о том, что отчаявшиеся найти правовую защиту граждане уже готовы записывать бандитов в “приморские партизаны”, в Робин Гудов и в “*ворошиловские стрелки*”» (там же);

— *Оттепель:* «Так, “самой модной” у “вылетевших из седла” стала тема борьбы с “*оттепелью*”» (МК, 04.04.08); «*Оттепель* перед смутой» (загол., Вр. нов., 25.12.09 — о попытке провести либеральные реформы в России в 2004 г.);

— *Петр Первый, Павел Первый, Екатерина Вторая, Богдан Хмельницкий, Владимир Красное Солнышко, Романовы, Ленин, Сталин* и др.: «Скорее *Павел*, чем *Петр* (загол., Нов. газ, 2004, № 8 — о В.В. Путине); «Москва ищет нового *Богдана Хмельницкого*» (Арг. нед., 05.02.09); «*Екатерина Третья*» (назв. ТВ-фильма о Екатерине Фурцевой); «Медведев присоединился к *Романовым*» (загол., Коммерсантъ Власть, 19.05.08), «*Владимир Красное Солнышко*» (загол., Нов. газ., 2004, № 17 — о В.В. Путине) и т.д.

По соотнесенности с историческим периодом такие наименования делятся на 5 подгрупп: 1) имена и обозначения допетровской Руси; 2) имена и обозначения послепетровской, вплоть до 1917 г., царской России; 3) обозначения, связанные с революционной ситуацией и революцией 1917 г.; 4) обозначения явлений всего советского периода (в последнее время их количество, по сравнению с первыми пятью годами XXI в., опять возросло); 5) обозначения явлений новейшей истории России — перестроечной и постперестроечной: *ГКЧП, Норд-Ост, зачистка, оборотни в..., мигалки, Химкинский лес, поселок Речник, Синие ведерки, Басманный суд, модернизация* и т. д.

По характеру прототипического значения исторические наименования можно разделить на:

а) обозначения артефактов: *трон, булава, корона, мигалки* и т.д.;

б) названия фактов социально-политической жизни: *царь, монарх, царство, опричнина;*

в) прецедентные имена (см. выше);

г) названия прецедентных ситуаций: *Смута, семибоярщина, Юрьев день* (см.: «*Юрьев день* для должников: Депутаты готовятся принять полезный закон. Он снимет все запреты банков на досрочное погашение кредитов» (загол. и подзагол., Арг. нед., 05.02.09); *оттепель, поселок Речник* и т.д.;

д) прецедентные речения. К последним относятся известные, давно ставшие иносказательными и имеющие ярко выраженную историческую маркированность наименования и выражения. Например: «*Око государево*» — образное название, авторство его принадлежит Петру I, учрежденной им же в 1722 г. должности генерал-прокурора (он руководил работой сенаторов). В современных СМИ: «Петр Великий дал добро: "*Государеву оку* близорукость не грозит"» — о работе современной прокуратуры (загол. и подзагол., Веч. Моск., 12.01.07). См. также: «*Завтра. Газета Государства Российского*» — инверсия в атрибутивном словосочетании отсылает читателя к названию знаменитого труда Н.М. Карамзина «История Государства Российского», ставшего символическим обозначением истории нашей страны. А также: «*Путин с нами*» (загол. МК, 25.12.09); «*Вся власть — "регионам":* На Украине сменилось правительство» (загол. и подзагол., Вр. нов., 12.03.10); «Касьянова чепуха: экс-премьер-министр России издал свою "*Малую землю*"» (загол., МК, 25.12.09); *государевы мужи, люди государевы, слуги народа, народные избранники* и т.д.

Слова данной тематической группы образуют, на наш взгляд, в русском литературном языке и в семиотическом пространстве русской лингвокультуры еще один, кроме уже указанных исследователями, четко очерченный культурный код. Назовем его событийно-историческим.

Напомним: культурным кодом принято считать «систему знаков...материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [Гудков, Ковшова, 2007, с. 9], причем знаки эти могут быть как невербального, так и вербального характера. В культурные коды объединяются те объекты окружающего нас мира, которые, в силу каких-то своих свойств, обрели, помимо своих прямых функций, функцию знаковую, начали нести добавочные значения [там же]. Так, в архитектурно-домостроительном коде: «*мост* — означает связь, соединение, *распахнутая дверь* — открытость, гостеприимство, *порог* — границу между "своим" и "чужим"» [там же, с. 11]. В.В. Красных определяет культурный код как «сетку», которую культура «набрасывает на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2002, с. 232].

По-видимому, элементами культурного кода становятся те объекты и компоненты мира, которые в процессе существования человека и человечества оказывались наиболее значимыми и наиболее наглядными. В.В. Красных говорит о существовании базовых культурных кодов, в которых «фиксированы наивные представления о мироздании» [там же, с. 233], и указывает 6 таких кодов: «1) соматический (телесный); 2) пространственный; 3) временно́й;

4) предметный; 5) биоморфный (растения, животные, бестиарии); 6) духовный» [там же]. В работах В.Н. Телия указано 15 кодов: 1) антропный; 2) зооморфный; 3) растительный; 4) природный; 5) артефактно-вещный; 6) вещно-костюмный; 7) гастрономический; 8) архитектурный; 9) духовно-и/или религиозно-антропоморфный; 10) религиозно-артефактивный; 11) временной; 12) пространственный; 13) количественный (числовой); 14) цветовой; 15) телесный[1] — и высказана мысль, что этот перечень не закрыт.

Отметим, что в каждом из таких культурных кодов (КК) модель мира представлена в ее статике, а эволюция отражается в пополнении некоторых тематических рядов новыми компонентами (например, в вещно-костюмном или гастрономическом рядах). Кроме того, перечисленные коды в основном охватывают значимые явления материального мира (прежде всего то, что вещно, предметно). Между тем можно говорить и о базовых явлениях иного уровня. В процессе жизни и развития социума в культурном пространстве накапливается информация о тех событиях, личностях, реалиях проходящих эпох, которые оказались чем-то особенно примечательными, зафиксировались поэтому в общенациональной ментальности и к которым уже как к знакам регулярно возвращаются в текстах о современности носители современного сознания. Имена этих событий, личностей, реалий и образуют, по нашему мнению, с о б ы т и й н о - и с т о р и ч е с к и й К К.

Подобно элементам других культурных кодов, каждый из компонентов событийно-исторического кода обладает своим кругом ассоциаций, является своеобразной метафорой и символическим обозначением одного или нескольких абстрактных понятий. Например:

— *Малюта Скуратов* — чудовищная жестокость;

— *Петр Первый* — стремление к прогрессу, западничество; воинское и государственное величие;

— *Смута* — безвластие, социально-политическая неразбериха, бедствия народа;

— *Империя, имперский* — величие, пышность, богатство;

— *Двоевластие* —неразбериха в структурах власти;

— *Оттепель* — временный отход от тоталитаризма, демократические свободы, эмоциональный и духовный подъем («время надежд»);

— *Совнарком* — сплоченность участников; некоторая военизированность их действий.

С этим установившимся коннотативно-ассоциативным ореолом и как знак определенного понятия компоненты событийно-

[1] Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007.

исторического КК фиксируются в когнитивной базе, которая является «ядром» культурного пространства[2]. В каждом случае употребления историческое наименование неизменно содержит отсылку к тому конкретному событию, лицу, эпохе, о которых идет речь. Происходит соотнесение настоящего с прошлым и осмысление и оценка настоящего через это прошлое. Таким образом, именно в функционировании компонентов событийно-исторического культурного кода воплощается тот тип восприятия мира, который в научных исследованиях назван континуально-циклическим (противоположен «дискретно-линейному сознанию» [Гудков, Ковшова 2007, с. 61]).

Еще одна черта, сближающая событийно-исторический культурный код с другими КК, — мифологизированность многих его компонентов, прежде всего прецедентных имен и названий прецедентных ситуаций. Мифы, стоящие за ними, запечатлены в массовом сознании, неизменно вызывают архетипические оценки и реакции и так же, как компоненты других КК, способствуют структурированию и категоризации картины мира в ее синхронном состоянии.

Отметим, что некоторые стороны обращения текстов современности к вербализированным фактам истории далеко не полностью описаны в лингвистике. Хотя теория прецедентных феноменов усиленно разрабатывается, нет пока что полного описания тех из них, которые не являются сказочно-литературными, а относятся к реальной истории России. Достаточно широко они представлены в работе В.В. Красных «Этнопсихолингвистика и лингвокультурология» [Красных, 2002]; их там более двадцати, и в Предисловии к словарю «Русское культурное пространство» 2004 г. — 15 исторических обозначений. Прецедентные феномены вторичной — литературно-художественной и сказочно-фольклорной — действительности описаны куда более полно. Но эта вторичная действительность есть отражение того, что происходило и происходит в реальной жизни и в реальной действительности. Поэтому исследование тех фактов языка, которые, обозначая явления истории, превратились в лингвокультуремы, т.е. стали «достоянием культуры» и вобрали «национально-культурный компонент в комплекс элементов значения» [Формановская, 2004, с. 48], весьма актуально.

В чем же заключается специфика воздействия на реципиента знаков событийно-исторического культурного кода в массмедийном дискурсе, в частности в тех текстах, где речь идет о представителях власти?

[2] Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. М.: Гнозис, 2004. С. 11.

При употреблении подобных единиц происходит особое распределение акцентов между переносным и прямым значением. Историческая метафора в политическом дискурсе — всегда разновидность исторической аналогии. Поэтому, как при любом сопоставлении, переносное и прямое значение здесь равновелики по важности. В вербально-ассоциативной сети реципиента такая метафора (метонимия) стимулирует сразу две, равноправные по значимости и по силе воздействия цепочки реакций: и от переносного значения (того, кто/что обозначено), и от прямого. Если «произнесение слова подобно нажатию клавиши на клавиатуре представлений» [Витгенштейн, 1994, с. 126], то историческая метафора — это нажатие сразу на две клавиши (аккорд). Означающее — историческое наименование, выбранное в качестве метафоры, — становится таким образом и одним из означаемых в денотативном пространстве текстов о современных событиях, о представителях современной власти.

Например, активизировавшиеся на рубеже XX—XXI вв. *империя, имперский* ассоциируются и в массовом, и в индивидуальном сознании с представлениями: а) о роскоши, богатстве, пышности, парадности; б) о силе, величии, влиятельности. Восстановление этих понятий в коллективной ментальности современной России соответствует назревшей в обществе потребности в возрождении общенационального и личного самоуважения [Суздальцева, 2004].

Или:

— «*Скорее Павел, чем Петр*» (загол., Нов. газ., 2004, № 8) — о В.В. Путине. Здесь актуализируются те дифференциальные признаки, которые определяют в современном сознании смысл лингвокультуремы Павел I: а) концентрированность на военных реформах, укрепление дисциплины в армии; б) укрепление государственного управления, абсолютизация власти (ср. современное: *укрепление вертикали власти*). Одновременно скептические эмоциональные коннотации, традиционно связывавшиеся с правлением *Павла I,* отражают отношение оппозиционного печатного органа к президенту В.В. Путину;

— «*Это была не инаугурация. Это было венчание на царство*» (А. Пивоваров, НТВ, май 2004 г.) — о второй инаугурации В.В. Путина. И воспроизведение этого же исторического представления спустя 4 года в заголовке: «*Инаугурация или коронация?:* начиная с 7 мая 2008 г. в России действует новый Президент РФ Д.А. Медведев» (Мир новостей, 06.05.2008). В вербально-ассоциативной сети оба синонимичных исторических обозначения *(венчание на царство; коронация)* вызывают следующие представления: а) пышность, торжественность; б) общегосударственная значимость. Одновременно акцентируются представления о долге, об осознанной

жертвенности, о служении народу России, свойственные последним императорам из династии Романовых. И устанавливается связь между событиями прошлого и новейшей российской историей.

Разумеется, составляющей, т.е. знаком событийно-исторического культурного кода, становится вербализованное отражение такого исторического лица, события, явления, которое, благодаря каким-то своим качествам, оказалось особо значимым в познавательном, поведенческом, эмоциональном отношении, получило символический смысл. Такой денотат овеян легендами, устойчивыми ассоциациями и фактически обретает качества сигнификата. И слово-обозначение вызывает у реципиента круг всех этих представлений даже вне контекста.

Фактически компоненты событийно-исторического КК и закрепившиеся за ними архетипические реакции являются матрицей восприятия и оценки современных событий и лиц. Причем эти реакции настолько прочны, что затушевать или изменить их очень трудно. И зачастую даже после удавшегося оценочного переосмысления мифа о той или иной личности или о событии, при опоре на психологические потребности общества, эти реакции легко возобновляются. Таковы, например, реакции на слово *царь* и на другие слова, входящие в его семантическое поле.

В российском общественном сознании на протяжении столетий складывался образ *царя* как фигуры сакральной. Этому способствовали: а) конструируемая с конца XV в. идея о Божественном происхождении царской власти на Руси: Иван III в 80-е гг. XV в. утверждал, что царские права даны ему самим Богом[3]; б) строгий запрет на критику царя (см. страшный в допетровской и послепетровской Руси обвинительный юридический термин *Слово и дело!* [Максимов, 2000, с. 245]); в) стихийное чувство русского народа, продиктованное инстинктом самосохранения нации и потребностью в любви и доверии [Колесов, 2007, с. 186].

В восприятии и оценках русского народа идеальный царь — это средоточие могущества и власти, милосердия, мудрости и безгрешности [там же]. В.В. Колесов относит *царя* к одному из выработанных общенациональной ментальностью символических образов [там же, с. 176—177]. *Царь* в дореволюционном сознании — Божий избранник, отсюда типичное, почти религиозное для Руси презрение к самозванству как к греху против Бога, как к святотатству. *Царь* — главный защитник народа, *царь* — это стабильность и порядок. Отсюда — осуждение анархии и неразберихи, осознанное подчинение законам.

[3] См.: *Ключевский В.О.* Энциклопедический словарь русской истории. М.: ЭКСМО, 2008. С. 483.

Все эти представления вербализовались в:

а) паремиологических народных высказываниях — пословицах и поговорках о *царе*: «*На все святая царская воля*» (богоизбранность царя); «*Всякая вещь перед царем не утаится*» (всеведение царя — качество, присущее Богу); «*Государь наш батюшка, надежда православный, белый царь*» [Суздальцева, 2005, с. 43—45]; где *белый* — «чистый, незапятнанный», «народ называет *белым* свою веру, царя и Отечество»[4];

б) в традиционной метафорике существительного *царь*, проявляющейся в устойчивых образных обозначениях и сочетаниях: *Царь небесный, Царь-девица, царь зверей, Царь-колокол, Царь-пушка, Царь-рыба, Царь Дуб, Царский гриб* (на юге; он же: кесарь, цезарь).

Наряду с этим в русской словесности сформировался образ «смешного» царя: простоватого, немного наивного и неумелого, *царя-профана*. Обычно на дочери такого царя женится Иван-царевич или Иванушка-дурачок и сам становится счастливым и добрым царем. Этот образ отражал традиции народной скоморошьей, потешной культуры, стилистику народного лубка.

Весь этот комплекс связей настолько прочно закрепился в общенациональной ментальности, что остается доминирующим в реакциях на слово *царь* и сейчас (несмотря на 70-летнюю официальную доктрину осуждения царизма и царя). Очень интересны и показательны в этом отношении данные двухтомного «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой и др. Здесь из 107 реакций современников на слово *царь* подавляющее большинство положительного свойства (негативных реакций всего лишь 8). И среди этих положительных реакций есть, например: *Бог, корона, великий, власть, горы, грозный, вселенной, всемогущий, история, небесный*[5] и некоторые другие слова, так или иначе связанные с представлением об исключительности, величии и всемогуществе. Здесь содержатся и отдельные юмористические либо относящиеся к юмористическо-комедийным образам реакции: *Горох, дурак, бездельник, глупый, идиотов, Максимилиан* и даже *урод*[6]. Однако их немного — всего 7.

Выявленные ассоциации и представления присутствуют всегда в совокупности, в том числе и в таких воспринимающихся как шутливые или иронические заголовки: «*2 марта народ выбирает царя*» (Нов. газ., 06.03—12.03,2008) — о Д.А. Медведеве; «*Как живет царь*» — о В.В. Путине и его резиденциях в Барвихе и в Сочи

---

[4] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. С. 153.

[5] *Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др.* Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. М.: АСТ: Астрель, 2002. С. 714.

[6] Там же. С. 741.

(радио «Говорит Москва», 26.06.08); «*Новый царь*» — о Д.А. Медведеве (Коммерсантъ Власть, 19.05.08); «*младший царь*» — о нем же (МК, 04.04.08); «*Давос выбрал Путина на* "*царство*"» (Арг. нед., 22—28.01.09) и т.п.

Или прецедентное имя *Сталин*. Для части россиян миф о Сталине и ассоциирование его с величием и могуществом Советского Союза (воинским, патриотическим, индустриальным) все-таки оказались прочнее негативных реакций на разоблачения чудовищных репрессий и других злодеяний сталинского режима. По-видимому, именно этим объясняется победа Сталина в ТВ-проекте «Имя Россия» в июле 2008 г.: психологическая потребность в национальном самоуважении как необходимом основании личного самоуважения помогла найти в когнитивной базе то имя, которое в течение 30 лет позиционировалось как чуть ли не единственное удовлетворяющее эту потребность.

* * *

Какую же роль играют компоненты событийно-исторического культурного кода в плане имиджетворческом?

1. Многие знаки событийно-исторического культурного кода полисемичны. Таково, например, проанализированное выше существительное *царь*. Оно способно служить выражению иронического отношения. Коммуникативный результат этой насмешливости — «понижение» того, кто назван. Но ирония — это то, что лежит на поверхности. Причем часто в современных СМИ ирония оказывается не способом выражения оценки, а способом самомаскировки: помогает скрыть отказ от оценки.

2. Намного важнее другая сторона: в семиотическом пространстве политического дискурса исторические наименования являются сложными знаками, которые обеспечивают идентификацию событий и персон современности с фактами и персонами прошлого. Таким образом, они участвуют в конструировании имиджа государственного, политического деятеля и в создании общего представления о власти. Еще в IV в. до н.э. Аристотель в своей «Риторике» остроумно заметил: «Если ты не находишь, что сказать о человеке самом по себе, сравни его с другими... Следует сравнивать человека с людьми знаменитыми, потому что, если он окажется лучше людей, достойных уважения, его достоинства от этого выиграют» [Аристотель, 2007, с. 137]. Конечно, не место красит человека, а человек красит место. Однако фон, на котором позиционируется данная персона, и общекультурный, и предметный, играет важнейшую роль в создании имиджа. Это то, что в исследованиях по

имиджелогии называют методом «косвенной коммуникации», когда «нужное сообщение передается путем насыщения контекста лидера знаками того сообщения, которое нужно передать» [Почепцов, 2004, с. 220]. В вербальном плане такими символами, имплицитно повышающими статус изображенного деятеля, являются в том числе компонтенты событийно-исторического кода: ведь в общенациональной культурной памяти и соответственно в когнитивной базе — «ядре» культурного пространства — запечатлеваются только к р у п н ы е, з н а ч и т е л ь н ы е в каком-либо отношении фигуры, события. Соотнесенные с личностями и фактами современной истории, они дополняют их своим содержанием.

Иногда используемые в СМИ исторические обозначения вообще лишены каких-либо иронически-негативных нюансов. Таковы, например, из приведенных выше: *Солдат империи* (патетическое); *венчание на царство* (высокое и поэтическое); *коронация*. См. также названия передовой статьи в газете «Завтра»: «*Крейсер* "*Иосиф Сталин*"» (Завтра, январь 2004, № 4), где актуализация мифа о Сталине осуществляется за счет использования отсылки к безусловно положительному, героизированному мифу о крейсере «Варяг». С помощью тех знаков, которыми являются исторические обозначения, современные лидеры вводятся в общий историко-культурный контекст России. И в конечном итоге подобные сопоставления способствуют повышению авторитета власти.

Есть еще одна сторона — общекультурная. Одной из функций знаков в политическом дискурсе является и н т е г р а ц и я о б щ е с т в а, н а ц и и [Шейгал, 2004, с. 117]. (Сходную мысль о месте символа в синхронии и диахронии культуры высказывал Ю.М. Лотман: «Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства, осуществляя память культуры о себе» [Лотман, 2004, с. 241]). Поэтому главенствующей, по нашему мнению, функцией исторических метафор является и н т е г р а ц и я и с т о р и и этой нации. Благодаря введению их в текстовое пространство СМИ, в р е м я как категория диахроническая, процессуальная становится к а т е г о р и е й с о-б ы т и я́ в пределах культурного пространства данного народа. В этом одна из особенностей хронотопа политических текстов массмедиа. Настоящее невозможно без прошлого, так как именно прошлое, все его слои, составляют культурную матрицу народа. Настоящее же всего лишь наносит еще один слой на эту матрицу. И компоненты событийно-исторического кода помогают восстановить эту частично затушеванную матрицу в сознании массовой аудитории современной России.

Список литературы

Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука-Классика, 2007.

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994.

Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Петербургское Востоковедение, 2007.

Красных В.В. Этнопсихолингвистка и лингвокультурология. Лекционный курс. М.: Гнозис, 2002.

Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // М.Ю. Лотман. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2004.

Максимов С.В. Крылатые слова. М.: Астрель, 2000.

Почепцов Г.Г. Имиджелогия. 4-е изд., испр. и доп. М.: Рефл-бук: Киев: Ваклер, 2004.

Суздальцева В.Н. Образ власти в пословицах и поговорках русского народа (когнитивно-семантический аспект) // Журналистика и культура русской речи. 2005. № 3.

Суздальцева В.Н. О лексике «имперской» тематики // Журналистика и культура русской речи. 2004. № 3—4.

Формановская Н.И. Контекст и выбор личного имени // Журналистика и культура русской речи. 2004. № 1.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Принятые сокращения

АиФ — Аргументы и факты, Арг. нед. — Аргументы недели, Веч. Моск. — Вечерняя Москва, Вр. нов. — Время новостей, загол. — заголовок, МК — Московский комсомолец, назв. — название, Нов. газ. — Новая газета, Нов. Изв. — Новые Известия, Общ. газ. — Общая газета, подзагол. — подзаголовок, РР — Русский репортер, РСН — Русская служба новостей, ТВ — телевидение, телевизионный.

Поступила в редакцию
21.12.2010

Е.В. Уздинская, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; e-mail: levitzky@mail.ru

ПОДДЕРЖКА ИЛИ ОПРОВЕРЖЕНИЕ? РОЛЬ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ТАКТИКЕ «ВОЗРАЖЕНИЕ ПОД ВИДОМ СОГЛАСИЯ» (на материале газетной речи)[1]

В работе исследуются функции тактики «возражение под видом согласия» в газетном тексте и языковые средства, определяющие эффект указанной тактики. Анализ материала показал, что языковые средства и приемы, использующиеся в данной тактике, с одной стороны, выражают готовность к сотрудничеству с оппонентом, с другой стороны — показывают превосходство мнения автора над мнением оппонента. При этом информация в правой части соответствующей конструкции («зона несогласия») представлена как более важная по сравнению с информацией в левой части («зона согласия»). Характер использования языковых средств позволяет рассматривать указанную тактику не только как средство смягчения категоричности речи, но и как средство манипуляции адресатом.

Ключевые слова: *тактика, возражение, согласие, возражение под видом согласия, смягчение категоричности, манипуляция.*

The article deals with the functions of the tactics "objection in the disguise of agreement" in the newspaper text; the language means defining the effect of the above-mentioned tactics are researched. The analysis of the material has revealed that the language means and techniques applied in this tactics express, on the one hand, readiness to cooperate with the opponent, and on the other hand, they demonstrate the superiority of the author's opinion over the one of the opponent. At the same time the information in the right-hand part of the corresponding structure ("disagreement zone") is represented as more important as compared to the information in the left-hand part ("agreement zone"). The method of language means usage allows to consider the stated tactics not only as the means of softening the straightforwardness of speech, but also as the means of manipulating the addressee.

Key words*: tactics, objection, agreement, objection in the disguise of agreement, softening the straightforwardness, manipulating*

Среди различных приемов эффективного общения выделяется тактика, которую называют «возражение под видом согласия» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 137]. Она состоит в том, что «говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут

[1] Статья написана на основе доклада, сделанного автором на Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра. Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли» [там же]. Привлекательность тактики «возражение под видом согласия» (обозначаемой при помощи формулы «Да. Но...») объясняется тем, что она позволяет, с одной стороны, избежать излишней категоричности в споре, с другой стороны — усилить значимость мнения говорящего и еще вернее опровергнуть оппонента.

В газетных текстах использование «возражения под видом согласия» очень разнообразно, что и определило выбор материала данного исследования. Исследователями газетной речи тактика «возражение под видом согласия» отмечалась в ряду приемов, позволяющих избежать излишней категоричности; использование ее характеризует стиль «культурных авторов, склонных к толерантности, стремящихся понять точку зрения оппонента» [Кормилицына, 2003, с. 58]. В данном исследовании мы рассмотрим некоторые дополнительные функции тактики «возражение под видом согласия» в газетном тексте и попытаемся выявить набор языковых средств, определяющих ее воздействующий эффект. Нами были использованы материалы газет «Литературная газета» (ЛГ), «Труд», «Российская газета» (РГ), «Известия» (Изв.), «Аргументы и факты» (АиФ), «Московский комсомолец» (МК), «Комсомольская правда» (КП).

Функции тактики «возражение под видом согласия» в газетном тексте достаточно разнообразны. В некоторых случаях (прежде всего в публикациях интервью и беседах) более чем где-либо проявляется функция смягчения возражения, позволяющая разговору протекать гладко, а собеседникам чувствовать себя комфортно.

(1) — *В Германии тоже есть другие историки. Например, из правой части политического спектра, не согласные с постулатом «исторической вины».*

— Да, они публикуются, открыто артикулируют свое мнение. В то же время — обратите внимание — ни один из этих публицистов не является университетским профессором... (ЛГ, 2009, № 45) (курсив и жирный шрифт в примерах мой. — *Е.У.*).

В публикациях интервью можно отметить, кроме того, такую функцию рассматриваемой фигуры, как переключение разговора на другой предмет.

(2) — *Главная коммуникативная функция музея — межвременная, осуществляющая связь между прошлым и сегодняшним днем.*

— Конечно, связь времен чрезвычайно важна. Но мы также рассчитываем, что музей станет местом коммуникации между обществом и СМИ, между обществом и художником... (ЛГ, 2009, № 39—40)

В данном случае говорящие переходят от темы «музей как средство осуществления межвременной коммуникации» к теме «музей

как место коммуникации между обществом и художниками, обществом и СМИ», чему и посвящен весь дальнейший разговор. При этом благодаря рассматриваемой конструкции переключение на другой предмет осуществляется мягко; оно представлено как расширение сферы внимания собеседника.

Однако конструкция «Да. Но...» используется не только в публикациях бесед и интервью, но и в текстах монологических жанров: в статьях, рецензиях, обзорах и т.п. В подобных случаях указанная фигура, помимо демонстрирования толерантности к чужому мнению, выполняет и другую функцию: она позволяет акцентировать внимание на самых важных проблемах публикации и ключевых позициях автора. Вследствие этого соответствующая конструкция часто используется в сильных позициях текста: в начале и в конце. Так, в статье, посвященной взаимоотношению власти и литературы (ЛГ, 2009, № 42), автор упрекает литераторов в излишнем либерализме и неуместных, по его мнению, претензиях к власти, отказывающейся помиловать М. Ходорковского. Статья заканчивается следующим образом:

(3) *Да, конечно, помиловать можно даже тех, кто повинен в тяжких преступлениях. Но закон конкретен: для помилования необходимо, чтобы преступники признали свою вину и раскаялись. Но как раз этого они делать и не собираются* (ЛГ, 2009, № 42).

Аргументы автора кажутся особенно убедительными благодаря тому, что он выражает готовность признать точку зрения оппонентов в самых крайних проявлениях (*даже тех, кто повинен в самых тяжких преступлениях*). Таким образом, все возможные возражения исключаются: ведь они уже учтены автором, следовательно, его позиция не может быть подвергнута сомнениям. А поскольку эта позиция выражена в конце статьи, читатель все ее содержание оценивает и запоминает в соответствии с точкой зрения автора.

В некоторых полемических материалах конструкция «Да. Но...» оказывается существенным компонентом структуры всего текста. Так, в одной из статей Ю. Болдырева (ЛГ, 2008, № 47) рассматривается целый ряд мер правительства по повышению уровня народного представительства в законодательные органы. Обсуждая последовательно каждую из этих мер, автор каждый раз использует рассматриваемую конструкцию. Таким образом, он пытается вначале найти в данной мере нечто позитивное, после чего следует замечание, обнаруживающее ее несостоятельность:

(4) *Первая мера: представительство (по одному-два мандата) партиям, набравшим от 5 до 7 процентов голосов. Позволит ли эта мера решить карьерные задачи лидеров этих партий? Наверное. Но даст ли она возможность на что-то влиять? Очевидно — нет* (ЛГ, 2008, № 47).

В данном случае выражение согласия сопровождается явной иронией автора (решение карьерных вопросов лидеров партий, безусловно, никак не повышает уровень народного представительства). Таким образом, предложенная мера представляется совершенно бессмысленной. Таким же способом обсуждаются в статье другие меры правительства: *Вторая мера* <...>. *Третья мера* <...> *Десятая мера* <...>. В результате у читателя не остается никаких сомнений в неэффективности, непродуманности предлагаемых мер.

Следует заметить, что тактика «возражение под видом согласия» может использоваться не только при реакции на мнение оппонента, но и при своеобразных «самопоправках», когда говорящий вначале как будто противоречит высказанному перед этим им самим утверждению, соглашаясь с неким **потенциальным** оппонентом, но затем сам же опровергает мнение оппонента, возвращаясь, таким образом, к исходному утверждению, проверенному таким способом «на прочность»:

(5) *Публикация в «толстом» журнале — это серьезная заявка... Конечно, журналы выходят уже не миллионными тиражами, но такая большая аудитория начинающему литератору и не нужна* (ЛГ, 2009, № 38).

Во всех случаях конструкция содержит две части: в первой представлена так называемая «область согласия», во второй — «область несогласия».

Действие тактики «возражение под видом согласия» основано на использовании целого ряда языковых средств. Можно заметить, что эти средства определенным образом связаны с представлением информации в «зоне согласия » как несущественной для основного положения дел, а в «зоне несогласия» — как решающей для него. Такая оценка указанных «зон» (по-видимому, и определяющая специфику тактики «возражение под видом согласия») достигается прежде всего при помощи противительного союза *но* и его аналогов: *однако*, *зато*, *только*, *при этом*, *все-таки*, а также союза *а* в значении *но*. Говоря о семантике союза *но*, В. Санников отмечает его способность характеризовать содержание второй части противительной конструкции как «решающее для описываемой ситуации» [Санников, 2008, с. 244—265]. Именно это свойство *но* позволяет использовать первую часть конструкции как «область согласия» (менее важную в данной ситуации), а вторую часть — как «область несогласия» (основную, наиболее важную для данной ситуации). Среди конструкций с союзом *но* Д.Н. Шмелев выделяет особые, изначально предназначенные для передачи «возражения под видом согласия» «усилительно-уступительные фразеосхемы» [цит. по: Булыгина, Шмелев, 1997, с. 141]. Особенностью данных фразеосхем является лексический повтор компонентов: *Работа работой, а отдыхать надо; Читать-то читал, но не запомнил.*

Помимо **синтаксических** средств, передающих «возражение под видом согласия», существуют **лексические** единицы, создающие специфический облик указанной фигуры.

Большинство специфических языковых средств данной конструкции находится в первой ее части.

Одну из групп языковых единиц**, характерных для первой части**, составляют выражения со значением **гипотетичности**: *может, может быть, кажется, казалось бы, вроде бы, ну* и т.п. Слова подобного рода подчеркивают готовность автора сотрудничать с оппонентом и согласиться с ним, даже если реальность факта вызывает сомнение:

(6) ***Может,*** *человечество и расстается со своим прошлым смеясь. Но у нас это расставание принимает самые причудливые формы* (ЛГ, 2006, № 24).

(7) *Русский человек,* ***может****, и снимет последнюю рубаху,* ***может****, совершит подвиг самопожертвования: бросится под танк или выйдет на Красную площадь с табличкой «За вашу и нашу свободу». Но вот выполнить обещанное в срок — на это он органически не способен* (ЛГ, 2010, № 40).

(8) ***Допустим,*** *Обама действительно задумался о переменах. Но сумеет ли он преодолеть эту гигантскую инерцию экспансии?* (ЛГ, 2009, № 29)..

(9) *...А мастерица детективного жанра щебечет о том, что без сказок душе плохо в мире жестокости и обмана.* ***Как будто*** *все верно и отзвук правды есть в речах каждой из сторон. Только нет в них собственно литературы* (ЛГ, 2009, № 41).

Однако значительно большая, основная часть языковых средств, типичных для 1-й части рассматриваемой конструкции, свидетельствует не просто о поддержке оппонента, одобрении его позиции, но и о реальности соответствующего положения вещей. Среди единиц данного рода выделяется три основные группы.

Первую группу составляют слова и выражения, обозначающие **согласие с партнером.** Они могут быть разделены на две подгруппы. В первую входят слова, ***выражающие отношение к мнению оппонента*** (*да, согласен, не спорю, я не против, нет слов* и т.п.). Средства подобного рода рассматривались в упомянутой выше работе Т.В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 137—148]:

(10) *Я с вами* ***совершенно согласен*** *насчет идей. Они замечательные. Но воплощение...* (ЛГ, 2008, № 32).

(11) ***Кто же против*** *гармонизации сотрудничества? Но вот с привязкой к деньгам и технологиям возникают вопросы* (ЛГ, 2009, № 36).

Во вторую подгруппу входят слова и выражения, не просто выражающие поддержку мнения оппонента, но и характеризующие утверждение как ***соответствующее истинному положению вещей***:

конечно, действительно, разумеется, безусловно, естественно и т.п. (О двух соответствующих гранях значения слов типа *конечно, разумеется* и т.п. см. [Дискурсивные слова..., 1998, с. 345—381]):

(12) *Демократия,* ***конечно****, не является панацеей от всех бед, но демократия помогает сегодня оценить масштабы ошибок* (АиФ, 2009, № 39) .

(13) *Солидную добавку персонал принял как должное.*

С одной стороны, общество ***действительно*** *им задолжало, но ведь с другой, и многие из них только и делали вид, что работали* (ЛГ, 2009, № 24).

Можно заметить, что использование слов, выражающих согласие, нередко создает впечатление **ненужности обсуждения** содержания 1-й части высказывания. Не случайно в составе типичных маркеров указанной части конструкции выделяется группа клишированных сочетаний, выражающих отказ от спора и от обсуждения данного вопроса: *спору нет*, *нечего и говорить*, *слов нет* и т.п.:

(14) *Вначале — о «Петре».* ***Слов нет****, прекрасный корабль, предназначенный для уничтожения авианосцев. Но его боевые возможности трагически ограничены именно одиночеством* («Труд», 29.06.09).

К единицам рассматриваемой группы можно отнести также выражение *это святое*, характеризующее утверждение как отражающее высшие, основные нравственные ценности, именно поэтому и не требующие обсуждения.

(15) «*Наших бьют» —* ***это святое****. Но после битвы стоит попытаться понять, в чем это «наши» выражается* (ЛГ, 2006, № 36).

В подобных случаях явно чувствуется ирония автора, обнаруживающая несостоятельность мнения оппонента. «Наших бьют» — это аргумент защитников российских рыбаков, наказанных за браконьерство в норвежских водах. Само выражение, типичное для участников уличных драк, в сочетании с высокой фразой *это святое* явно обнаруживает бездумность позиции оппонентов, ложность их патриотизма.

Ко **второй группе** средств, типичных для 1-й части конструкции «Да. Но...» относятся слова и выражения, указывающие на **известность/понятность** данного положения дел: *понимаю, понятно, известно, знаю, ясно, очевидно* и т.п.

(16) ***Понятно,*** *никто жизни людей уже не вернет, но кто и чем хотя бы ответит?* (ЛГ, 2009, № 33—34).

(17) *Да,* ***знаю,*** *есть публика, которой русский язык кажется очень трудным. Но это е е трудности* (ЛГ, 2009, № 37).

Слова со значением знания и понимания выполняют близкую функцию: в обоих случаях информация представлена как уже имеющаяся в сознании говорящего и, следовательно, учтенная им. При этом слова *понимаю, понятно* и т.п. встречаются в текстах зна-

чительно чаще, чем *знаю*, *известно* и.т.п. Это может быть связано с тем, что использование слов *понимать*, *понятно* в меньшей степени ограничивает круг информации, которая может быть учтена говорящим. Глагол *понимать* может обозначать «любое понимание: логическое и иррациональное, возникшее в результате чьего-либо объяснения или собственных размышлений»[2]. Кроме того, апелляция к пониманию допускает, на наш взгляд, больше возможности манипулирования адресатом: знание в большинстве случаев предполагает какой-либо источник; для понимания же это необязательно, главное — проникнуть в смысл происходящего. Поэтому понять данное утверждение может любой субъект. Этим же, возможно, объясняется преобладание в исследованном материале форм *понятно* (по сравнению с *понимаю*): ситуация представляется учтенной **любым** субъектом, следовательно, в еще меньшей степени требует обсуждения, обращения внимания.

Третью группу единиц, характерных для 1-й части рассматриваемой конструкции, составляют слова и выражения со значением **положительной оценки утверждаемого в «области согласия»**: *это хорошо, замечательно, замечательный, хорошее дело, симпатичны, это вы молодцы, красиво, прекрасно, обнадеживает* и т.п.

(18) *Господдержка — это **замечательно**, но на ней нельзя все время держаться* («Труд», 10.12.08).

(19) *Потратить деньги мы вам поможем! — уверил Путина ямальский губернатор Юрий Пселов. В ответе ВВП прозвучали нотки сомнения: «**Это вы молодцы**. Но потратить надо с умом»* (МК, 25.09.07).

Средства всех перечисленных выше групп тем или иным способом выражают готовность говорящего согласиться с оппонентом, высоко оценить или, во всяком случае, учесть его мнение. Однако даже при использовании подобных слов и выражений нередко возникает впечатление неубедительности, слабости утверждения, содержащегося в данной части конструкции. Как ни странно, это впечатление создают приемы, которые, казалось бы, должны лишь укреплять уверенность в правоте оппонента. К таким приемам относятся, например, повторы, очень характерные для данной фигуры:

(20) ***Да,** Маленков был грамотнее и знал, как управлять страной. **Да,** Берия был лучшим организатором, а Молотов обладал большим авторитетом в партии. Но при этом всем ни один из них не сделал бы главного — не изменил обстановку в стране* (АиФ, 2009, № 42).

Кроме того, как можно заметить, перечисленные нами выше языковые средства могут усиливаться различными интенсификаторами (***совершенно** согласен, без **всяких** сомнений, **никто** не спорит*

[2] Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003. Вып. 3. С. 241.

и т.п.). Часто слова указанных групп выступают совместно в одной конструкции: (*конечно, хорошо; да, конечно; безусловно, замечательно; можно, конечно; понятно, конечно; да, разумеется, известно* и т.п.).

(21) ***Да***, *еще есть,* ***безусловно,*** *несколько* ***действительно*** *заслуживающих внимания спецпрограмм, но они вытеснены куда-то на периферию* (ЛГ, 2008, № 27).

В каждой из групп «лидером» по частоте употребления являются слова, в которых данное значение проявляется в наибольшей степени. Так, из группы слов, выражающих согласие, наиболее часто используется *конечно*, значительно чаще, чем *да.* Из группы слов, выражающих положительную оценку мнения оппонента, наиболее часто используется слово *замечательно*. Из слов со значением известности, понятности информации наиболее актуально слово *понятно*, свидетельствующее о возможности учесть данную информацию максимально широким кругом лиц. Все это должно было бы подчеркнуть желание говорящего согласиться с собеседником, найти все аргументы «за». Однако на самом деле подобное акцентирование согласия рождает лишь сомнение в значимости «области согласия» (а нередко и в искренности говорящего) и готовит к неизбежному опровержению. В связи с этим можно вспомнить известный рассказ И. Андроникова, в котором один из героев (И.И. Соллертинский), прослушав текст выступления неопытного ведущего, дает ему следующую оценку:

(22) — *Великолепно! Грандиозно! Потрясающе! Высокохудожественно! Научно-популярно! И даже еще более того! Но, к сожалению, все это абсолютно никуда не годится*[3]. Чем более удлиняется ряд обозначений замечательных качеств выступления, чем выше оценки, тем более очевидна ирония автора и слабость, неубедительность выступавшего.

Следует отметить, что в высказываниях с единицами всех четырех групп может использоваться еще один способ снижения значимости «области согласия» — **акцентирование какой-то одной части указанной «области».** Это делает согласие еще более «ущербным». Очень часто в акцентированной части «зоны согласия» находятся неопределенные местоимения. В результате создается представление о небольшой и несущественной части объектов, иногда подчеркивается их чуждость автору, что еще более снижает ценность данного положения дел:

(23) *Может,* ***кому-то*** *эти детали покажутся не заслуживающими внимания, но...* («Труд», 05.07.06).

(24) *Конечно,* ***у кого-то*** *из читателей хватает сил понять <...> Но, как показывает горький опыт, таких читателей очень и очень мало* («Труд», 05.07.08).

[3] *Андроников И.Л.* В первый раз на эстраде // Юность. 1972. № 2.

Ср. другие акцентированные части: *с нашей, стариковской точки зрения..., по нынешним меркам..., в этом отношении..., на бытовом уровне...* и т.п.

(25) *Конечно,* ***на бытовом уровне*** *есть национализм в Казахстане, но он есть и в России. Не стоит раздувать его в СМИ* («Труд», 05.07.06).

На бытовом уровне — это, по мнению автора, небольшая область проявления национализма. Естественно, обсуждать ее в СМИ — значит «раздувать».

Можно заметить, что среди разнообразных единиц, акцентированных в «области согласия», выделяется некоторый относительно устойчивый набор слов и выражений, регулярно повторяющихся в целом ряде примеров и нередко противопоставленный другому набору единиц, типичных для 2-й части конструкции «Да. Но...», т.е. для «области несогласия». Нами выделено несколько групп подобных оппозиций:

1. Идеальное (1-я часть) противопоставляется реальному (2-я часть). Данная группа включает несколько более конкретных противопоставлений:

Идея (идеал) — воплощение

«Область согласия» ограничивается только идеей, «область же несогласия» — это практика, воплощение идеи. Для 1-й части конструкции типичны слова *по идее, в идеале* и т.п.; для 2-й части — *на практике*, *в реальности*, *получилось* и т.п.

(26) ***По идее,*** *сочинская встреча должна была расставить все точки над «и». Но вместо точек* ***получилось*** *многоточие* (Изв., 30.09.09.).

(27) *Конечно,* ***в идеале*** *правительство должно добиваться, чтобы все предприятия, работающие в России, здесь же платили налоги. Однако* ***на практике*** *наиболее эффективным механизмом могло бы стать совмещение кнута и пряника* (ЛГ, 2009, № 35).

Теория (наука) — практика.

«Сфера согласия» ограничивается теорией; для 1-й части типичны слова *теоретически, с научной точки зрения* и т.п., для 2-й части (как и в предыдущей группе) — *на практике*, *при реализации* и т.п.

(28) *Опубликованная программа по борьбе с коррупцией интересна* ***с научной точки зрения,*** *но вызывает сильные сомнения в отношении их* ***реализации*** (ЛГ, 2009, № 41).

(29) ***Теоретически*** *«Роснано» может быть приватизировано. Но таких решений правительство не принимало* (АиФ, 2009, № 38).

Цель — средства.

Для 1-й части типичны слова *цель* и т.п.; для 2-й — *средства* и т.п.

(30) *Итак,* ***«что» и «для чего» —*** *ясно.* ***Цели*** *благие и вряд ли вызывают у кого-либо сомнения. Главной проблемой остается вопрос* ***«как»*** (ЛГ, 2009, № 38).

Использование указанных средств основано, по-видимому, на осторожном, недоверчивом отношении людей ко всему абстрактному, умозрительному; предпочтении ему конкретного дела, практики.

2. Форма (1-я часть) противопоставляется содержанию (2-я часть). В данном случае зона согласия ограничивается формой, зона несогласия связывается с содержанием. В 1-й части используются слова *формально*, *по стилистике* и т.п.; для 2-й части определенные обозначения менее типичны:

(31) ***Формально*** *период радикальных перемен вроде бы принес в итоге некие плоды. Но на всех этих достижениях лежит печать какой-то скороспелости, суетливости* (ЛГ, 2009, № 39—40).

(32) *Да, Обама говорит совсем иначе, чем Буш: Америка должна признать свои ошибки.* ***По стилистике*** *это обнадеживает. А* ***поступки****? Их пока нет* (ЛГ, 2009, № 29).

Акцент на формальном, внешнем сразу обеспечивает «зоне согласия» «поражение»: у большинства людей противопоставление формы и содержания связано с предпочтением содержания, тогда как увлечение внешним, формальным обычно осуждается.

3. Общее (1-я часть) противопоставляется частному (2-я часть). В 1-й части могут использоваться слова *в целом, в общем, по большому счету* и т.п.

(33) ***По большому счету*** *нынешний польский империализм нам всерьез не угрожает <...> Меня только возмущает откровенно циничная позиция Евросоюза* (ЛГ, 2005, № 38).

(34) *Президент, правительство озвучивают все новые и новые врачебные меры.* ***В целом*** *эксперты признают их разумными. Но хватит ли обезболивающих?* (АиФ, 2009, № 1—2).

Использование единиц подобного рода основано, по-видимому, на обычном предпочтении человеком частного, конкретного, более понятного, общему — абстрактному, менее понятному.

4. Одна сторона вопроса противопоставляется другой.

(35) ***С одной стороны,*** *общество действительно им задолжало, но ведь* ***с другой,*** *и многие из них уже давно только и делают вид, что работают* (ЛГ, 2006, № 24).

(36) ***На первый взгляд,*** *действительно много, но это только на первый* (АиФ, 2008, № 24).

(37) *Негативные черты детскости очевидны... Однако есть тут и* ***оборотная сторона*** (ЛГ, 2009, № 36).

С первым взглядом связывается обычно поверхностный подход, поэтому он не вызывает доверия, в отличие от другого взгляда, более глубокого, учитывающего скрытую от нас сторону явлений.

5. Знания неактуальные (1-я часть) противопоставляются знаниям актуальным (2-я часть). В подобных случаях нередко используются частицы: *-то* — в 1-й части, *вот* — во 2-й.

(38) *О комиссии по делам несовершеннолетних мало кто знает. Название**-то** наверняка слышали многие, а **вот** о том, чем она занимается, большинство имеет представление самое примерное* (КП, 08.07.06).

(39) *Да и археологи не подтверждают скандинавского начала нашего государства. Следы скандинавов**-то** на будущей Руси она видит... А **вот** следов некоего княжения, некоей скандинавской государственности — нет* (ЛГ, 2009, № 29).

Использование отмеченных частиц как маркеров актуальных и неактуальных знаний основано на специфике значений *-то* и *вот*. На наш взгляд, основное значение *—то* можно описать следующим образом: «-*То* характеризует обозначенные в высказывании предметы и ситуации как такие, знания о которых являются основными, ключевыми во всей системе общих знаний партнеров» [Уздинская, 1996, с. 11]. Частица *вот* в своем основном значении « употребляется для указания на происходящее в непосредственной близости, непосредственно перед глазами или как бы перед глазами»[4]. Таким образом, как *-то*, так и *вот* связаны с отсылкой к общей апперцепционной базе партнеров, вследствие чего обе частицы выполняют целый ряд общих функций [там же, с. 113]. В рассматриваемых нами примерах названные частицы используются в акцентирующей функции. При этом следы общего, основного значения сохраняются и в данных употреблениях частиц, что, по-видимому, усиливает воздействие тактики «возражение под видом согласия». Так, частица *-то,* маркируя 1-ю часть конструкции «Да. Но...», характеризует выделяемый компонент как наиболее способный быть оцененным говорящим с точки зрения данного признака, поскольку соответствующий объект ему наиболее известен. (Ср.: *Петя-то выучит!* — с точки зрения способности выучить Петя известен более, чем кто-либо другой.) В результате содержание «области согласия» представляется как не очень важное, не стоящее обсуждения: ведь оно и так в данной части понятно и известно более, чем что-либо другое. Так, в примере (38) из всего, что касается комиссии, ее название более, чем что-либо другое, может быть известно многим. Но название — это очень мало по сравнению со всей информацией о комиссии, поэтому данное утверждение никак не влияет на обсуждаемое положение дел. Что касается частицы *вот*, то ее значение («указание на происходящее перед глазами или как бы перед глазами»), по-видимому, влияет на маркирование ей второй части конструкции («области несогласия»). *Вот* характеризует выделяемый элемент как находящийся в сфере внимания, а значит, наиболее актуальный для обсуждаемой ситуации. В рассмотренной нами конструк-

[4] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1986. С. 86.

ции *Название-то слышали многие, а вот о том, чем она занималась, большинство не знает...*, безусловно, важнее 2-я часть (чем занималась комиссия).

Из **единиц, характерных для 2-й части рассматриваемой фигуры** («зоны несогласия»), следует отметить, наряду с частицей *вот*, частицу *ведь*. Подобно частице *вот*, *ведь*, как нам кажется, связана с отсылкой к знаниям говорящих. Но если *вот* **указывает** на **актуальные знания**, то *ведь* **актуализирует** имеющиеся знания собеседников. При этом, как уже отмечалось, отсылка к знанию (пониманию) информации может характеризовать и 1-ю часть конструкции (например, при помощи частицы *-то*, слов *знаю, понятно, ясно* и т.п.). Но для всех средств 1-й части специфика отсылки к знанию (пониманию) состоит в том, что эти знания не требуют актуализации, они очевидны, учитываются говорящими без всякого напоминания. Информация, которая вводится при помощи подобных средств, не требует обсуждения, обращения на нее серьезного внимания. Что касается частицы *ведь*, то она указывает на знания, на которые нужно обратить внимание, о которых надо напомнить (о способности *ведь* в аргументативной функции напоминать о факте см.: [Дискурсивные слова..., 1998, с. 430]), что свидетельствует о важности этих знаний в данной ситуации:

(39) *Я понимаю, что Вы лично не нуждаетесь в господдержке... Но* ***ведь*** *многие писатели нуждаются* (ЛГ, 2009, № 39—40).

(40) *Можно с полным основанием осудить пакт Молотова—Риббентропа... Но* ***ведь*** *годом раньше Франция и Англия подписали с Гитлером известный договор* (АиФ 2009, № 36).

Наряду с *ведь*, функцию напоминания о знаниях адресата могут выполнять выражения *напомню, следует напомнить, вспомните* и т.п., также достаточно часто используемые во 2-й части конструкции.

(41) *При этом понятно***,** *что рыночная экономика строится на стремлении к прибыли, но* ***стоит напомнить***, *что регулирование рентабильности — это отнюдь не изобретение российских ученых* (ЛГ, 2009, № 33—34).

(42) *Пусть тот, кто не хочет даже внешне меняться, так и поступает. Но,* ***извините за напоминание****, люди некоторым образом связаны друг с другом...* (ЛГ, 2009, № 41).

Стремление автора обратить особое внимание адресата на информацию во второй части конструкции проявляется и в использовании целого ряда других приемов.

Так, для 2-й части конструкции «Да. Но...» характерно наличие апеллятивных средств; они активизируют читателя, обращают его внимание на содержание высказывания и, кроме того, позволяют почувствовать себя участником диалога с автором. К средствам подобного рода относятся, например, риторические вопросы:

(43) *Допустим, Обама действительно задумался о переменах.* ***Но сумеет ли он преодолеть эту гигантскую инерцию экспансии?*** (ЛГ, 2009, № 29).

К другим единицам данной группы, часто отмечаемым в рассматриваемой конструкции, относятся средства адресации: *подумайте, представьте, извините, согласитесь, обратите внимание* и т.п. Так же, как и риторические вопросы, подобные слова активизируют внимание адресата, причем заставляют воспринимать содержание высказывания как собственный вывод:

(44) *Да, каждый волен распорядиться своей землей по своему усмотрению. Но вы* ***представляете****, сколько разного рода процедур надо соблюсти?* (ЛГ, 2006, № 24).

(45) *Конечно, этот взгляд был субъективным, но,* ***согласитесь****, он полностью соответствовал стереотипам той эпохи* («Труд», 07.04.07).

Еще одним способом привлечения внимания к содержанию 2-й части конструкции, подчеркивания ее значимости является использование в ней различных средств экспрессивного синтаксиса: риторических восклицаний, усеченных предложений, разговорных конструкций и т.п.:

(46) *Казалось бы, ну и что? Все сделано правильно: сначала фильм показали, потом его обсудили.*

Но ведь как прозвучало! (МК, 25.09.09).

(47) *Оно, конечно, может, и перебор, но* ***каков результат!*** (АиФ, 2009, № 34).

(48) *Казалось бы, катарсиса не избежать,* ***ан нет!*** (ЛГ, 2009, № 41).

Итак, как показывает исследование, тактика «возражение под видом согласия» в газетном тексте позволяет сделать полемику более корректной, тактично перевести разговор на другую тему, акцентировать внимание читателя на самых важных проблемах, обсуждаемых в статье, на позиции автора как наиболее убедительной. Указанная тактика осуществляется при помощи целого ряда языковых средств, которые свидетельствуют о желании автора, с одной стороны, поддержать собеседника, с другой стороны — показать превосходство своей позиции и еще убедительнее его опровергнуть. Для выражения **поддержки оппонента** используются (в 1-й части конструкции) слова со значением согласия, понимания, положительной оценки и др. Для выражения **превосходства своего мнения** используется ряд средств и приемов, подчеркивающих незначительную роль информации в «зоне согласия» и важную, решающую — в «зоне несогласия». При этом отмечается ряд тенденций: а) содержание 1-й части конструкции представляется как очевидное, не требующее внимания, обсуждения; содержание же 2-й части — как требующее обращения внимания, напоминания, активизации мыслительной и эмоциональной деятельности адресата; б) в со-

ставе «зоны согласия» и «зоны несогласия» акцентируются некоторые области, особенно явно обнаруживающие ущербность согласия и значимость несогласия; при этом выделяется устойчивый набор обозначений, образующих оппозиции, правая часть которых подчеркивает большую важность «зоны несогласия» по сравнению с левой — «зоной согласия» (**теория — практика, форма — содержание, общее — частное, знания неактуальные — знания актуальные** и т.п.); в) согласие выражается слишком активно, усиленно, подчеркивается различными способами (посредством повторов, интенсификаторов и т.п.), что вызывает недоверие к утверждению в «зоне согласия». Можно заметить, что если готовность согласиться с оппонентом выражается, как правило, эксплицитно (специальными показателями согласия: *согласен, да, конечно*), то несогласие проявляется чаще всего неявно, незаметно для оппонента и читателя (при помощи частиц, семантика которых трудно поддается объяснению; акцентирования особых областей в «зоне согласия» и «зоне несогласия»; экспрессивных конструкций, повторов и т.п. Все это позволяет объяснить популярность тактики «возражение под видом согласия» в современном публичном общении не только возможностью смягчения категоричности речи, но и способностью использовать как средство манипуляции адресатом.

Список литературы

Булыгина Т.В., Шмелев Д.Д. Возражение под видом согласия // Облик слова. М., 1997.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М., 1998.

Кормилицына М.А. Наблюдение над разнообразием средств выражения личностного начала и идиостилем авторов в дискуссии «Десять дней, которые потрясли...» на страницах «Литературной газеты» (2001) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 2. Саратов, 2003.

Санников В. Русский язык в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Уздинская Е.В. Частица *-то* в диалектах и разговорной речи (функциональный аспект): Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1996.

Поступила в редакцию
16.12.2010

ВЕДЕТСЯ ИССЛЕДОВАНИЕ

Е.Д. Тимошенко, аспирантка кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: eugenia@nightmail.ru

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ШВЕЙЦАРСКОЙ ПРЕССЕ (на примере газеты «Тан»)

Автор исследует постулирование либеральных тезисов в полемике на страницах швейцарской газеты «Тан». В статье рассматривается обусловленность позиций полемистов либеральной идеологией, а также форма, в которой эти идеи высказываются. Рассматривается влияние либерального мировоззрения на ценностный инструментарий полемистов.

Ключевые слова: *либеральная идеология, швейцарская пресса, полемика, «Тан».*

The author studies the postulation process of the liberal statements used in the polemic on the web-site of the Swiss newspaper "Le Temps". The article handles the qualified positions of the polemists who support the liberal ideology and the form in which these ideas are posed. The influence of the liberal ideology on the evaluative tools of the polemists is studied as well.

Key words: *liberal ideology, Swiss press, polemic, "Le Temps".*

Качественная газета «Тан» — одно из самых влиятельных политических изданий франкоязычной Швейцарии Газета начала выходить в 1998 г. в результате слияния ежедневных изданий «Журналь де Женев» и «Нуво Котидьен». «Тан» издается в Женеве медиаконцернами «Ринье» и «Эдипресс» («Тамедиа»), тираж 44 500 экз[1].

В сфере печатной прессы страны выделяют три наиболее развитых рынка. Первый из них — Швейцария немецкоязычная с центрами распространения прессы в Цюрихе, Базеле, Берне и Люцерне. Именно в этих городах тиражи ежедневной прессы особенно высоки. Наиболее высокий рейтинг у газет «Блик» (215 тыс. экз.) и «Нойе Цюрхер Цайтунг» (140 тыс. экз.).

Самый маленький из трех рынков — Швейцария италоязычная. Здесь издаются лишь три ежедневные газеты («Коррьере дель Тичино», «Жиорнале дель пополо», «Режионе Тичино»).

Во франкоязычной Швейцарии выходит порядка двух десятков ежедневных изданий («Трибюн де Женев», «Тан» и др.), несколько специализированных журналов («Иллюстре», «Танданс Деко», «Телетоп» и др.) и один политический еженедельник («Эбдо»).

[1] Сайт швейцарской Ассоциации «Исследование и изучение рекламных СМИ» 2010 // http://www.wemf.ch/

Аудитория франкоязычной прессы страны — около миллиона читателей. Здесь доминируют 2 центра распространения печатных изданий — Женева и Лозанна.

Газета «Тан» сразу стала одним из лидирующих ежедневных изданий на рынке франкоязычной прессы страны. На 80% издание распространяется по подписке.

Выбор самого издания как показательного в аспекте выражения либеральной идеологии обусловлен тем, что редакционная политика газеты выделяет «Тан» среди других швейцарских СМИ. Именно «Тан» последовательно отстаивает либеральную позицию на протяжении долгих лет: она остается неизменной со дня основания газеты. Считается, что издание симпатизирует Женевской либеральной партии, которая является очень влиятельной в кантоне Женева, где находится редакция «Тан».

Прежде чем приступить к анализу полемических материалов данного издания, мы изучили более 300 публикаций «Тан». Охват тем, которым уделяется внимание в газете, весьма широк — это, в частности, международные отношения, экология, социальные проблемы и многое другое. Одной из особенностей издания является то, что значительная часть материалов каждого номера являются полемическими. Именно в них привлекается внимание к той или иной проблеме, высказываются различные позиции, призывы.

Авторы полемических материалов газеты — это не только журналисты «Тан», но и приглашенные социологи, политологи, политики, ученые и др. Присутствие известных имен в газете вызывает больше откликов со стороны читателей. Среди авторов, популярных у постоянной аудитории издания: колумнистка Сильвен Рош, специалист в вопросах этикета; колумнистка Жоэль Кунтц, историк, автор книги «Швейцарская история за одно мгновение»; публицист Бэат Каппелер, специалист по финансам; Мари-Элен Мьятон, директор института изучения общественного мнения “M.I.S”; социолог Кристин фон Гарнье; адвокат Жан Рюссотто и многие другие.

«Тан» считают «газетой мнения» (в противовес «газетам информации»). Это находит отражение в тоне статей, который подчас далек от нейтральности и политкорректности большинства качественных изданий страны. В газете много авторских колонок, журналисты избегают совершенно отстраненной подачи информации. Это также выделяет издание и помогает ему завоевать аудиторию, уставшую от однообразия.

В настоящее время газета считается весьма авторитетной, на нее часто ссылаются как на бренд. Издание завоевало аудиторию как во «французской», так и в «немецкой» Швейцарии, где его часто читают, чтобы понять происходящее в Романдии (так называют франкоязычную часть страны). Минусом газеты является то, что

у нее мало шансов выйти на международный рынок, отмечают исследователи.

Научная новизна поставленной проблемы заключается в том, что впервые в научный оборот отечественных медиаисследований вводится анализ полемических материалов данного издания. Анализ идеологически окрашенных тезисов с целью показать механизм аргументации в полемике, ценностные ориентиры авторов также относится к малоисследованным проблемам. Наша цель состоит в том, чтобы наглядно продемонстрировать, в каком виде либеральное мировоззрение отражается в актуальных политических материалах и каким образом эти идеи преподносятся в полемике, цель которой — убеждение оппонента и аудитории [Windsich, 2010, p. 25].

Как утверждает А.А. Ивин, интерес к полемике «возникает в обществе, в котором существует потребность в убеждении посредством речи, а не путем принуждения, насилия, угроз и т.п.» [Ивин, 2002, с. 9]. В демократическом обществе без обсуждения невозможно сформировать общественное мнение, отсюда очевидна роль полемики как одного из наиболее эффективных средств массовой коммуникации. В среде исследователей существует убеждение, что действие публицистического текста более эффективно, если этот текст — полемический. Основные правила ведения публицистического диалога сформировались еще в античности. С позиций риторики теория полемики рассматривается в работах ряда отечественных исследователей (Л.А. Введенская, С.Ф. Иванова, Н.В. Кошанский, Л.Г. Павлова и др.). Психологические особенности полемического текста отражены в книге «Психология журналистики» [Пронина, 2002].

В современном полемическом тексте проблема рассматривается через личностное ее ви́дение, через утверждение собственного мнения по конкретному вопросу. Цель такого текста — привлечение внимания к проблеме, но также и к персоналии автора, провокация эмоций, призыв к тем или иным действиям. Как указывает А.А. Тертычный, цель полемической статьи двояка. Во-первых, автор старается обосновать свое мнение, свой взгляд на проблему и сделать это достаточно убедительно. Во-вторых, автору необходимо опровергнуть доводы своего оппонента. «Используемые факты, примеры обычно подбираются таким образом, что они лишь подтверждают позицию автора» [Тертычный, 2000, с. 163]. Это необходимо, чтобы избежать обвинений в противоречивости собственных тезисов, выносящихся на обсуждение. То есть факты преподносятся во многом тенденциозно: выгодные гиперболизируются, становятся отправными для умозаключений, а значение неугодных фактов, напротив, умаляется.

Анализируя публикации в «Тан» с точки зрения постулирования тех или иных либеральных идей, мы руководствовались такими исследованиями по либеральной идеологии, как основополагающие в данной области работы Гарольда Ласки [Laski, 1936], Гюнтера Рормозера [Рормозер, 1996], исследованием по современной европейской политической мысли Фредерика Лордона [Lordon, 2010], научной работой отечественного автора Павла Ушанова [Ушанов, 2004] и другими научными трудами. Как справедливо указывает отечественный исследователь П. Ушанов, «либерализм в указанных исследованиях понимается как продукт европейской цивилизации. Его философская основа — философия свободы воли <...> Объединяющими являются вопросы о природе человека, о природе общества и отношения к нему человека, о природе знания и истины. Либералы считают человека разумным существом. Счастье и благосостояние личности является целью общества. Человек способен к самоорганизации. Человек способен думать, пользоваться опытом и приходить к самостоятельным умозаключениям, направленным на практическое преобразование жизни. Таким образом, самореализация, самоосуществление индивида становится целью человека, общества и государства» [там же, 2004].

Вышеописанные методы анализа приводят к логическому выводу о наличии в нашей работе *междисциплинарного подхода*, так как данное исследование осуществлялось на стыке социологического, лингвистического и политологического анализа.

Далее мы переходим к анализу полемических материалов в «Тан» с точки зрения присутствия в тексте публикаций тезисов, транслирующих либеральные идеи. Всего для анализа было выбрано 183 полемических материала «Тан», появившихся в печати с 2007 по 2010 г. В данной таблице приведены не все примеры, а основные, самые показательные и интересные для раскрытия темы.

В левой колонке представлены кратко сформулированные тезисы, в правой объясняется, как они связаны с либеральным мировоззрением. К тексту левой колонки даются сноски на одну из статей, где встречается данный тезис, при этом в большинстве случаев та же идея в той или иной форме повторяется в других публикациях на схожую тематику.

Полемические материалы, транслирующие либеральные идеи (по материалам газеты «Тан»)

Тезис	Комментарий
Необходимо снять запрет на распространение легких наркотиков (марихуаны)[2]	За легализацию наркотиков выступают многие либеральные партии во всем мире, в частности, известным пропагандистом легализации является основатель фонда Сороса Джордж Сорос, вложивший не менее 15 млн долл. в Фонд политики в области сильнодействующих лекарственных средств (DPF), деятельность которого заключается в борьбе за разрешение наркотиков. Другие примеры либеральных движений, выступающих за легализацию: Партия либеральных демократов Великобритании, Христианско-демократический призыв Голландии, Либеральная партия Дании. Кроме того, значительная часть демократического электората в США поддерживает идею легализации легких наркотиков для индивидуального потребления[3]
Инициатива по запрещению минаретов нетолерантна, так как ущемляет права религиозного меньшинства[4]	«Многие либеральные идеи отталкиваются именно от защиты прав меньшинств»[5], — считает польский и британский историк и политолог, профессор европейской истории Оксфордского университета Ян Зелонка, специалист по истории идеологий. Как известно, государственный строй, к которому стремятся либералы, — либеральная демократия, при которой воля большинства и способность избранных представителей осуществлять власть ограничены во имя защиты прав меньшинства и свобод отдельных граждан[6]. Критики либерализма, однако, считают, что защита прав меньшинств осуществляется в интересах правящих элит и людей, контролирующих финансовые потоки, с целью обеспечить себе лояльный электорат за счет маргинальных слоев общества

[2] *Müller* D. Loi sur les stupéfiants: les quatre piliers de la sagesse. 2008. 19 nov. http://www.letemps.ch

[3] *Молчанов С.М.* Политические партии США на современном этапе. 2009. http://zhurnal.lib.ru/m/molchanov_s_m/uspoliticalpartiesatpresent.shtml

[4] *Grisel E.* Les minarets et le droit international. 2009. 26 juin. http://www.letemps.ch

[5] *Зелонка Я.* Во всем мира либералы не во власти // Русский журнал. 2009. 25 июня. http://www.russ.ru

[6] *Przeworski A., Limongi F.* Modernization: Theories and Facts // World Politics 1997. Vol. 49. N 2. P. 155.

Продолжение таблицы

Тезис	Комментарий
Швейцарцы проголосовали за запрещение минаретов, так как возобладала не рациональная логика, а эмоции, что неправильно[7]	Философским основанием доктрины либерализма является позитивизм, продолжающий традицию рационализма эпохи Просвещения и близкий прагматизму. В этой философской парадигме утверждается примат разума (рацио) над нематериальной сферой или субстанцией. Так, у Декарта разум — это способность правильно судить и отличать истинное от ложного. Европейская цивилизация построена на римском праве и рассудочном подходе, где интеллектуальная деятельность является ведущим двигателем общества, а экономический прогресс — задачей его развития. Наука превозносится в ущерб философии и другим формам духовной деятельности[8]. Расхождение в ценностях является краеугольным камнем для либералов и представителей левых и правых партий и движений
Неполиткорректные темы должны стать табу в приличном обществе, считает колумнист «Тан» Сильвэн Рош[9]	Политическая корректность является практикой прямого или опосредованного запрета на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определенных, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т.п. [Ellis, 2004]. Идея политкорректности находит поддержку у левых и либеральных политиков и вызывает возражение в консервативных и религиозных кругах, а также в националистических, шовинистических ультраправых организациях
Государственный советник от Либерал-радикальной партии Дидье Буркхальтер считает, что государство должно адаптировать свои решения к экономической реальности (когда речь идет о мерах по преодолению кризиса)[10]	В Европе понятие либерализма связано с классическими теориями английских политэкономов, в которых развивалась мысль о невмешательстве государства в экономику. Классический либерализм выступает за развитие личной инициативы индивидов, свободу торговли, свободное ценообразование и оплату труда, которые образуются в процессе конкуренции между товаропроизводителями на рынке

[7] *Lathion S.* Les minarets de la discorde: un résultat salutaire? 2009. 1 décembre. http://www.letemps.ch

[8] «Модель религиозного либерализма, в котором роль общественного или морального регулятора играют Божественные установки, невозможна, это несовместимые вещи. Либералы никогда не согласятся на то, чтобы религиозный орган определял правила, по которым будет жить общество» (*Зелонка Я.* Указ. соч.).

[9] *Roche S.* La politesse ne justifie pas la lâcheté. 2009. 26 février. http://www.letemps.ch

[10] *Burkhalter D.* Une vision d'ensemble de la crise. 2009. 25 mars. http://www.letemps.ch

Продолжение таблицы

Тезис	Комментарий
Новые технологии должны создаваться с учетом потребности в экономии электроэнергии[11]	Одна из задач либеральной экономики — организовать эффективное использование природных богатств. Формально нефть, газ, земля не принадлежат частным предприятиям, но являются собственностью народа, которую бизнес берет в аренду. Поэтому общественность выражает озабоченность последствиями функционирования глобальной экономики, в частности, экологический баланс уже несколько десятилетий является проблемной точкой дискуссий о потреблении энергии. Изначально снизить потребление энергии в мировом масштабе призывали левые и экологические движения, но сегодня популярность данной темы привела к тому, что практически все партии признают важность защиты окружающей среды. В частности, «надежда неолиберализма» Барак Обама на протяжении своей избирательной кампании также призывал предприятия к снижению потребления электроэнергии
Возвращение этатизма как мера борьбы с кризисом опасно для экономики[12]	Этатизм — политика активного вмешательства государства во все сферы государственной и частной жизни [Коновалов, 2001, с. 263]. Концепция этатизма прямо противоположна тезисам либерализма как идеологии (минимальное вмешательство государства в экономику, функционирующую по принципам свободного рынка и конкуренции)
Представители правых движений называются «ксенофобами» и «популистами»[13] — в том числе в заголовках[14] («Ислам-	Авторы «Тан», выступая против инициативы по запрещению строительства минаретов, выдвинутой правыми партиями, используют в качестве характеристики этого предложения

[11] *Piguet C.* Les technologies de l'information devraient réduire leur besoin d'énergie. 2009. 16 avril. http://www.letemps.ch

[12] *Garçon F.* Au secours, l'Etat revient! 2009. 19 janvier. http://www.letemps.ch

[13] *Modoux F.* Aux racines du populisme européen. 2010. 16 octobre. http://www.letemps.ch

[14] То, что авторы убеждающих материалов предпочитают прямые, бесхитростные заголовки, говорит, на наш взгляд, о том, что они избегают форм изложения, которые можно счесть манипулятивными. Это не значит, что авторы не склонны к приемам субъективно-эмоционального убеждения, но они предпочитают действовать открыто и заявлять свою позицию, которая зачастую подается как «беспристрастная». Это подтверждает наш тезис, что приемы манипулирования себя дискредитировали, и автор не достигнет своей цели, если у читателя создастся впечатление, что им пытаются манипулировать. Открытое заявление позиции (*prise de position*) снимает ответственность с редакции за содержание материала, так как полную ответственность за высказанные идеи несет автор и никто иной.

Окончание таблицы

Тезис	Комментарий
ские стереотипы стойки»; «Минареты: за инициативой UDC скрывается болезнь»; «Холодный разум популистов»). Применительно к «Движению Граждан Женевы» (правая организация) употребляются, в основном, характеристики, выраженные прилагательными с негативной смысловой коннотацией, такие как «агрессивный», «бушующий», «грубый» (о тоне деклараций), «скользкий» (дорога, выбранная «ДГЖ»), «упрощенный»	как прилагательное «популистский», так и «народный» (во французском языке слова “populiste” и “populaire” имеют один корень). Очевидно, что мы имеем дело с эвфемизмом, который, однако, никого не может ввести в заблуждение, так как смысл этой замены весьма прозрачен и очевиден любому читателю. В целом, издание-рупор либеральной идеологии формирует крайне негативный образ политических оппонентов, что влияет на выбор манеры освещения газетой политически значимых событий (как, например, выборы в Федеральный Совет 11 октября 2009 г., на которых неожиданно хороший результат получило «ГДЖ» с 15% голосов)

Согласно концепциям А.Г. Бочарова, В.И. Здоровеги, Д.М. Прилюка, а также Л.А. Кропотова и Г.В. Лазутиной [Лазутина, 2001], публицистика (а каждая из статей, выбранных для анализа, является публицистической) — особый вид деятельности, предназначенный для выражения собственного мнения по актуальным и общественно значимым вопросам и служащий, помимо прочего, средством привлечения сторонников. Анализ данных полемических материалов показал, что автор при помощи аргументов доказывает правильность своей точки зрения, а также — в ряде случаев — побуждает аудиторию к определенному действию («За голосование по Интернету» (29.05.2007)[15], «Да свободному перемещению» (13.01.2009), «Минареты — нет непоправимому оскорблению!» (21.11.2009), чаще всего — в период развертывания информационной кампании по голосованию на очередном референдуме (Швейцария является страной так называемой «прямой демократии», где важнейшие вопросы, такие, как внесения изменений в Конституцию, голосуются по инициативе партий и общественных движений на референдумах). В некоторых случаях партийная принадлежность автора явствует из его подписи (например, Люк Бартасса, национальный советник от Демократической христианской партии Швейцарии в кантоне Женева; Эмили Фляман, депутат от Партии зеленых в Большом совете кантона Женева; Ги Меттан, депутат от Демократической христианской партии в Большом совете кантона Женева), но в подавляющем большинстве материалов автор является либо журналистом «Тан», либо приглашенным экспертом (Оливье

[15] Все материалы взяты с официального сайта газеты «Тан». 2007—2010. http://www.letemps.ch/

Мевли, политолог; Франсуа Гарсон, доцент университета Париж-1 — Сорбонна; Ян Крепелка, научный сотрудник института Константен де Ребек), иногда — представителем фирмы или предприятия (Эрве Претр, «Кредит Суисс»).

Анализ материалов «Тан» наглядно демонстрирует примеры популяризации либерального мировоззрения на страницах издания. Мы считаем, что в строго научном смысле этот процесс не является пропагандой, так как выражение мнения, расходящегося с либеральным, возможно на страницах газеты. Однако носители либерального мировоззрения наиболее активно представляют свою позицию в издании. Кроме того, авторы «Тан» создают негативный образ оппонентов либеральных идей в информационных материалах, выстраивая дискурс при помощи мнений экспертов, что призвано создать видимость «неангажированности» материала («Женева, география популистской фронды», 14.10.2009). Газета освещает события с позитивным отношением к европейской интеграции и во многом солидаризируется с Евросоюзом.

Из наших комментариев к наиболее отчетливо звучащим в статьях «Тан» либеральным тезисам следует, что столкновение идеологий является основой и подтекстом полемики в «Тан». Повестка дня каждый раз формируется под влиянием аргументов различных действующих лиц публичного дискурса, наиболее острые столкновения между которыми обусловлены различиями идеологии и мировоззрения. Эти различия касаются наиболее фундаментальных понятий, которые все время фигурируют в дискурсе сторон, таких, как «демократия», «ценности», «идентичность», «национальная безопасность» и др. Выбрав для высказывания своих суждений медийную площадку, стороны преследуют цель убеждения аудитории в своей правоте, что влияет на специфику полемики. Именно роль «аудитории-свидетеля» (термин швейцарского исследователя У. Виндиша) оказывается решающей в процессе борьбы за «определение ситуации», где стороны демонстрируют преимущества своей идеологии, применяя в полемике различные приемы аргументации для навязывания своей интерпретации не просто отдельной ситуации, фактов или явлений, но и определяющих фундаментальных понятий, таких, как «защита демократии» или «путь прогресса».

Конкретно борьба за «определение ситуации» проявляется в том, что стороны пытаются наполнить понятия, однозначно считающиеся краеугольными вопросами в общественном сознании, смыслом, подтверждающим правоту защищаемой ими концепции. В медийном пространстве современного постиндустриального общества, по замечанию Г. Маркузе, слова и понятия публичного дискурса «утрачивают всякое содержание, кроме обозначаемого словом в его публичном и стандартизированном употреблении» [Маркузе, 2009, с. 125]. Это значит, что аргументы сторон направ-

лены на убеждение аудитории в том, что истинные сторонники «позитивных» ценностей как либеральных, так и национальных, — это именно данная сторона, а не ее оппоненты. Каждый из участников полемики стремится убедить аудиторию в том, что истинная демократия, истинный патриотизм или истинная экономическая целесообразность заключаются в поддержке их позиции, т.е. имеется тенденция к идеологизации понятийного пространства общественной дискуссии, что является, на наш взгляд, одной из ярких черт медийной дискуссии в современных европейских демократиях.

Само введение в пространство публичной дискуссии таких понятий, как «политкорректность», «толерантность» — свидетельство влиятельности либеральной идеологии в медийном пространстве обсуждения. При этом аксиомы либерализма (такие, как «Сильная роль государства тормозит развитие свободной экономики») преподносятся как общеизвестные, а значит, доказавшие свою справедливость (апелляция к коллективному опыту). Интерактивность полемических текстов обусловливает нацеленность на опровержение доводов оппонента, чем объясняется то, что большинство материалов используют арсенал приемов конфликтной аргументации, в том числе «магически-ритуальные формулы» (термин Г. Маркузе), такие как «табу в приличном обществе», «преобладание эмоций» (с негативной коннотацией). Авторы-полемисты, проводящие в своих материалах либеральные идеи, стремятся к формированию *герметичного* восприятия этих и иных понятий [там же, с. 127] таким образом, чтобы при их упоминании всплывал специфический и ограниченный набор свойств (экономия электроэнергии — общественное благо, задача ответственного члена общества, мера, направленная на защиту окружающей среды).

Этот анализ также позволяет прийти к заключению, что полемика в «Тан» всегда *полифонична*, такие понятия, как «демократия», «терпимость», «национальные ценности» могут наполняться разным смыслом в зависимости от цели сообщения. Каждая из сторон, используя свою систему аргументации, способна убедить общественность в своей правоте.

Представители либерального мировоззрения апеллируют к исторически сложившимся постулатам либеральной доктрины, к философским и экономическим основам современного европейского общества, пробуждая в сознании аудитории глубинные пласты подсознательных ассоциаций. Таким образом, конкретные понятия и факты, служащие предметом для полемики, помещаются в особый идейный контекст, где они уже не рассматриваются сами по себе, а являются частью сложной системы цельного мировоззрения, подчиненного либеральной доктрине.

Список литературы

Ивин А.А. Риторика. Искусство убеждать. М., 2002.

Лазутина Г.В. Основы творческой деятельности журналиста. М., 2001.

Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2009.

Пронина Е.Е. Психология журналистики. М., 2002.

Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996.

Сарна А.Я. Анализ дискурса // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2000.

Ушанов П.В. Взаимовлияние либеральной периодической печати и либеральной идеологии в России в конце XX — начале XXI века: Дисс. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2004.

Ellis F. Political correctness and the theoretical struggle. Auckland, 2004.

Laski, H.J. The Rise of European Liberalism. L., 1936.

Lordon F. Capitalisme, désir et servitude. Marx et Spinoza. Paris, 2010

Windisch U. Le K.-O. verbal. La communication conflictuelle. Lausanne, 2007.

Поступила в редакцию
12.01.2011

О.В. Штыркина, аспирантка кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: olga_shtyrkina@mail.ru

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКАЯ МЕДИАПОЛИТИКА В ГЕРМАНИИ В 1933—1945 гг.

Статья посвящена развитию немецкой прессы в период господства НСДАП. Автор анализирует методы национал-социалистской медиаполитики и изменения газетного ландшафта в Германии, связанные с падением тиражей и сокращением числа изданий. Основная цель, которую преследует автор статьи, — показать, как и какими методами политика в отношении СМИ и в частности постановления Аманна 1935 г. повлияли на систему немецкой прессы в указанный период.

Ключевые слова: *медиаполитика, пресса, падение тиражей, концентрация.*

The article is devoted on the development of the print media in fascist Germany. The author analyses the development of the system of the press, the circulation and the number of the titles, the technique of fascist media policy. The main goal of the analysis is to determine how this policy and especially Amann's Resolutions 1935 influenced on the system of the press in the Third Reich.

Key words: *media policy, print media, decline of the circulations, concentration.*

Система печати в Третьем рейхе несомненно представляет особый интерес для медиаисследований, несмотря на десятилетия, прошедшие с момента свержения национал-социалистского режима. Это обусловлено, прежде всего, тем, что меры экономического, политического и законодательного давления, подчинившие структуру немецких СМИ правящему аппарату в процессе принудительной концентрации печатных изданий и закрытии газет иного политического толка, не изжиты и в наше время. Приемы давления на средства массовой информации применяются и в так называемых демократических обществах начала XXI в., причем многие из них закреплены законодательным путем.

Преобразования в медийной сфере нацистской Германии подробно изучены исследователями как в России, так и в Германии. Тем не менее, сделанные ими выводы не всегда могут быть подкреплены достаточным количеством данных. В частности, многие сведения в отношении тиражной политики нацистского правительства не сохранились. В связи с этим большой интерес для исследователей представляют сведения, обнаруженные автором в ходе работы в Российском государственном военном архиве. Прежде всего, имеются в виду фонды, содержащие документы Мини-

стерства народного просвещения и пропаганды, а также партийные архивы НСДАП, перемещенные в ходе Второй мировой войны.

В документах Управления пропаганды НСДАП автором статьи был найден отпечатанный на машинке документ, датированный периодом после 1935 г., без указания авторства ввиду отсутствия первой страницы. Он содержит подробные данные о динамике тиражей немецких газет первой половины 30-х гг. XX в., отдельные факты о действиях нацистского правительства и собственные наблюдения автора рукописи. Основное содержание документа составляют данные по тиражам и политике правительства в отношении газет, не принадлежащих к нацистским изданиям. Последние страницы рукописи, посвященные изданиям НСДАП, отсутствуют.

Общий тон сочинения и приведенные в нем данные позволяют говорить о резко негативном отношении автора к нацистскому правительству, а также предположить худшее о его судьбе, учитывая, что собранные им факты не использованы ни немецкими, ни тем более русскими учеными, а сама рукопись оказалась в архиве НСДАП. Поэтому обнаруженные сведения особенно ценны для нас и позволяют подтвердить или опровергнуть те выводы, которые были сделаны исследователями СМИ в Третьем рейхе на основании имеющихся в их распоряжении данных.

Преследование неугодных: методы национал-социалистской медиаполитики

С приходом нацистов к власти по результатам выборов в рейхстаг 1933 г. стали проводиться решительные меры в отношении СМИ. Политика национал-социалистского правительства в области печатных средств массовой информации шла по двум основным путям: контроль над редакциями с использованием методов политического давления и экономический контроль через палату по делам прессы Министерства народного просвещения и пропаганды, причем на местном уровне палата была представлена 31 региональным отделением.

Система печати в Третьем рейхе складывалась в условиях подавления прессы, особенно социал-демократической и коммунистической после поджога Рейхстага в 1933 г., подчинения буржуазной демократической прессы и поддержки национал-социалистских изданий всеми возможными средствами. Процесс принудительного объединения происходил с помощью политических, экономических, законодательных и силовых методов воздействия. Законы и постановления 1930-х гг. были призваны закрепить и оправдать предпринимаемые меры.

Посягательство на свободу прессы подкреплялось законодательными актами, принятыми еще до прихода нацистов к власти. В частности, оно основывалось на чрезвычайных распоряжениях согласно ст. 48 Конституции Веймарской республики[1]. Распоряжения «О защите немецкого народа» от 04.02.33 г. и о «Защите народа и государства» от 28.02.33 г. разрешали властям применять меры вплоть до закрытия к изданиям, содержание которых найдено неприемлемым и угрожает «общественной безопасности и порядку» [Вороненкова, 1999, с. 293], что фактически отменяло свободу прессы и мнений.

Преобразование Союза газетно-журнальных издателей в ведомство, подотчетное рейхсляйтеру по делам прессы в 1934 г., стало еще одним важным шагом на пути подчинения СМИ. Кроме того, с 1935 г. любой журналист обязательно должен был быть членом НСДАП — и это было замечательным «ситом», которое не допускало неугодных к такому важному делу, как забота об общественном мнении.

Жертвами запретительных мер в отношении социал-демократической и коммунистической прессы стали более 200 газет СДПГ и 35 изданий КПГ общим тиражом более 2 млн экз. [Frei, Schmitz, 1989, s. 22]. Общая стоимость более 100 экспроприированных издательств СДПГ составила около 40 млн марок. Закон «О конфискации коммунистических активов» от 28.05.33 г. легализовал покушения на издания коммунистической партии, а его редакция от 14.07.33 г. с дополнением об «антинародных и антигосударственных активах» была нацелена на прессу, запрещенную наряду с остальными социал-демократическими партиями.

Все эти меры, принятые в первой половине 1933 г., послужили беспрецедентному изменению газетного ландшафта Германии в рекордно короткие сроки. Типографии неугодных газет переходили во владение национал-социалистских издательств «по закону революционного времени», без каких-либо правовых постановлений. Многие крупные предприятия, такие, как книжное издательство «Форвертс»[2] (Vorwärts — «Вперед») были расформированы, а

[1] Конституция Германской империи (11 февраля 1919 г.). Ст. 48 «Если в пределах Германской империи серьезно нарушены общественная безопасность и порядок или если грозит серьезная опасность такого нарушения, то президент империи может принимать меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, в случае надобности с помощью вооруженной силы. С этой целью он может временно приостанавливать полностью или частично гарантии основных прав, данные ст. 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153». Ст. 114 гарантировала свободу личности, ст. 115 — неприкосновенность жилища, ст. 117 — тайну переписки, ст. 118 — свободу выражения мнения, ст. 123 — свободу собраний, ст. 124 — право создавать союзы и объединения, ст. 153 — право собственности.

[2] Газета «Форвертс» (Vorwärts — «Вперед») — центральный орган Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в 1876—1878 и 1891—1933 гг. Первоначально издавалась в Лейпциге, с 1891 г. — в Берлине (ежедневно).

их средства бесконтрольно растрачены. Закрыты были также такие весомые издания, как «Фоссише цайтунг»[3] (Vossische Zeitung — «Газета Фосса») дома «Ульштайн»[4] (Ullstein), «Лейпцигер цайтунг» (Leipziger Zeitung — «Лейпцигская газета»), «Берлин ам морген» (Berlin am Morgen — «Утренний Берлин»), «Темпо» (Tempo — «Темп»), ганноверская «Дер фольксвилле» (Der Volkswille — «Народная воля») [Wulf, 1989, s. 23].

Меры, предпринятые в отношении буржуазно-демократической прессы, были не менее решительными. Для оправдания своих действий нацисты пользовались самыми незначительными поводами. Так, согласно фактам, приведенным в найденной автором в ходе работы в РГВА рукописи, издатель «Гамбургер фремденблатт» (Hamburger Fremdenblatt — «Гамбургский иностранный листок») сократил при публикации доклад по масонам, что послужило поводом обвинить его в «преступлениях против партии и государства» и отнять издательство[5]. Поводом к запрещению берлинской евангелической газеты «Райхсботе» (Reichsbote — «Имперский вестник») послужила публикация отчета о положении церкви в Тюрингии. А арест наборщиков и корректоров газеты «Эссенер альгемайне цайтунг» (Essener Allgemeine Zeitung — «Эссенская всеобщая газета») был проведен из-за пропущенного «не» в публикации речи Германа Геринга[6] в Нюрнберге[7].

---

[3] Газета «Фоссише цайтунг» (Vossische Zeitung — «Газета Фосса») выходила в Берлине с 1722 г. под названием «Берлинише привилигирте цайтунг» (Berlinische Priveligierte Zeitung — «Берлинская привилегированная газета»); в 1751 г. была куплена Кристианом Фридрихом Фоссом (1724—1795 гг.) и до 1935 г. выходила уже под названием «Фоссише цайтунг». В народе имела название «Танте Фосс» (Tante Voss — «Тетушка Фосс»).

[4] Издательский дом «Ульштайн» (Ullstein) — один из крупнейших газетных концернов в Европе, основанный Леопольдом Ульштайном (1826—1899). В 1848 г. Ульштайн открыл в Берлине писчебумажный магазин, в 1877 г. купил газету «Нойе берлинер тагеблатт» (Neue Berliner Tageblatt — «Новый берлинский ежедневный листок»), а в 1878 г. — «Берлинер цайтунг» (Berliner Zeitung — «Берлинская газета»). В 1898 г. дом «Ульштайн» основал «Берлинер моргенпост» (Berliner Morgenpost — «Берлинская утренняя почта»), которая стала самой многотиражной немецкой газетой своего времени. В 1934 г. дом «Ульштайн» был выставлен национал-социалистами на торги и переименован в «Дойчер ферлаг» (Deutscher Verlag — «Немецкое издательство»).

[5] РГВА. Ф. 519. Оп. 4. № 37. Л. 2.

[6] Геринг Герман Вильгельм (1893—1946) — один из главных военных преступников нацистской Германии, летчик, ветеран Первой мировой войны, член НСДАП с 1922 г., руководитель штурмовых отрядов СА, политический уполномоченный Гитлера с 1930 г., главнокомандующий ВВС нацистской Германии с 1935 г., глава промышленного концерна «Геринг» с 1937 г., рейхсмаршал с 1940 г. Приговорен к смертной казни на Нюрнбергском процессе, перед казнью покончил жизнь самоубийством

[7] РГВА. Ф. 519. Оп. 4. № 37. Л. 3.

Одним из экономических методов давления на неугодную прессу стали ограничения, связанные с публикацией рекламы. В это же время нацистские издания получали всяческую поддержку от государства, в том числе при помощи широких рекламных акций. Начиная с 1934 г. правительство организовывало Недели нацистской прессы, в которых принимали участие члены СА, СС и НСМК[8]. В 1936 г. такая неделя состоялась в Берлине, по улицам которого маршем в одно из воскресений прошли 500 человек, а среди жителей было бесплатно распространено более 150 тыс. экз. нацистских газет. Акция сопровождалась рекламными плакатами с лозунгом «С “Атакой” и “ФБ” за идеи Гитлера» (газеты «Атака» (Der Angriff) и «Фёлькишер Беобахтер» (Völkischer Beobachter), сокращенно «ФБ», — официальные издания НСДАП).

Если говорить о политических и законодательных методах, то сотрудники государственных организаций в приказном порядке должны были выписывать нацистскую прессу. 11.12.1935 г. в свет вышел циркуляр министра внутренних дел, в котором всех чиновников обязали читать издания НСДАП. Согласно инструкции имперского почтового министерства почтовые отделения на местах должны были всячески способствовать рекламе и дальнейшему распространению национал-социалистской прессы, а их работники — также читать эти издания лично[9].

Особой поддержки удостоился «Фёлькишер беобахтер» («Народный обозреватель»), основанный в 1887 г. под названием «Мюнхнер беобахтер» (Münchner Beobachter — «Мюнхенский обозреватель»), который в 1920 г. был куплен и переименован членами Немецкой рабочей партии Дитрихом Эккартом[10] и Эрнстом Рёмом[11]. С 1923 г. «ФБ» выходил с подзаголовком «Кампфблатт дер националсоциалистишен бевегунг» (Kampfblatt der nationalsozialistischen Bewegung Großdeutschlands — «Боевой листок национал-социалистского движения Великой Германии») и до последних дней Третьего рейха, как уже было сказано выше, являлся официальным печатным изданием НСДАП.

---

[8] Национал-социалистский механизированный корпус (NSKK) — организация, возникшая в 1931 г. как преемник Национал-социалистского автомобильного корпуса. НСМК просуществовал до 1945 г. и осуществлял контроль за использованием авто- и мототранспорта, способствовал развитию автомобилизма, пропаганде автомобильного туризма, организации спортивных соревнований, полиции в патрулировании дорог и распространению идей нацизма.

[9] РГВА. Ф. 519. Оп. 4. № 37. Л. 4.

[10] Эккарт Дитрих (1868—1923), поэт, журналист, участник и член Комитета Немецкой рабочей партии с 1919 г., соредактор «Фёлькишер беобахтер» с 1920 по 1922 г.

[11] Рём Эрнст Юлиус (1887—1934), ветеран Первой мировой войны, член НСДАП с 1920 г., руководитель штурмовых отрядов СА с 1931 г.

В соответствии с этим «ФБ» считался официальным изданием всех органов власти, которые соответственно должны были его выписывать. Всем ведомствам и бюджетным предприятиям предписывалось публиковать свои официальные, подлежащие обнародованию сообщения именно в «Фёлькишер беобахтер». Открытая поддержка нацистской прессы со стороны власти доходила до того, что в ноябре 1935 г. президент имперской палаты печати издал распоряжение, согласно которому вечерние газеты не должны были продаваться раньше определенного времени, что давало фору в один час газете «Дер ангрифф».

Открытая поддержка правительства в отношении основных нацистских изданий привела к тому, что в характерной для Германии региональной структуре прессы наметилась явная тенденция к централизации, обычная для медиаполитики всех административно-командных систем. «Фёлькишер беобахтер» фактически стал надрегиональным изданием, доводившим до сведения населения все основные решения правительства и официальную позицию по всем вопросам тогдашней повестки дня.

Распоряжения Аманна 1935 г.: пути концентрации прессы в руках НСДАП

Политические инструменты давления на периодику находились в ведении рейхсляйтера по делам прессы Макса Аманна[12], который занимал еще должности президента Имперской палаты печати, директора Центрального издательства НСДАП и председателя Немецкого союза газетных издателей. 24 апреля 1935 г. увидели свет «Распоряжения для обеспечения независимости газетных издателей», известные как «распоряжения Аманна». Поскольку роль этих распоряжений в коренном преобразовании системы печати в Германии чрезвычайно велика, повторимся, кратко перечислив их основные пункты.

В частности, они гласили, что отныне редакторы должны были доказывать свое арийское происхождение и происхождение супруга(и) до 1800 г., состоять в НСДАП или владеть определенной собственностью. Соблюдение этих условий во многом приравнивало их к чиновникам. Отменялось право владеть издательством анонимно. Общества с ограниченной ответственностью, коммандитные товарищества, кооперативы, общественно-правовые кор-

[12] Аманн Макс (1891—1957) — управляющий делами НСДАП с 1921 г., директор Центрального издательства НСДАП «Эер ферлаг» (Zentralverlag der NSDAP, Franz Eher Nachfolger GmbH) с 1922 г., рейхсляйтер с 1932 г., председатель Немецкого союза газетных издателей и президент Имперской палаты печати с 1933 г., обергруппенфюрер СС с 1934 г.

порации, а также конфессиональные, профессиональные и другие объединения лишались права издавать газеты. Запрещались субсидии, в том числе так называемые скрытые, к которым приравнивались сборы по подписке. В населенных пунктах, где существование нескольких изданий создавало «нездоровую конкурентную среду», издатели могли быть принуждены к слиянию независимо от их согласия. Запрещалась конфессиональная и скандальная пресса, причем оговаривалось, что все эти меры не касаются национал-социалистской прессы.

Практическое применение постановления, касающегося нездоровой конкуренции в населенных пунктах с несколькими издававшимися там изданиями, было поставлено на широкие рельсы. Фактически механизм был таков: НСДАП (с санкции рейхсляйтера по делам прессы Аманна) открывало в городе или поселке нацистскую газету. Поскольку там уже выходило одно или несколько других изданий, ситуация трактовалась как вызывающая нездоровую конкуренцию. Германский союз газетных издателей (председатель — Аманн) докладывал о таком положении дел президенту Имперской палаты печати (Аманну). Следующее за этим постановление палаты печати предписывало закрыть или принудительно объединить с нацистской «лишние» газеты.

Так, согласно обнаруженным в РГВА данным, в марте 1935 г., до выхода вышеупомянутых постановлений, национал-социалистское гау-издательство[13] «Байерише Остмарк ГмбХ» (“Bayerische Ostmark GmbH” — «ООО Баварская восточная марка») владело 17 газетами и районными изданиями. Год спустя их насчитывалось уже тридцать[14]. В Померании за тот же период национал-социалистское «Поммерше Цайтунгсферлаг» (Pommersche Zeitungsverlag — «Померанское газетное издательство») увеличило свою собственность на 13 газет[15]. В некоторых случаях на страницах изданий даже не появлялось комментария произошедшим изменениям. Так, например, читатели «Кетенер тагеблатт» (Köthener Tageblatt — «Кетенский ежедевный листок») стали получать вместо нее национал-социалистскую «Моргенцайтунг» (Morgenzeitung — «Утренняя газета») без всяких объяснений со стороны редакции.

Таким образом, правительство стремилось провести «тихий» захват ненацистских изданий, надеясь, что читатели останутся с новой редакцией и будут воспринимать материалы уже иного поли-

[13] Гау (Gau) — партийные области, на которые в территориальной структуре НСДАП была поделена Германия. Структура НСДАП изначально строилась по территориальному принципу, делившему страну на 33 области, количество которых было увеличено до 43 в 1941 г. плюс зарубежная организация НСДАП (NSDAP-Auslandsorganisation), приравненная в правах и обязанностях к гау.

[14] РГВА. Ф. 519. Оп. 4. № 37. Л. 8.

[15] Там же.

тического толка. Однако же, согласно имеющимся данным, во многих случаях такие надежды не оправдались. И результатом национал-социалистской политики в отношении прессы стало снижение количества газет, падение тиражей и, по понятным причинам, возрастание доли нацистской прессы в общем тираже газет.

В использованной автором рукописи приведены данные выходивших до 1933 г. справочников «Рудольф Моссе цайтунгскаталог» (Rudolf Mosse Zeitungskatalog — «Газетный каталог Рудольфа Моссе»), «Шперлингс цайтшрифтен унд цайтунгскаталог» (Sperlings Zeitschriften und Zeitungskatalog — «Журнальный и газетный каталог Шперлинга»), «Цайтунгскаталог дес фербандес дойчер аннонсен-экспидиционен» (Zeitungskatalog des Verbandes deutscher Annoncen-Expeditionen — «Газетный каталог Союза немецких служб распространения рекламы») и издававшегося после 1933 г. «Каталога Имперского союза немецких распространителей рекламы». Согласно этим цифрам, динамика числа газет в 29 регионах Германии начиная с 1918 по 1935 гг. выглядит следующим образом[16]:

Таблица 1

Динамика числа издававшихся в Германии газет с 1914 по 1935 гг. (по 29 регионам Германии)

Период (год)	Число газет (тыс.)
1914	4200
1918	2938
1920	3500
1925	3152
1928	3356
1930	3363
1932	3426
1934	3245
3-й квартал 1935	2488

Из табл. 1 следует, что количество выходивших в Германии газет после вступления в силу постановлений Аманна оказалось даже более низким, чем в 1918 г., т.е. сразу после Первой мировой войны. При этом сокращение числа газет в конце 1935 г. по сравнению с 1932-м, до прихода НСДАП к власти, составило 27% (или более

[16] Там же. Л. 11.

900 изданий). Таким образом, газетный рынок потерял более четверти изданий, что явилось сильным ударом по печати в общегосударственном масштабе.

Обнаруженные в архиве сведения позволяют судить об изменении числа газет в 29 регионах Германии с 1932 по 1935 гг. Приведем статистику по 18 наиболее неблагополучным в этом отношении регионам[17]:

Таблица 2

Динамика числа издававшихся в Германии с 1932 по 1935 гг. газет по регионам[18]

Регион распространения	1932 г. (число изданий)	1935 г. (число изданий)	Падение по сравнению с 1932 г. (число изданий)
Баден	173	125	48
Бавария	413	333	80
Гессен-Дармштадт	105	78	27
Пруссия: Большой Берлин	110	56	54
Бранденбург	162	131	31
Ганновер	188	149	39
Гессен-Нассау	152	104	48
Восточная Пруссия	95	70	25
Померания	96	62	34
Рейнпровинц	264	164	100
Саар-Пфальц	89	60	29
Пров. Саксония	211	163	48
Нижняя Силезия	201	151	50
Верхняя Силезия	65	40	25
Вестфалия	205	125	80
Вольный город Заксен	245	207	38
Тюрингия	138	101	37
Вюртемберг	198	119	79

[17] Там же. Л. 11—12.

[18] Здесь и далее территориальное деление Германии представлено по состоянию на 30-е гг. XX в.

Итак, по имеющимся сведениям, в 29 регионах страны закрылось 938 изданий. Но, по мнению автора рукописи[19], фактическое падение числа газет в этот период составило не 938, а около 1500—1600 газет даже с учетом открытия в это время большого количества нацистских изданий.

Падение тиражей проследить сложнее в виду скудности данных. Некоторое представление об этом дают сведения по рассылке газет Имперской почтовой службы[20]. При этом стоит учитывать, что большая часть газет попадала в руки читателю, продаваясь в розницу.

Таблица 3

Данные имперской почтовой службы по газетной подписке на 1931—1935 гг.

Период	Число газет (млн экз.)
1.4.1931—31.3.1932	1827
1.4.1932—31.3.1933	1622
1.4.1933—31.3.1934	1476
1.4.1934—31.3.1935	1260
1.4.1935—31.12.1935	1260

Таким образом, распространенные по подписке в 1931—1932 гг. миллион восемьсот тыс. экз. газет превратились к 1935 г. в миллион двести тысяч. Тиражная политика нацистского правительства привела к существенному сокращению доходов от подписки и снижению числа читателей, что способствовало переходу газет под контроль правящей верхушки.

Показателем плачевного состояния газетного дела в Германии после прихода нацистов к власти также является сокращение оборота газетных издательств. Согласно постановлению состоявшегося в сентябре 1935 г. в Гейдельберге собрания членов Немецкого Союза книгопечатников, потери из-за закрытия и принудительного объединения газет и журналов составили более 100 млн марок. В сравнении с началом 1930-х гг. сокращение доходов выглядит еще более существенным, а именно с 526 млн в 1930 до 366 млн марок в 1934 гг.[21]

[19] РГВА. Ф. 519. Оп. 4. № 37.
[20] Там же. Л. 14.
[21] Там же.

Картина представленных изменений в тиражах и числе выходивших в Германии до и после издания постановлений Аманна газет не может быть едина для партийных изданий и для изданий, не являющихся таковыми. В этой связи изменение тиражей тех периодических изданий, которые не подвергались гонениям как принадлежащие нежелательным партиям либо не получали чрезмерного субсидирования в силу национал-социалистской ориентации, могут служить более наглядным примером того, как менялись экономическая ситуация и предпочтения публики.

Так, согласно опубликованной 26.03.1935 г. в газете «Франкфуртер цайтунг»[22] (“Frankfurter Zeitung” — «Франкфуртская газета») статистике Совета по рекламе немецкой экономики[23], в третьем квартале 1934 г. в Германии насчитывалась 41 газета с тиражом, превышающим 60 тыс. экз.[24] В 1935 г., после вступления в действие распоряжений Аманна, таких газет стало более чем на треть меньше — всего 37. Эффективность законодательного метода давления оказалась очевидна.

Соответственно общий тираж изданий сократился с 6105 тыс. экз. в 1934 г. до 4450 тыс. в 1935-м. Найденные данные в отношении 40 крупных непартийных изданий, количество которых составляло 1,6% всех издававшихся на территории Германии газет, а тираж при этом — 33,1% от общего тиража немецких газет, подтверждают печальную статистику. Приведем 16 наиболее показательных примеров по падению тиражей среди крупных непартийных газет Германии в период с 1932 по 1935 г.

---

[22] «Франкфуртер цайтунг» (Frankfurter Zeitung — «Франкфуртская газета») — качественная газета, которая была основана в 1856 г. под названием «Франкфуртер гешефтсберихт» (Frankfurter Geschäftsbericht — «Франкфуртская торговая корреспонденция») и в Третьем рейхе была призвана поддерживать имидж страны и вести пропаганду за рубежом. В 1943 г. была запрещена из-за публикации критической статьи о стоявшем у истоков НСДАП Дитрихе Эккарте. Заместитель главного редактора Эрих Вельтнер стал после войны одним из основателей «Франкфуртер аллгемайе цайтунг» (Frankfurter Allgemeine Zeitung — «Франкфуртская всеобщая газета»), увидевшей свет в ноябре 1949 г. (Zeitungszeugen. 1933—1945. Die Presse in der Zeit der Nationalsozialismus. 25.03.2010. № 58).

[23] Совет рекламы немецкой экономики (Werberat der deutschen Wirtschaft) — высшая инстанция в рекламной отрасли в годы национал-социализма, функционировавшая согласно принятому 12.09.1933 г. Закону о рыночной рекламе (Gesetz über Wirtschaftswerbung, сокр. WWG) (*Rücker M.* Wirtschaftswerbung unter dem Nationalsozialismus. Rechtliche Ausgestaltung und Tätigkeit des Werberats der deutschen Wirtschaft. Frankfurt am Main, 2000).

[24] РГВА. Ф. 519. Оп. 4. № 37. Л. 34.

Таблица 4

Динамика тиражей крупных непартийных газет в Германии с 1932 по 1935 гг.

Название	Населенный пункт	Тираж			
		1932 г., экз.	янв. 1934 г., экз.	3 квартал 1934 г., экз.	3 квартал 1935 г., экз.
Берлинер моргенпост	Берлин	454 730	337 700	360 164	402 332
Берлинер тагеблатт	Берлин	130 000	71 100	63 755	60 503
БЦ ам миттаг	Берлин	146 160	97 550	124 106	110 760
Бреслауэр нойесте нахрихтен	Бреслау	145 000	103 900	96 792	95 604
Дас цвельф-ур блатт	Берлин	120 000	54 600	78 397	75 166
Берлинер фолькcцайтунг	Берлин	60 000	103 900	118 133	165 797
Ахт-ур-абендблатт	Берлин	80 000	41 000	21 822	20 000
Дер миттаг	Дюссельдорф	100 000	44 350	45 573	44 795
Миттельдойчланд	Галле	100 000	80 220	70 425	55 469
Гамбург. фремденблатт	Гамбург	150 000	—	111 327	110 648
Ганноверишер куриер	Ганновер	53 380	26 810	22 417	21 815
Кенигсберг. тагеблатт	Кенигсберг	70 000	—	32 527	31 049
Лейпцигер ноейесте нахрихтен	Лейпциг	180 000	150 000	154 168	146 134
Нойер лейпцигер цайтунг	Лейпциг	100 000	81 000	73 908	69 770
Мюнхнер цайтунг	Мюнхен	105 473	81 340	82 475	70 254
Мюнхнер ноейс нахрихтен	Мюнхен	135 000	103 100	102 530	94 460

Уже в 1935 г. доля 40 крупных изданий снизилась и составила не более 27%[25] общего тиража, и 33 издания претерпели в 3-м квартале 1935 г. существенное падение тиражей по сравнению с 1932-м. Лишь 2 газеты — «Бреслауэр герихтсцайтунг» (Breslauer Gerichts-

[25] Там же.

zeitung — «Судебная газета Бреслау») и «Берлинер фолькскайтунг» (Berliner Volkszeitung — «Берлинская народная газета», сокр. «БФЦ»), прибавили в тираже по сравнению с донацистским периодом соответственно 2,5 тыс. экз. (+3%) и почти 86 тыс. экз. (+107%).

Такой рост тиража «БФЦ» связан со слиянием двух выходивших в Берлине газет НСДАП «Дер Ангрифф» (Der Angriff — «Атака») и «Дер Дойче» (Der Deutsche — «Немец»), вторая из которых при этом смогла сохранить лишь небольшую часть бывших читателей. Остальные же предпочли более дешевую «Берлинер фолькскайтунг». Но была ли дешевизна «Фолькскайтунг» основным фактором, который привлек читателей? Скорее всего, нет. Предпринятые нацистами меры не всегда оправдывались на практике: большая часть читателей «Дер дойче» отвернулась от газеты после ее перехода под руку НСДАП, и в тираже выиграла не нацистская «Дер Ангрифф», а нейтральная «БФЦ».

Тем не менее, общая тенденция говорит о глубоком кризисе на газетном рынке Германии того периода. Это подтверждается наиболее тяжелым падением тиражей, которое пережили столичная газета «Ахт-ур-абендблатт» (Acht-Uhr-Abendblatt — «Восьмичасовой вечерний листок») — 67%, за ней — «Ганноверишер куриер» (Hannoverischer Kurier — «Ганноверский курьер») с 58%, дюссельдорфский «Дер миттаг» (Der Mittag — «Полдень») с 55%, столичный «Берлинер тагеблатт» (Berliner Tageblatt — «Берлинский ежедневный листок») с 53% и выходившая в Галле газета «Миттельдойчланд» (Mitteldeutschland — «Средняя Германия») с 45%. Такое падение не может произойти вследствие одних только изменений рыночной коньюнктуры и обусловлено принудительной тиражной политикой нацистского правительства.

Газету «Берлинер моргенпост» (Berliner Morgenpost — «Берлинская утренняя почта»), которая раньше имела самый высокий тираж, опередил нацистский «Фёлькишер беобахтер». Тираж «Берлинер моргенпост» упал с 572 тыс. экз. в 1930 г. до 402 тыс. в третьем квартале 1935-го, в то время как «Фёлькишер беобахтер» (северогерманское и южногерманское издание вместе) увеличил свой тираж в два с половиной раза со 165 тыс. экз. до 420 тыс. Как уже было сказано выше, благодаря обязательной подписке и экономическим льготам, «ФБ» поднялся до уровня надрегионального издания, став прекрасным примером централизации прессы в тоталитарном обществе.

Интересно, что приведенные в рукописи сведения по тиражам зачастую не совпадают с уже известными данными, хотя и не опровергают, а подтверждают выводы исследователей. В частности, в книге Й. Вульфа «Пресса и вещание в Третьем рейхе» данные по некоторым из крупных изданий, хоть и несущественно, но отлича-

ются от указанных в табл. 4, поэтому для сравнения стоит привести и их:

Таблица 5

Динамика тиражей 5 крупных газет Германии до и после прихода НСДАП к власти
[Wulf, 1989, s. 39]

Название газеты	Тираж до прихода НСДАП к власти	Тираж в 1933 г.
Берлинер моргенпост	650 000	432 888
Берлинер тагеблатт	130 000	74 784
Фоссише цайтунг	80 000	49 770
БЦ ам миттаг	150 000	99 810
Локаль-анцайгер	300 000	130 193

Тенденции, с которыми столкнулась партийная пресса при осуществляемом нацистами процессе концентрации печати, были характерны и для крупных непартийных изданий. Поглощение районных газет и снижение числа провинциальных изданий лишь слегка замедлило падение тиражей крупных изданий. По понятным причинам падение общего тиража выходивших в Германии газет было наименее выражено в тех регионах, где процент нацистской прессы оказался наиболее высок.

Новое лицо немецкой прессы

Озвученная Максом Аманном в его выступлении на партийной съезде НСДАП в Нюрнберге в 1936 г.[26] позиция против существования трастов и концернов в газетной отрасли совершенно не совпадала с действиями национал-социалистского «Эер-ферлаг» (Eher-Verlag — «Издательство Эера»), занимавшегося скупкой и принудительным поглощением ранее независимых от НСДАП изданий. Кроме того, процесс сращивания проходил и между самими национал-социалистскими газетами. На региональном уровне это осуществлялось путем объединения «боевых листков» НСДАП в «гау-издательства» (“Gauverlage”) по территориальному принципу. Это явилось свидетельством введения четкой структуры печатных органов, что вкупе с концентрацией и централизацией указывало на основные черты характерной для тоталитарного государства медиаполитики.

Начавшаяся осенью 1933 г. кампания по присоединению ранее самого крупного немецкого издательства «Ульштайн» была завер-

[26] VIII Партийный съезд НСДАП в Нюрнберге состоялся в сентябре 1936 г. и вошел в историю как «Съезд чести» (Parteitag der Ehre)

шена к середине 1934 г. Оно перешло в руки находящегося под управлением «Дойче банк» (Deutsche Bank — «Немецкий банк») и «Дисконтогезельшафт» (Diskontogesellschaft — «Дисконтное общество») консорциума, за которым стояло все то же издательство «Эер-ферлаг». На рубеже 1934-1935 гг. в руки нацистов перешло и издательство Рудольфа Моссе[27] (Rudolf Mosse Verlag), причем от Министерства народного просвещения и пропаганды поступило указание не сообщать о сделке широкой общественности.

В июне 1936 г. список нацистских печатных изданий продолжило принадлежавшее ранее промышленному концерну Роберта Боша «Дойче ферлагсгезельшафт» (Deutsche Verlagsgesellschaft — «Немецкое издательское общество») вместе с издаваемой им крупной газетой «Нойер штуттгартер тагеблатт» (Neuer Stuttgarter Tageblatt — «Новый штуттгартский ежедневный листок»). Одной из мер сохранения читательской аудитории после попадания газет в руки нацистов являлось сохранение за изданиями старого названия. Особенно это было характерно для известных газетных брендов.

Если в начале 30-х гг., до прихода нацистов к власти, НСДАП по всей Германии принадлежало не более 100 газет, то к третьему кварталу 1935 г. это число возросло до 138 самостоятельных изданий и 205 региональных приложений[28]. Такой существенный рост — в два с половиной раза — всего за два года пребывания нацистов у власти говорит об интенсивности и эффективности их медиаполитики. Общий тираж этих периодических изданий по данным на октябрь 1935 г. составил более 3 млн 700 тыс экз, что составило более чем пятую часть общего тиража всех газет, выходивших в Германии[29].

Первые годы нацистского правления позволили осуществлять политику в области СМИ уже после 1935 г. еще более эффективно. По некоторым данным, во второй половине 1930-х гг. на долю издательства Эера, подконтрольного Максу Аманну, приходилось уже 80% общего тиража всех газет страны, что было достигнуто путем принудительного присоединения других концернов (Gerold Verlag GmbH («Герольд ферлаг гмбх»), Cura/Revisions- und Treuhand

---

[27] «Рудольф Моссе ферлаг» (Rudolf Mosse Verlag — «Издательство Рудольфа Моссе») — один из крупнейших газетных концернов, начавший свою историю с основанного в 1867 г. Рудольфом Моссе (1843—1920) рекламного бюро Annoncen-Expidition, занимавшегося изготовлением рекламной части газет. В 1872 г. Моссе основал издательский дом. К началу Первой мировой войны в рекламную империю Моссе входило более 100 газет, в том числе «Берлинер тагеблатт» (Berliner Tageblatt — «Берлинский ежедневный листок»), «Берлинер моргенцайтунг» (Berliner Morgen-Zeitung — «Берлинская утренняя газета»), «Берлинер фолькscайтунг» (Berliner Volkszeitung — «Берлинская народная газета») и др.

[28] РГВА. Ф. 519. Оп. 4. № 37. Л. 44.

[29] Там же.

GmbH («Кура/Ревизионс- унд тройханд гмбх»), VERA Verlagsanstalt GmbH («ВЕРА ферлагсанштальт гмбх») и др.).

Уже в течение первых нескольких лет после прихода нацистов к власти система печатных СМИ Германии претерпела серьезные изменения. Под рукой НСДАП был сформирован крупнейший газетный концерн, объединивший все партийные и присоединенные к ним издания по территориальному принципу. Реализация основных направлений национал-социалистской медиаполитики осуществлялась с помощью политических, экономических, законодательных и силовых методов воздействия. Следствием ее осуществления стало уничтожение или переход на нелегальное положение периодики других политических направлений, падение тиражей и сокращение издававшихся в Германии газет, увеличение доли нацистских изданий на рынке СМИ, а также ослабление регионального характера немецкой прессы, концентрация и централизация газетного рынка Германии.

Важно сознавать, что вышеперечисленные приемы национал-социалистской медиаполитики характерны не только для административно-командных систем, но, в скрытой форме, и для некоторых государств с демократической формой правления. И если в некоторых случаях законодательные и экономические методы давления не оправдывают себя, в ход, как это уже случалось в современной истории, идут методы силовые.

Список литературы

Вороненкова Г.Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии (Исторические предпосылки, особенности становления и эволюция, типологические характеристики, структура, состояние на рубеже тысячелетий). М.: Языки русской культуры, 1999.

Frei N., Schmitz J. Journalismus im Dritten Reich. München, Beck, 1989.

Kammer H., Bartsch E. Lexikon Nationalsozialismus. Begriffe, Organisationen und Institutionen. Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 2002.

Rücker M. Wirtschaftswerbung unter dem Nationalsozialismus. Rechtliche Ausgestaltung und Tätigkeit des Werberats der deutschen Wirtschaft. Frankfurt am Main, 2000.

Wulf J. Presse und Funk im Dritten Reich. Eine Dokumentation. Frankfurt am Main, Berlin, Verlag Ullstein GmbH, 1989.

Zeitungszeugen. 1933—1945. Die Presse in der Zeit der Nationalsozialismus. 25.03.2010. N 58.

Поступила в редакцию
22.12.2010

С.В. Филюхина, аспирантка кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ssvetll@yandex.ru

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ «МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ» В СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛАХ

Автор изучает восприятие романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» советской консервативной критикой в контексте 1960-х гг. Основные обвинения, выдвинутые в адрес писателя критикой, рассматриваются как проявление ее методологии.

Ключевые слова: *Михаил Булгаков, литературная критика, 1960-е гг., «оттепель», социалистический реализм.*

Author investigates the perception of Mikhail Bulgakov's novel "Master and Margarita" by the Soviet conservative critics of the 1960's. The principal charges brought against the writer are considered to be the result of the conservative critical methodology.

Key words: *Mikhail Bulgakov, criticism, the 1960's, Thaw period, socialist realism.*

Впервые роман «Мастер и Маргарита» был опубликован на страницах журнала «Москва» в 1966—1967 гг.[1], через 26 лет после смерти Михаила Булгакова.

Произведение, создававшееся в основном в тридцатые годы, оказалось поразительно актуальным в конце шестидесятых и стало объектом нешуточных баталий. Любопытно остановиться именно на этих баталиях: сейчас, наверное, ни у кого не хватило бы фантазии прочитать «Мастера и Маргариту» так, как это делали некоторые критики шестидесятых годов.

Речь идет в первую очередь о консервативных критиках, критиках-охранителях, которые на все смотрели сквозь очки соцреализма и обо всем судили с позиций идеологической борьбы.

Надо признать, что они не выступили против Булгакова так, как их предшественники в двадцатые годы, когда автор «Дней Турбиных» подвергся настоящему разгрому и травле в печати. Они действовали по-другому: формально признавая талант и своеобразие писателя, они пытались разоблачить «ошибочную идеологию» романа, что, по их мнению, должно было дискредитировать любые художественные достоинства. То есть по сути метод — предъявить автору как можно больше идеологических обвинений — не изменился, лишь смягчились формулировки.

Что касается художественных особенностей произведения, то охранители старались вообще не обращать на них никакого внимания, разбирая его исключительно в идеологической плоскости,

[1] См.: *Булгаков М.* Мастер и Маргарита // Москва. 1966. № 11; 1967. № 1.

и это, безусловно, тянуло литературную критику назад, в двадцатые годы. Если же они и касались формы, то это был лишь повод для того, чтобы прикрепить к произведению очередной идеологический ярлык. «...Литературу мы изучаем не ради литературы, но смотрим на нее как на определенное идеологическое средство воспитания масс в целях осуществления развернутого наступления социализма по всему фронту»[2]. Эти слова начальника Главлита П. Лебедева-Полянского, произнесенные в 1931 г., безусловно, определяли метод литературных критиков охранительного толка, которые напали на «Мастера и Маргариту» в конце 1960-х гг. Однако напали не сразу.

Год молчания

Примечательно, что в течение 1967 г. выходит примерно два десятка газетных и журнальных материалов о Булгакове и даже радиопрограмма, приуроченная ко дню рождения писателя. При этом «новый» роман — «Мастер и Маргарита» — упомянут, по подсчетам автора этих строк, только в трех публикациях. Это две небольшие статьи в журналах «Подъем» (Воронеж)[3] и «Сибирские огни» (Новосибирск)[4], целиком (в первом случае) или по большей части (во втором) посвященные этому произведению, и материал в «Новом мире»[5], рассказывающий о выходе «Избранной прозы»[6] Булгакова.

Все три публикации показательны: в провинциальных изданиях зачастую удавалось проводить мимо цензуры то, что не могло появиться в центральной печати (стоит отметить, что в обеих «провинциальных» статьях роман оценивается очень высоко, рассматривается философия и поэтика произведения, а не его «идеология» и соответствие соцреалистическому канону); что касается «Нового мира»[7], то не удивительно, что именно в журнале Твар-

---

[2] *Кузнецова С.* «Положить предел публичному исполнению порнографической “эксцентрики”» // Власть. 2010. 13 сент. № 36 (690). http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1495265&ThemesID=1215

[3] См.: *Скобелев В.* В пятом измерении // Подъем. Воронеж, 1967. № 6.

[4] См.: *Михайлов О.* Проза Булгакова // Сибирские огни. Новосибирск, 1967. № 9.

[5] См.: *Берзер А.* Возвращение Мастера // Новый мир. 1967. № 9.

[6] См.: *Булгаков М.* Избранная проза. М.: Художественная литература, 1966. «Мастера и Маргариты» в этом сборнике, естественно, еще нет. Роман выйдет отдельным изданием только в 1973 г.

[7] Для характеристики значения «Нового мира» в культуре шестидесятых стоит вспомнить запись в дневнике В. Лакшина от 13 мая 1969 года о партсобрании в «Октябре» — главном оппоненте «Нового мира»: «Инструктор Н., наш автор, рассказал о партсобрании в “Октябре”. Такого нигде не услышишь. Говорили о позорном десятилетии при Хрущеве, о том, что партия слишком робко поворачивает на прежний путь и т.п. Первенцев в задушевной беседе говорит: сделана ошибка, прежде чем вводить танки в Прагу, надо было ввести в “Юность” и “Новый мир”» (*Лакшин В.* Последний акт. Дневник 1969—1970 годов. Дружба народов. 2003. № 4. http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/4/lak-pr.html).

довского появилась статья «Возвращение Мастера», пусть и с вполне невинными упоминаниями о «новом» романе Булгакова, которые стали, однако, хоть какой-то попыткой ввести его в поле зрения критиков.

Всего три упоминания за год — это притом что опубликован роман, пролежавший никому не известным почти три десятка лет; притом что роман этот принадлежит автору, интерес к которому постоянно возрастал начиная со второй половины пятидесятых годов, о чем свидетельствуют, например, издания и постановки его пьес, выход «Избранной прозы», публикация воспоминаний о нем и все увеличивавшееся количество материалов в печати; это притом, наконец, что номера журнала с «Мастером и Маргаритой» молниеносно исчезали из библиотек, а читатели охотились за книжечками «Москвы» примерно так же, как в начале шестидесятых охотились за «Новым миром», в котором был опубликован «Один день Ивана Денисовича» Солженицына.

Было ли это молчание организовано «сверху» или объяснялось чем-то другим, еще предстоит выяснить. Но как бы то ни было, критики обратят пристальное внимание на «Мастера и Маргариту» только в 1968 г. После целого года затишья роман вызовет настоящую бурю споров.

Мастер, Маргарита и «мрачная романтика капитуляции перед Злом»

Эти споры сосредоточили в себе комплекс тех идей и «общих мест», которые были характерны для «охранителей», с одной стороны, и для «оттепельных» критиков, с другой. Особенно остро они звучали на фоне послеоттепельной политической реакции и, в частности, отказа от курса десталинизации. Однако в рамках этой статьи придется сосредоточиться только на одной «стороне», а именно на консервативных критиках, для того чтобы увидеть, как же работала их методология, подразумевавшая изучение литературы не ради литературы, и какие интерпретации появлялись у тех, кто ею пользовался.

Одну из первых таких трактовок «Мастера и Маргариты» предложила охранительница Л. Скорино[8], которая вступила в полемику

[8] Людмила Ивановна Скорино. Сотрудничала в журнале «Октябрь» (1935—1941), в Гослитиздате (1941—1943), в издательстве «Советский писатель» (1944—1950). В 1949—1976 годах была заместителем главного редактора журнала «Знамя». Любопытно, однако, что Варлам Шаламов называл Л. Скорино «дважды моя крестная мать». Л. Скорино опубликовала в «Знамени» первую его подборку — «Стихи о Севере».

с критиком новомирского лагеря И. Виноградовым[9] на страницах журнала «Вопросы литературы».

Скорино обвинила Булгакова в приверженности абстрактному гуманизму[10], который якобы доводит героев романа до сотрудничества с «лагерем Тьмы». Абстрактный гуманизм, или гуманизм «внеисторический», «асоциальный» назывался так потому, что его приверженцы «абстрагировали» представления о справедливости, нравственности от интересов классовой борьбы. Он противопоставлялся консервативными критиками гуманизму «революционному», «воинствующему» (само сочетание этих слов звучит как оксюморон). Вот, например, как пишет об этом корифей охранителей, литературовед и критик А. Метченко[11], особенно ревностно выступавший за реабилитацию сталинской эпохи: «В.И. Ленин предупреждал, что коммунисты не отрицают морали, но подходят к ней с точки зрения классовых целей пролетариата. <...> Сейчас мы иногда встречаемся с совершенно иным подходом к решению нравственных проблем, с абстрагированием их от истории, от борьбы классов»[12].

Однако «абстрактный» гуманизм, сделавший Булгакова мишенью для охранителей, совсем иначе воспринимался их оппонентами. «Создается впечатление, — возмущается А. Метченко, — что бессмертие произведений Булгакова критики связывают прежде всего с его обращением к “вечным ценностям”, нашедшим в нем талантливого хранителя.

Конфликт с современностью, ставший источником духовной драмы писателя, хотя истолковывается и как трагедия творца, но трагедия, разрешающаяся созданием вечных ценностей. Ах, какая старая песенка...» — резюмирует Метченко[13].

То, как строит свои обвинения Л. Скорино, отличается изощренной, но сомнительной логикой. С самого начала и на протя-

---

[9] Игорь Иванович Виноградов. Работал в журналах «Молодая гвардия» и «Новый мир» (член редколлегии при А.Т. Твардовском).

[10] Ср., например: «Горький до конца дней оставался верен ленинскому пониманию гуманизма — гуманизма непримиримой борьбы против всего, что угнетает людей, порабощает их, причиняет им страдания. Он поэтому никогда не уставал разоблачать лицемерие и фальшь тех буржуазных “гуманистов”, которые заботились лишь о спасении старого мира. Эти “гуманисты” в 30-е годы призывали к “примирению” с фашистскими изуверами, которые разжигали пожар Второй мировой войны» (*Бялик Б.* Воинствующий гуманизм // Литературная Россия. 1968. 26 марта. С. 3).

[11] Алексей Иванович Метченко. Заведовал кафедрой советской литературы филологического факультета МГУ с 1952 по 1983 г. Под его редакцией вышел не один учебник по истории советской литературы. Автор книги «Кровное, завоеванное. Из истории советской литературы» (1971). Одиозная фигура в советской критике и литературоведении.

[12] *Метченко А.* Современное и вечное // Москва. 1969. № 1. С. 209.

[13] Там же. С. 210.

жении всей статьи критик настойчиво повторяет одну и ту же мысль: фантастика в булгаковском романе «свидетельствует, что не все в окружающем мире познаваемо разумом, многое лишь имеет видимость реальности, а в самом деле необъяснимо, иррационально». Основание для такого утверждения она видит в том, что «характерной чертой булгаковской фантастики является постоянное демонстративное смешение реального, даже обыденно-прозаического с иррациональным, “потусторонним”»[14]. Однако такое смешение — это отличительная черта фантастики вообще, на что иронично указывает оппонент Л. Скорино[15]. Эта, казалось бы, незначительная неточность, довольно безобидная сама по себе, приводит к далеко ведущим выводам и необходима Скорино как отправная точка для всех ее дальнейших размышлений о романе. Попробуем проследить за ходом ее рассуждений.

Итак, критик настаивает на том, что демонстративное смешение обыденного и мистического — это отличительная черта именно булгаковской фантастики. Что из этого следует? Следует то, считает Скорино, что «автор стремится художественно утвердить ощущение зыбкости, непознаваемости мира, где обыденное и “потустороннее”, иррациональное и действительное неразрывно сплетены, друг от друга неотделимы». В этом «скачке» от причины к следствию заметно значительное искажение булгаковского текста.

И потусторонние герои романа, по мнению критика, «призваны доказать, оттенить всю зыбкость, иррациональность именно действительного мира»[16]. «Фантастическим героям романа противостоят люди деловые, прозаичные, такие, как Михаил Александрович Берлиоз или поэт Иван Бездомный. Однако они не только терпят поражение в дискуссиях с Князем Тьмы Воландом, но и несут жестокое наказание за свое неверие в существование иррационального, стихийного, непознаваемого начала мира»[17], — утверждает критик, полагая, что и Берлиоз, и Степа Лиходеев, и Варенуха, и прочие «москвичи» наказаны именно за «деловитость», за «трезвость» мышления. «И автор, хотя и с карнавальной сатирической буффонадой, расправляется с теми героями, которые пытаются искать всему этому хоть какое-то разумное объяснение, о чем свидетельствуют отрезанные и оторванные головы московского Берлиоза или знаменитого столичного конферансье Жоржа Бенгальского <...> Иррациональное, мистическое — более реально, чем сама реальность, — утверждает писатель»[18].

---

[14] *Скорино Л.* Лица без карнавальных масок // Вопросы литературы. 1968. № 6. С. 26.

[15] *Виноградов И.И.* Завещание Мастера // Вопросы литературы. 1968. № 6. С. 48.

[16] *Скорино Л.* Указ. соч. С. 27.

[17] Там же. С. 28.

[18] Там же. С. 28—29.

Скорино без устали повторяет о «зыбкости» мира, которая якобы утверждается автором «Мастера и Маргариты». Она нагнетает «иррациональность» и бесконечно преувеличивает ее значение в романе. Это нужно ей для того, чтобы сделать следующий «скачок». Критик приписывает Булгакову мысль о том, что «мир непознаваем. Единственно, что может сделать человек, — принять все сущее на веру, принять действительность такой, какой она нам предстает». И далее: «Гротескная логика событий, развертывающихся в романе, как раз и служит полемическому утверждению пассивности как жизненного и философского принципа»[19].

Анализируя ершалаимские главы, основным критик считает в них то, что автор «непримиримо противопоставил друг другу два типа людей: с одной стороны, люди действия, реального дела — сам Понтий Пилат, молчаливый кентурион Марк Крысобой, будущий евангелист Левий Матвей, а с другой — гуманист и мечтатель Христос, или Иешуа Га-Ноцри»[20].

Считая основой конфликта противостояние «людей дела» «мечтателю» Иешуа, Л. Скорино заявляет, что писатель «становится на сторону нищего пророка, он осмеивает притязания тех, кто думает делом изменить ход событий». Критик словно не замечает, что повествователь ершалаимских глав равно удален как от Пилата, так и от Иешуа и что в его отстраненном и как бы обезличенном тоне нет иронии или тем более сатиры, он никого не высмеивает. А Скорино уверена: «Цель сатиры — показать, что деяния героя не могут ничего изменить в беспощадном, от человеческой воли не зависящем течении событий». И далее, возвращаясь к своей любимой теме, пишет: «никто <...> не может противостоять таинственному, непознаваемому движению жизни. Именно поэтому *бездеятельная* проповедь Иешуа, его гуманизм самоотречения и всепрощения *поставлены выше* любого *деяния*».

Сравнивая евангельский текст с булгаковской интерпретацией, критик подчеркивает, что Иисус «в изображении древних авторов совсем не чуждался действия. <...> Древние авторы для своего времени все же отделяли Добро от Зла. Иисус Нового Завета в их изображении и не думал вступать в какие-либо собеседования с жестоким прокуратором. <...> Совершенно иначе ведет себя булгаковский Иешуа Га-Ноцри, он утешает Пилата, заботится о его головной боли, облегчает его страдания и даже дает полезные советы»[21].

Таким образом, начав с определения «характерных черт» булгаковской фантастики, Л. Скорино пришла к заявлениям о том, что Булгаков призывает к бездеятельности как жизненной филосо-

[19] Там же. С. 28.
[20] Там же. С. 29.
[21] Там же. С. 31.

фии, единственно верной в иррациональном мире, где ничего нельзя понять и изменить, а его герой проповедует «гуманизм всепрощения, которое уже не только стирает всякие грани между Добром и Злом, но и смешивает, сливает эти понятия». Критик показывает, к какому преступлению приводит такая жизненная позиция, которую, как утверждает она, отстаивают и главные герои романа, и сам Булгаков. «Бездеятельный гуманизм вещь опасная», — предупреждает Скорино. «Герои этого типа, подчиняясь непознаваемому, иррациональному течению событий, примиряются с мрачными, теневыми сторонами бытия»[22].

Результатом этого критик считает, в частности, то, что Маргарита идет на «компромисс со Злом»: «Что же делать человеку в этом грозовом, иррациональном мире? Может ли он противостоять беспощадной стихии Зла? Судьба главной героини и дает ответ на эти вопросы: она воплощает мрачную романтику капитуляции перед Злом»[23]. Скорино при этом не чуждается явных искажений текста. Так, говоря о Фриде, критик заявляет, что Маргарита «вымолила для нее прощение у Воланда»[24]. А затем повторяет еще не раз, что «Маргарита отнюдь не зовет к отказу от деяния, но она противопоставляет ему антидеяние, капитуляцию перед Злом, соглашение с ним, сотрудничество с лагерем Тьмы»[25]. Эти настойчивые, исполненные обличительного пафоса утверждения о «служении Злу» призваны стереть из памяти читателя, в чем именно заключалась сделка Маргариты с Воландом. Подобными патетическими конструкциями Скорино комментирует, например, диалог Воланда и Берлиоза на Патриарших: «Конечно, это речи Духа Зла; ему по “фаустианской” легендарной традиции и полагается ядовито издеваться над лучшими надеждами и высокими порывами человеческого духа»[26]. Здесь очевидно желание кардинально сместить акценты, чтобы сделать «перестановку» в системе образов романа.

Скорино предлагает свою систему образов, где положение героя зависит от его взаимоотношений со «Злом»: «Понтий Пилат и Левий Матвей, каждый по-своему, еще мучались и страдали, что пошли на уступки Злу; Иешуа — в древние времена и Мастер — в современную эпоху, хотя и пассивно, отказываясь от какого-либо действия (оно ведь, как считали они оба, бесполезно), внутренне все еще Злу противостояли. Но Маргарита уже вступила на путь безоговорочного приятия неизбежности Зла»[27]. Кроме того, «она

[22] Там же. С. 33.
[23] Там же. С. 40—41.
[24] Там же. С. 39.
[25] Там же. С. 41.
[26] Там же. С. 34.
[27] Там же. С. 41.

не только выполняет все то, что от нее требуют, но — самое главное — чувствует себя при этом счастливой». А главы романа, посвященные приключениям Маргариты, организованным Воландом и его свитой, по мнению критика, «полны своеобразного величия — величия Зла»[28].

Л. Скорино так настойчиво пишет слово «Зло» с большой буквы, что легко забыть, кто же скрывается за этим понятием, с кем же начинает сотрудничать Маргарита. А воплощением «Зла» в московских главах является Воланд. Он, конечно, по определению представляет известное «ведомство», но все же не достаточно демонизирован и «зол» у Булгакова для того, чтобы писать о нем так, как делает это Скорино: «могучий, мрачный, беспощадный ко всему живому Князь Тьмы». (К чему живому был беспощаден Воланд, в статье не объясняется.) Но, видимо, она и сама понимает это, и ставит Булгакову в вину то, что «Князь Тьмы» в романе не нарисован черной краской, а выписан сложно и объемно: «...даже и в нем, Духе Зла, художник раскрывает переплетение противоречивых начал». На основании этого критик делает вывод, что «автор романа как бы разделяет основной тезис Иешуа: нет злых, все добры»[29]. Так, упрощенно трактуется не только философия Иешуа, но и отношение к нему автора, который сочувствует герою, но все же отнюдь не разделяет этого тезиса, о чем свидетельствуют московские главы. Кроме того, утверждение о том, что Булгаков якобы считает «злого» Воланда «добрым», идет вразрез только что высказанной мысли о «переплетении противоречивых начал» в этом образе.

Финал статьи становится ее кульминацией: разоблачение философии романа увенчивается такой исторической аналогией, которая призвана окончательно дискредитировать и героев, и их создателя. Л. Скорино считает, что Булгаков «в странной, причудливой форме, несомненно запечатлел определенную сторону духовной жизни Европы в канун новой мировой войны»[30]. А на таком фоне не возникает сомнений в том, что именно подразумевается под капитуляцией перед «Злом» и сотрудничеством с «лагерем Тьмы». В романе, по мнению критика, «отразился душевный разлом, душевные конфликты тех людей, которые, предощущая грядущие исторические бедствия, не имели внутренних сил им противостоять» — они «мечтали спастись в одиночку, спастись любой ценой». Критик рисует эффектную картину: «А военная гроза надвинулась, пришла.

И советскому народу надо было, набросив плащ-палатку на плечи, твердо взять оружие в руки, подняться и выйти навстречу

[28] Там же. С. 38.
[29] Там же. С. 39.
[30] Там же. С. 41.

судьбе, чтобы одолеть ее и сломить»[31]. Так, на высокой ноте, заканчивается статья. Скорино делает сильный ход, прибегая к подобному контрасту: вот булгаковские герои, сломленные, подавленные иррациональностью существования, капитулировавшие и готовые сотрудничать со злом, и вот советские люди, ценой невероятных усилий сумевшие одолеть это зло. Она показывает: вооружившись философией, которую она сама же приписала булгаковскому роману, «советский народ» ни за что не победил бы[32]. А главные герои оказываются настоящими предателями родины, мечтавшими спастись в одиночку любой ценой.

Любопытно название статьи Л. Скорино — «Лица без карнавальных масок». Оно вызывает в памяти известное высказывание Ленина о Толстом, срывавшем «все и всяческие маски». Это выражение, подхваченное прессой и в немногочисленных вариациях использовавшееся для всевозможных политических «разоблачений», обзавелось стойкими политическими и идеологическими коннотациями. Призывая срывать маски с булгаковских героев и обнажить сущность последних, Л. Скорино тем самым включает свою трактовку романа в политический контекст.

Мастер на «гиблой тропке субъективизма»

Резкое осуждение у консервативных критиков вызывала и концепция творчества, выраженная в образе булгаковского Мастера.

Все та же Л. Скорино пишет, что «Мастер, так же как Иешуа, — провозвестник Слова, а не Дела. Довольствуется он малым, живет в нищете, все его интересы — в области чисто духовной. Реальность окружающего бытия не затрагивает героя, не волнует, ибо он полностью из всего выключен»[33]. Иван Бездомный же — это, на-

---

[31] Там же. С. 42.

[32] Такой прием был опробован уже не раз. Ср. наблюдение Д.О. Клинг о том, что в 1946 г. В. Гроссмана как автора пьесы «Если верить пифагорейцам» критики упрекали в неверном изображении предвоенного советского общества: «...автор считает характерными и для нашей предвоенной, и для нашей послевоенной жизни все то мрачное и печальное, о чем он рассказывает в своей пьесе... Разве могли бы люди, подобные “героям” В. Гроссмана, победить в смертельной схватке с немецким фашизмом? Конечно нет», — пишет на страницах «Правды» В. Ермилов. Ему вторит И. Альтман: «Какие мысли и чувства обуревали советских людей накануне войны? Мы видели надвигающуюся угрозу. Но мы не сидели сложа руки. Мы встретили фашизм во всеоружии. У нас — в том числе у автора пьесы — не было сомнений в нашей победе. Но победа далась нам тяжелой борьбой. Мы не были безумными и поверхностными оптимистами и знали, что предстоит мучительная, кровавая борьба не на жизнь и на смерть... Есть ли эта атмосфера в пьесе? В очень малой степени» (*Клинг Д.О.* Творчество В. Гроссмана 1940—1960-х годов в оценке отечественной и русской зарубежной критики: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 21—22).

[33] *Скорино Л.* Указ. соч. С. 33.

против, провозвестник Дела. Мастер — это «мечтатель», «человек “не от мира сего”», а Иван — «трезвый реалист»[34].

По ее мнению, в основе противопоставления двух персонажей — Мастера, угадавшего в своем романе истину, и Ивана Бездомного, готового переделать свою поэму так, как это будет угодно редактору Берлиозу, — лежит спор «о праве художника на творческое своеволие, на свободу от “заказа”, то есть от каких-либо социальных требований»[35]. Критику-охранителю, естественно, ближе позиция Ивана Бездомного, в отличие от автора романа. «Именно потому он и терпит творческое поражение, что служит пропагандистским целям, пытается превратить искусство в *реальное действие*», — утверждает Скорино, словно не замечая признания Бездомного в том, что он сам считает свои стихи плохими. А «Мастеру ясна вся тщета человеческих усилий что-либо изменить в окружающем мире. И потому он жалеет заблудшего поэта, наставляет его на путь истинный, учит отказу от реального действия»[36].

Для Мастера творчество — это «только непостижимая разумом, странная внутренняя потребность», у него «нет и не может быть никакой цели вне самого искусства. Высший закон для него — красота самого искусства». Желая разоблачить это творческое «своеволие», где нет места «народности» и «партийности», критик пишет: «Художник просто творит, и нет для него ни правых, ни виноватых, — об этом свидетельствуют страницы, посвященные Понтию Пилату». И далее поясняет: «Он одинаково любуется как величием страданий умирающего Иисуса, так и красотой и праздничной торжественностью его казни»[37]. Именно так трактует Л. Скорино отстраненное, эпическое повествование в главах о Пилате. Мастер предстает в такой интерпретации каким-то аморальным адептом «чистого искусства». «Творчество для главных героев романа только тогда и является подлинным, когда оно не зависит от реальной действительности»[38] — пишет Л. Скорино, отказываясь видеть связь между романом о Пилате и «реальной действительностью» романа о Мастере.

Образ Мастера и его творческая позиция становятся объектом критики и для соратника Скорино И. Мотяшова[39]. В статье с характерным для охранителей названием «Ответственность художника» главным героем является не Булгаков, а Битов, у персонажа которого нравственное кредо «резко ослаблено, выхолощено от-

[34] Там же. С. 34.
[35] Там же. С. 37.
[36] Там же. С. 35.
[37] Там же. С. 36.
[38] Там же. С. 37.
[39] Игорь Павлович Мотяшов. Критик.

сутствием идейного, социального, классового стержня»[40] (кажется, то же самое пыталась сказать и Скорино о булгаковском герое, только делала это не так открыто, а более обтекаемо).

Говоря о Булгакове, И. Мотяшов подчеркивает, что его Мастер — это «в полном смысле слова нравственно раскрепощенный человек, достигший такой абсолютной свободы духа, при которой высшим и единственным мерилом поведения является голос собственной совести». Для критика-охранителя это, естественно, отнюдь не хвалебная характеристика: высшим мерилом поведения должны быть интересы классовой борьбы, но никак не собственная совесть. А тот факт, что «по существу Мастеру нужна абсолютная, ничем не ограниченная свобода в творчестве[41]», является для Мотяшова возмутительным и демонстрирует явную политическую незрелость булгаковского героя. Ведь «даже социалистическое общество, которое, будучи гуманистическим и демократическим по своей природе, вынуждено сосуществовать с миром, где царят насилие, бесчеловечность, воинствующий антидемократизм, — даже оно такой абсолютной свободы дать не может». Далее критик утверждает, что «это понимает умом, хотя и не принимает сердцем, Булгаков. И потому он, оставаясь душою на стороне Мастера, приводит его к поражению»[42].

Как и Скорино, Мотяшов подчеркивает, что автор «ставит Мастера *над всякими вообще обстоятельствами*», что Мастер «не от мира сего», «мечтатель», оторванный от реальности. «Святой отшельник, ослепленный призраком абсолютной свободы духа, абсолютной свободы творчества»[43], Мастер вызывает у Мотяшова жалость.

Критик отмечает: «Трагедия же Мастера начинается задолго до вмешательства в его судьбу критика Латунского, до тяжелого ду-

---

[40] *Мотяшов И.* Ответственность художника // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 16.

[41] Ср. рассуждение критика-охранителя М. Гуса, который позже выступит и по поводу «Мастера и Маргариты»: «Ревизионисты утверждают, будто метод социалистического реализма и принцип коммунистической партийности ограничивают и даже уничтожают свободу художественного творчества. <...> На самом деле, ленинские принципы партийности предоставляют и обеспечивают каждому творцу полную свободу художественного выражения величайших освободительных идей человечества. Метод социалистического реализма предоставляет каждому художнику широчайший простор в поисках и выборе средств для подлинно художественного выражения этих идей.

<...> речь идет о свободе именно художественного выражения коммунистических идей, а не об анархической “свободе” выбора любых идей. Разумеется, полное и художественно совершенное выражение передовых идей современности возможно на основе зрелого мировоззрения» (*Гус М.С.* Литература и эпоха. М., 1963. С. 157).

[42] *Мотяшов И.* Указ. соч. С. 23.

[43] Там же.

шевного заболевания и смерти. Трагический исход судьбы героя — и это с глубокой реалистической силой выражено в романе — как бы предопределен драматической несовмещенностью Мастера с окружающей его реальностью»[44]. Этим словам нельзя отказать в справедливости, стоит добавить, что отношения Мастера и его времени определяются даже не «несовмещенностью», а абсолютной несовместимостью. Столкновение героя с системой, которую представляет Латунский, и последующий уход в клинику профессора Стравинского оказываются лишь ярким выражением этой принципиальной несовместимости.

Однако есть в словах И. Мотяшова важный акцент: трактуя конфликт таким образом, критик полностью снимает ответственность с тех, кто травил Мастера[45]. «Критические залпы по ненапечатанному роману, — и об этом И. Мотяшов пишет так просто, проскальзывая мимо слова “ненапечатанный” и не делая здесь ни малейшего акцента, словно разносить неопубликованное произведение вполне естественно[46], — гасят в нем всякую волю к дальнейшему действию, более того, к литературной работе вообще». Исходя из этого критик делает необоснованный вывод, который может соперничать в своей нелогичности, пожалуй, только с рассуждениями Л. Скорино: «И потому, хотя сам герой нигде этого и не говорит, логика романа наводит на мысль: Мастер может творить только в том случае, если все то, что вышло из-под его пера, будет, независимо ни от чего, не только напечатано, но и публично одобрено»[47].

Если следовать логике И. Мотяшова, то Мастер сам виноват в том, что рукопись не напечатана (и не одобрена). Вот как рассуждает критик, и его менторский тон как бы подразумевает, что он говорит об очевидных, общепринятых законах поведения: «Суть же дела такова, что Мастер написал роман, и он хочет его напечатать. Желание вполне законное: книга затем и пишется, чтобы ее печатали и читали, — резонно замечает критик. — Но также вполне

---

[44] Там же. С. 22.

[45] Любопытно, что примерно так же пишет о самом Булгакове А. Метченко: критик дважды повторяет, что «конфликт Булгакова с советской общественностью и литературной средой до конца выявился уже в 20-е годы» (*Метченко А.* Современное и вечное // Москва. 1969. № 1. С. 207—208, 209).

Этим «до конца выявился» А. Метченко хочет показать, что система и общество эпохи культа личности не стали причиной этого конфликта (который, действительно, начался гораздо раньше), не обострили его. Наоборот, «как известно, в двух трудных для писателя случаях за него вступился Сталин».

[46] В качестве параллели напрашивается, конечно, случай Пастернака и его не напечатанного в Советском Союзе романа, подвергшегося разгромной и далеко не литературной критике.

[47] *Мотяшов И.* Ответственность художника // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 23.

законно ожидать, что автор, встретив препятствия на пути опубликования своей книги, трезво вслушается в голоса ее друзей и недругов, еще раз оценит все им написанное и сделает все от него зависящее, чтобы детище его дум и вдохновений встретилось со своим читателем. Ничего подобного Мастер не делает»[48].

Со слов И. Мотяшова, ситуация, описанная Булгаковым, предстает вполне стандартной (как принято говорить, «рабочей») и лишенной даже тени драматизма. Критик обвиняет Мастера в том, что тот не сделал ничего, чтобы его произведение опубликовали. Но *этот* роман, в котором увидели попытку «протащить пилатчину», опубликовать было невозможно — фактически, надо было написать *другой* роман, по рецепту Берлиоза, например. Похожее мнение высказывает и А. Метченко в отношении самого Булгакова и его конфликта с советской критикой 1920-х гг. Формально признавая некоторые «неудобные» факты сложной биографии писателя, критик делает это так, что выглядят они чем-то вполне заурядным и лишенным трагического оттенка. Вот типичный пример: «Однако ряд произведений Булгакова не был опубликован. Нельзя не согласиться с мыслью Симонова[49], что объективно это мешало крупному писателю найти общий язык с эпохой. Но тут же Симонов обоснованно замечает: такие писатели, как, в частности Маяковский, или критики, как Луначарский (которым, добавлю от себя, вряд ли кто мог “подсказывать”, как отнестись к тому или иному произведению), в силу своих убеждений, и ничего другого, не могли не стать литературными противниками Булгакова, отнюдь не испытывая к нему лично никаких враждебных чувств»[50].

---

[48] Там же.

[49] У К. Симонова об этом сказано так: «И среди принципиальных противников, и среди принципиальных сторонников Булгакова были очень разные люди, и их нельзя мерить только меркой их отношения к Булгакову. Иначе легко впасть во всякого рода исторические несправедливости, хотя бы эмоционально и вызванные тем, что судьба разбираемого в книге автора несла на себе печать трагизма (!). <...> Маяковский исходя из своих тогдашних литературно-политических позиций не мог не быть решительным противником Булгакова — это было бы противоестественно, и все это нет никакой нужды смягчать.

Я беру Маяковского просто как пример. Многие другие люди в ту эпоху не могли не быть литературными противниками Булгакова, но все это не означало, что кто-то вправе был наложить на уста Булгакова печать молчания и создать вокруг него обстановку, которая объективно мешала этому крупному писателю найти общий язык с эпохой. Говоря “эпоха”, я имею в виду эпоху строительства социализма во всех ее сложностях» (*Симонов К.* Разговор с товарищами (Письма о литературе) // Вопросы литературы. 1968. № 9. С. 85—86).

А. Метченко грубо выдергивает слова из контекста, в результате чего они звучат иначе, и выходит, что мнение А. Метченко — это и мнение Симонова тоже, а критик просто ссылается на авторитет писателя.

[50] *Метченко А.* Указ. соч. С. 208.

Идея о том, что критики, «друзья и недруги» могут вмешиваться в сам процесс творчества, давать писателю советы, как и о чем писать, — эта идея очень показательна для охранителей. Вот как пишет об этом И. Мотяшов: «Право и назначение художника — говорить правду о том обществе, в котором он живет <...>. Но если художник, живущий в народном социалистическом государстве, искренне осуществляя свое “право и назначение”, пришел хоть в чем-то в конфликт с обществом, его прямая и священная обязанность спросить себя: а не сбился ли я с дороги подлинной и единственной правды на гиблую тропку субъективизма? Послужит ли мое творение действительному движению общества вперед или окажется невольным оружием в руках злейших врагов этого движения?»[51].

А далее Мотяшов иллюстрирует это рассуждение актуальнейшим историческим примером. После рассуждения о Мастере он вспоминает героя романа «Зависть» Кавалерова. Роман Юрия Олеши, уверен критик, «напоминает об опасности буржуазного и мелкобуржуазного индивидуализма, интеллектуального анархизма — этой живучей болезни, поражающей, как правило, наименее политически зрелую часть интеллигенции, что, к примеру, с достаточной наглядностью проявилось в словах и поступках некоторых чехословацких литераторов, начавших 1968-й год с публичных антисоветских и антикоммунистических заявлений и логически пришедших в августе—сентябре к политической эмиграции»[52]. Мотяшов заставляет невольно приравнивать жажду творческой свободы Мастера к «буржуазному и мелкобуржуазному индивидуализму» Кавалерова.

Особое раздражение у консервативных критиков творческая концепция Мастера и самого Булгакова вызывала еще и потому, что в начале «оттепели» обострились споры о методе и мировоззрении[53], которые продолжались на протяжении шестидесятых годов. Этот спор не был обычной литературной дискуссией. Попытка многих писателей нового поколения отказаться от «четкой позиции», от «принципа партийности» в литературе, т.е. от изображения

---

[51] *Мотяшов И.* Указ. соч. С. 24.

[52] Там же.

[53] В 30-е гг., как известно, спор шел о том, как влияет мировоззрение художника на его творческий метод, можно ли быть «реалистом» (термин, понимавшийся «в расширительном смысле»; другими словами, можно ли правдиво отражать действительность) и при этом не разделять идеологию прогрессивного класса своего времени. «Вопрекисты», выступавшие на страницах журнала «Литературный критик», полагали, что можно: если писатель тщательно изучил жизнь, он адекватно отразит явления реальности вопреки своему мировоззрению. Их оппоненты же были уверены, что определяющим в творчестве является подход художника к действительности, и стать «реалистом» он может только благодаря своему «передовому» мировоззрению.

действительности в ее «революционном развитии», как того требовал соцреалистический канон, — переводилась охранителями в политическую плоскость. Вот как А. Метченко пишет о том, что в 1960-е гг. идет «вползание в социалистические страны “тихой контрреволюции”: «И так случилось (но не по капризу случайности), что в этих нечистоплотных делах очень активную роль играли некоторые писатели. Как правило, те самые, которые энергичнейшим образом протестовали против активизации в литературе социалистической направленности, против первенства политических критериев коммунизма»[54].

Чтобы дискредитировать своих оппонентов, консервативные критики использовали простой прием, который много раз испытал на себе Булгаков в 1920-е гг., — объявить взгляды литературных противников контрреволюционными и антикоммунистическими. «Да, шестидесятые годы преподнесли и такой “сюрприз”, как превращение идеи “аполитичности” литературы в *политическую доктрину*, — продолжает А. Метченко. — Разве не наблюдали мы, как эта доктрина распространяла свое влияние и на политику, как таковую? Но ее “особенность” заключалась в том, что ее сторонники (и это было не только в Чехословакии) от деполитизации литературы и беспардонной критики коммунистической партийности искусства переходили к “рекомендациям”, а то и требованиям “либерализации” и всего уклада жизни социалистических государств. А кое-кто из “мироносцев”, — добавляет критик, — не очень надеясь на оружие слова, позаботился о складах военного оружия»[55].

Конечно, напрямую к Булгакову относиться это не может, но и его роман рассматривается не иначе как в свете политической борьбы, «борьбы за умы и души людей, которая идет сейчас на нашей планете». Не случайно в ответ на упоминание В. Лакшина об откликах на «Мастера и Маргариту», появившихся более чем в двадцати странах мира[56], А. Метченко замечает, что произведение «издается и переиздается в ряде стран, в том числе издательствами, отнюдь не заинтересованными в его добросовестном истолковании[57]. Роман стал объектом идеологической борьбы, вот о чем не следует забывать, подсчитывая “отклики”»[58].

На фоне этих споров роман оказался особенно актуальным, так как Булгаков предлагал иную модель писательского поведения,

---

[54] *Метченко А.* Указ. соч. С. 199.

[55] Там же.

[56] См.: *Лакшин В.* Роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Новый мир. 1968. № 6. С. 284.

[57] Случилось то, о чем предостерегал художников И. Мотяшов — произведение попало в руки «злейших врагов» коммунизма.

[58] *Метченко А.* Указ. соч. С. 206.

которая была неприемлема для соцреализма. По мнению А. Метченко, «изображая новую, социалистическую действительность, он опирался не на силы прогресса, заключенные в ней самой[59], а на некий извечный нравственный идеал. Это приводило к тому, что он очень хорошо видел проявления зла, которого было достаточно и в новых условиях, и не сумел по-настоящему оценить силы добра». Булгакову не удалось отразить «нравственную атмосферу советской действительности 30-х годов». А суть этой атмосферы, утверждает критик, составлял «героический подвиг народа», «стремление быть на самых трудных участках в избранной области». А. Метченко не находит у Булгакова «главного — изображения героики борьбы и труда советских людей». Его не устраивают «не конкретные события, а настроенность, пафос времени»[60].

Заключение

«Настроенность» и «пафос» шестидесятых годов стали прекрасными условиями для начала новой жизни «Мастера и Маргариты». Фактически упреки и в «абстрактном» гуманизме, и в отказе от партийности в литературе сводились, пожалуй, к главному вопросу шестидесятых — вопросу о личности, о границах ее обособленности от коллектива и «народа». Охранители увидели в булгаковском произведении сворачивание на «гиблую тропку субъективизма». Но сейчас все эти обвинения говорят гораздо больше о том времени, когда они возникали, чем о самом романе.

Список литературы

Гус М.С. Литература и эпоха. М.: Советский писатель, 1963.

Клинг Д.О. Творчество В. Гроссмана 1940—1960-х годов в оценке отечественной и русской зарубежной критики: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Поступила в редакцию
10.11.2010

[59] Это требование видеть не то, что есть, а то, каким оно должно стать в будущем, стало своеобразным каноном соцреализма. Усилилось оно во время второго съезда СП, когда окончательно выяснилось, что соцреалисту необходимо изображать как сущее то, что, может быть, еще только зарождается, новое, прогрессивное. Например: «... в ряде статьей — О. Корякова, М. Слонимского, М. Гуса и других — прозвучал призыв предвосхищать будущее в произведениях искусства, видеть в сегодняшних героях черты людей коммунистического общества, учить читателей тому, что должно быть, что должно стать неотъемлемым содержанием коммунистического завтра», а читатели призвали писателей «ясно видеть в современности черты грядущего» (Писатель и время (некоторые итоги дискуссии) // Литература и жизнь. 1960. 13 июля. С. 1).

[60] *Метченко А.* Указ. соч. С. 208—209.

Ю.М. Дакина, аспирант кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: juillet@gmail.com

ШЕКСПИРОВСКАЯ ОФЕЛИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЖУРНАЛЕ: ОТ РОМАНТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА К ВИКТОРИАНСКОМУ
(на материале Blackwood's Edinburgh Magazine)

Автор статьи исследует проблему восприятия и переосмысления характера шекспировской Офелии в британском литературном журнале XIX в., соотнося журнальную критику с академической. Начало рассматриваемого периода совпадает с эпохой романтизма, когда Британия переживает всплеск развития журнальной индустрии. Далее автор прослеживает изменения в восприятии образа Офелии в эпоху королевы Виктории.

Ключевые слова: *«Гамлет», Викторианская эпоха, романтизм в литературной критике, британские литературно-театральные издания, критика характеров.*

The author investigates the problem of interpretation and redesigning the character of Shakespearean Ophelia in British XIX century literary periodicals comparing this to the 'mainstream' literary criticism. Taking the phase dominated by Romantic criticism, which sees the proliferation of new reviews and magazines, as a start, it then continues by reviewing transformations in comprehending Ophelia's character through the Victorian period.

Key words: *Hamlet, Victorian age, Romantic criticism, British literary periodicals, character criticism.*

К концу XVIII в. Шекспир приобретает у себя на родине твердую репутацию главного английского писателя, и с тех пор его наследие остается необходимой частью британской письменной культуры. В следующем столетии представители романтизма не только делают произведения драматурга объектом пристального изучения, но также превращают самого Шекспира в национальный символ, в олицетворение идеи гениальности. Выразилось это не только в бурном развитии шекспироведения, но также в популяризации творчества Шекспира во всех без исключения слоях английского общества, повсеместном распространении информации о нем и увеличении доступности его произведений. И если трагедия «Гамлет» в начале XIX в. еще не являлась самой известной книгой западноевропейской литературы, то она, без сомнения, к этому была как никогда прежде близка: «Мы настолько привыкли к этой трагедии, что уже едва ли знаем, как ее критиковать, — это не легче, чем описывать свое собственное лицо», — признается в 1817 г. английский литературный и театральный критик У. Хэзлитт [Hazlitt, 1890, p. 75]. Вот почему сегодня при изучении «Гамлета»

интересно рассмотреть не только работы филологов, но также попытаться дополнить поле научных интерпретаций популярными трактовками пьесы, обратившись к анализу литературно-театральной периодики эпохи. Это позволит нам обрисовать контекст, не только формировавшийся усилиями шекспироведов, но также неизбежно оказывавший влияние на их суждения о творчестве драматурга.

Разумеется, фигура протагониста, точно так же, как и в предшествовавшем столетии, в XIX в. привлекала наибольшее внимание критиков, однако уже в конце XVIII в. еще один персонаж трагедии все чаще становится объектом исследовательского интереса. Этим персонажем была Офелия, и ее жизнь в шекспировской критике только начиналась. Посмотрим, как изменялся взгляд на образ героини с течением времени. В этом нам помогут статьи, в разные годы опубликованные в журнале *Blackwood's Edinburgh Magazine* (1817—1981, далее — *BEM*), одном из первых и наиболее удачных литературных ежемесячных изданий в истории британской периодики[1]. Возникнув в эпоху романтизма, журнал сразу получил поддержку самых авторитетных литераторов, сотрудничавших с периодическими изданиями. В. Скотт одним из первых принял приглашение У. Блэквуда, вскоре к нему присоединился Г. Макензи, несмотря на несогласие с политической линией журнала. Даже С.Т. Колридж, пострадавший от агрессивных нападок *BEM* в 1818 г., в 1819-м согласился публиковать в нем свои произведения [Sullivan, 1984, p. 45—48]. Журнал сразу вошел в число наиболее популярных и влиятельных литературно-критических изданий и до конца XIX в. сохранял эти качества[2]. Именно поэтому мы можем сказать, что интерпретация образа Офелии на страницах *BEM* носит модельный для рассматриваемого периода характер.

Джон Уилсон. Романтическая концепция

В 1818 г. в февральском номере еще совсем молодого, однако, пользующегося огромной популярностью *Blackwood's Magazine*, шотландский поэт и обозреватель Джон Уилсон (John Wilson,

[1] *Tucker D.H., Unwin G., Unwin F.S.* History of Publishing // Enciclopaedia Britannica Online. URL: http://www.britannica.com/EBchecked/topic/482597/history-of-publishing

[2] В истории британской печати было всего шесть журналов, которые можно было бы классифицировать и как журналы романтического периода, и как викторианские, и как журналы Нового времени. *BEM* входит в их число. Подробнее о месте и значении *BEM* в истории английской печати см.: Blackwood's Edinburgh Magazine // British Literary Magazines: The Romantic Age, 1789—1836 / Ed. by A. Sullivan. London, 1984. P. 45-51; *Herd H.* Nineteenth-Century Periodicals // The March of Journalism: The Story of the British Press from 1622 to the Present Day. London, 1952. P. 188—244.

1785—1854)[3], ведущий журнальный критик своего времени, начал публиковать серию «Писем о Шекспире»; письмо первое было посвящено «Гамлету». Немалое внимание в разборе трагедии критик уделяет Офелии, предлагая собственное объяснение ее характера:

Все в ней юно, красиво, безыскусно, невинно и трогательно. Она предстает перед нами как резкая противоположность Королеве, и та, что совершила падение, ощущает излучаемую Офелией простую и счастливую девственную чистоту. Посреди легкомыслия, лести, раболепия и фальши безнравственного двора она [Офелия] сохраняет всю незапятнанность своего природного очарования. Она подобна безыскусной, веселой и непорочной пастушке, а светское изящество — лишь тончайшая вуаль, наброшенная на ее естественную красоту. Однако мы с самого начала чувствуем, что жребий ее мрачен. Мир, в котором она живет, не достоин ее. С того момента, как мы понимаем, что судьба ее связана с Гамлетом, мы знаем, что мрак поглотит Офелию, что печаль и скорбь встанут между нею и этим мстителем, которому является призрак[4].

У Уилсона мы видим портрет идеальной героини, целиком укладывающийся в границы романтических представлений об идеале. Здесь Офелия прекрасна настолько, что почти не принадлежит этому миру и потому не может продолжать существование в нем. Воплощение абсолютной, первозданной чистоты, она становится безвинной жертвой и Гамлета, и испорченного королевского двора.

В том, как Уилсон противопоставляет Офелию ею окружению (придворным и самой Королеве), можно заметить проявление характерного для романтической эстетики контраста между мечтой и реальностью. В то же время Офелия Уилсона противопоставлена обитателям эльсинорского двора, как природное противостоит искусственному, ненатуральному. Ее моральное совершенство не достигается путем упражнения и не является результатом сознательных устремлений. Простое, естественное, природное существо, «почти идеальное отражение самой природы и самой жизни»[5], она принадлежит вольной, прекрасной стихии, свободной от человеческого тщеславия и других пороков. «Природность» Офелии доведена до крайности, и этот радикализм определяет скудость и ограниченность данного характера в представлении Уилсона. Он

[3] Известны, по крайней мере, два псевдонима Уилсона — Кристофер Норт и Т.С. Цитируемые в данной работе статьи подписаны инициалами Т. С.

[4] *Wilson J.* Letters on Shakspeare. N 1. — On Hamlet // Blackwood's Edinburgh magazine, Feb. 1818. Vol. 2. P. 511 (*здесь и далее цитаты приводятся в переводе автора статьи, если не указано иначе*).

[5] *Wilson J.* Op. cit. P. 509.

пишет, что «чистота и красота [его] имеет почти материальную природу»[6].

Сравнение трактовки Уилсона с высказываниями об Офелии, принадлежащими признанным критикам романтического направления, способно окончательно убедить нас в том, что толкование образа, предложенное в *Blackwood's Magazine*, ни в чем не противоречило господствовавшему в начале века литературно-критическому канону. С.Т. Колридж (Samuel Taylor Coleridge, 1772—1834), едва ли не самый проницательный шекспировед эпохи романтизма, в своих лекциях (цикл 1818 г.) называет ее существом, «абсолютно лишенным себялюбия», она наделена «естественной беспечностью невинности». Все прекрасно в этом чистейшем создании: «Раздумья, скорбь, страсть, и даже злодейство — все, соприкасаясь с ней, становится милым и изящным» [Coleridge, 1904, p. 353, 362, 365]. В основном, Колридж ограничивается таким наброском, не стремясь воссоздать детальный портрет героини. Характер Офелии, парадоксальным образом замечает он, проявляется в его отсутствии: «Сама свобода от них [от пороков, в которых Гамлет обличает женский пол] составляет ее характер. Обратите внимание на волшебный дар Шекспира творить женский характер из самого отсутствия характера» [Ibid, p. 362]. Уильям Хэзлитт (William Hazlitt, 1778—1830) и вовсе как будто избегает рассмотрения любой проблемы, возникающей в связи с Офелией. В работе *The Characters of Shakespeare's Plays* (1817), в эссе, посвященном «Гамлету», он ограничивается лишь несколькими замечаниями на ее счет. Она — «цветок, увядший слишком рано», «характер едва ли не слишком трогательный, чтобы на нем подробно останавливаться» [Hazlitt, 1890, p. 80].

Суммируя романтические представления об Офелии, можно сказать что критики, принадлежавшие к данному направлению, описывая ее как идеальное воплощение чистоты, кажется, воспринимают Офелию скорее как символ, нежели как полноценный драматический характер. Даже Уилсон, который в своем анализе оказывается многословнее других, открывает свои рассуждения об Офелии однозначной декларацией: «О характере Офелии, а также о ее положении в пьесе, сказать следует немного»[7].

Шекспировская Офелия и английская мораль

Романтический образ Офелии закреплялся в массовом сознании также посредством сценических воплощений. Видимо, чтобы поддержать его чистоту, из постановочных текстов трагедии выма-

[6] Ibid.
[7] Ibid. P. 511.

рывались эпизоды, которые могли бы поставить под сомнение невинность Офелии, нарушить ее безупречное совершенство. Грубое обращение с ней Гамлета во время свидания в галерее (*Hamlet*, III; 1), так же как и его недостаточно участливое, по мнению большинства, отношение к смерти Офелии, могли сбивать с толку и вызывали недоумение, но их критики еще могли оправдать. Сложнее дело обстояло с присутствием в тексте нескромных песен, которые Офелия поет, утратив рассудок (*Hamlet*, IV; 5), с очевидной способностью девушки понимать произносимые Гамлетом непристойности во время сцены мышеловки (*Hamlet*, III; 2). Сами эти «непристойности», в соответствии с традицией XVIII в., при постановке обычно исключались вовсе. Известно, например, что в своем спектакле Джон Филипп Кембл в эпизоде сцены на сцене «весьма благоразумно удалил каждое слово, которое могло бы оскорбить деликатность Офелии»[8]. Заметной редукции подвергались и ее фривольные песни. Другими словами, идеализация героини вела к уменьшению ее присутствия на сцене, к стереотипизации характера, к утрате им его неповторимых черт в то самое время, когда Шекспира превозносили за мастерство индивидуализации персонажей, даже второстепенных.

Многие читатели в XIX в. готовы были пожертвовать «сомнительными» эпизодами также и в печатных редакциях пьесы: «Пока песни Офелии имеют отношение к печальной смерти ее отца, они выразительны и потрясают воображение. Но когда она переходит

---

[8] Цитата из письма Х. Мартина его дублинскому адресату (1802 г.) (цит. по: Hamlet and the Visual Arts, 1709—1900. P. 281).

В таком же виде сцену продолжали играть и позднее, что видно, например, из комментария Хелены Фосит, пик актерской карьеры которой пришелся на 40-е гг. XIX столетия: «Мы увидим ее [Офелию] еще один раз, в сцене мышеловки — словно в роли автоматической куклы; она терпеливо сидит на своем месте, насторожена, смотрит только на несчастного больного, который спрашивает разрешения положить голову к ней на колени. По тому немногому, что происходит между ними, мы замечаем, насколько бережно она обращается со своим своенравным, помешанным возлюбленным. И затем, не имея никакого представления о беде Гамлета, не находя ни одной ниточки, чтобы связать его состояние с событиями прошлого, она, напуганная новой вспышкой болезни Гамлета, вместе со всеми убегает во время отравления Гонзаго» (*Faucit M.H.* On Some of Shakespeare's Female Characters: by One Who Has Personated Them. I. — Ophelia // Blackwood's Edinburgh magazine. 1881. January. Vol. 129. P. 74).

Даже на исходе столетия в английских постановках «Гамлета» диалоги принца с Офелией преимущественно игрались с изъятием нескромных реплик. Так, в 1899 французская актриса Сара Бернар, защищая свою трактовку Гамлета, не без иронии отмечала, что в использованном ею французском переводе пьесы гораздо меньше купюр, чем это принято в английском театре. Известно также, что решение Сары Бернар вернуть на сцену «запрещенные» реплики Гамлета к Офелии встретило мощную моральную оппозицию (см. по этому поводу интервью С. Бернар газете *Daily Chronicle* (недатированная вырезка, Театральный музей, Лондон); а также публикацию в *Morning Post*, 13 June 1899).

к непостоянству возлюбленного — как можем мы примирить даже простое знакомство с такими непристойностями с невинностью и очарованием Офелии? Эти обрывки бессвязных стихов следует вычеркнуть из пьесы, ибо лучше навлечь на себя неодобрение тех немногих, которые все равно любой ценой сохранят эти обрывки в памяти, нежели допустить, чтобы милая Офелия упала в наших глазах из-за того, что помнит заурядные низкопробные строчки, отпечатанные в многочисленных изданиях нашего поэта»[9].

Что касается Джона Уилсона, то он, изначально не проявлявший озабоченности вопросом, вероятно, все же испытывал некоторую неловкость по поводу «проблемных» эпизодов, ведь обращаясь к широкой читательской аудитории, невозможно игнорировать исповедуемые ею ценности. В конце концов и он тоже вынужден объяснить, почему Офелия, утратившая рассудок, поет песни, какие невозможно услышать из невинных уст. «Горацио говорит, что «ее слова — ничто»[10]. Да, они — почти ничто. Однако обрывки старинных песен — уже нечто», — пишет Уилсон в статье 1833 г.[11] Возвращаясь к анализу шекспировской героини, он не только называет причину, которая заставляет Офелию петь столь неподобающие песни (ее безумие), но также указывает их источник: вероятно, нянька напевала их, когда Офелия была совсем ребенком, неспособным понимать, что она слышит[12].

---

[9] *Bicknell J.L.* Analysis of the Play of Hamlet // Original Miscellanies, in verse and prose. 1820. P. 179.

[10] Цит. Шекспира в пер. М. Лозинского (*Hamlet*, IV; 5:7). Уилсон ошибается: реплика принадлежит не Горацио, а также присутствующему в сцене Первому дворянину.

[11] *Wilson J.* Characteristics of Women. No. III. — Characters of passion and imagination // Blackwood's Edinburgh magazine. 1833. March Vol. 33. P. 407. Статья представляет собой рецензию на вышедшую в 1832 г. нашумевшую книгу Анны Джеймисон «Характерные черты женщин, нравственные, поэтические и исторические» (*Jameson A.* Characteristics of Women, Moral, Poetical and Historical). Работа представляла собой оригинальное прочтение пьес Шекспира сквозь призму женских характеров. Новаторство Джеймисон состояло и в том, что она использовала шекспировских героинь в качестве актуальных примеров для подражания: подобно тому, как прежде мужские персонажи и даже сама фигура драматурга становились образцами для читателей мужского пола. В указанной журнальной статье Уилсон не ограничивается рецензированием, используя работу Джеймисон как повод и самому углубиться в анализ женских характеров Шекспира.

[12] Существует устойчивая версия, будто данное объяснение ввела в литературоведческий оборот Мэри Коуден Кларк — на это есть указание в том числе и в последнем арденовском издании «Гамлета». Действительно, в книге Кларк «Детство шекспировских героинь» целый эпизод посвящен объяснению того, где Офелия выучила сомнительные народные баллады, которые она напевает, утратив рассудок (включая и пресловутый стих на День Валентина (*Hamlet*, IV; 5): конечно же, Офелия еще ребенком почти бессознательно подхватила их от своей невежественной и неосмотрительной кормилицы. Однако, по-видимому, такое представление во время написания книги о детстве шекспировских героинь уже было общим местом. В 1832 г. в книге Анны Джеймисон и в 1833 г. в рецензии Уилсона на ее работу присутствует точно такое же объяснение (у Уилсона даже в более развернутом виде).

Мы видим, как на данном этапе развития шекспировской критики формируется легенда о возможном прошлом Офелии. Окончательному утверждению апокрифа способствовала, по всей видимости, книга Мэри Коуден Кларк (Mary Cowden Clarke, 1809—1898) «Детство шекспировских героинь в серии рассказов» (*The Girlhood of Shakespeare's Heroines in a Series of Tales,* 1850—1852), написанная уже в Викторианскую эпоху (см. сноску 14). Однако общественная мораль развивалась в направлении пуританизма, так что поборники ее, вероятно, не были в полной мере удовлетворены оправдательными рассказами о ранних годах Офелии. Даже Эндрю Сэсил Брэдли (Andrew Cecil Bradley, 1851—1935) в своей знаменитой «Шекспировской трагедии» (*Shakespearean Tragedy*, 1904 г.) считает необходимым вновь сделать ремарку по поводу песни на день святого Валентина и заодно по поводу претензий викторианских моралистов. «Возможно, подобные люди неизлечимы, — желчно замечает Брэдли, — однако их можно было бы попросить принять во внимание, что у Шекспира Дездемона, которая "целомудренна как лед и чиста как снег", поет старинную песню с такими словами:

"Я падок на женщин, а ты — на мужчин"»[13] [Bradley, 1904, p. 166].

Хелена Фосит. Сопереживающее истолкование

В английской сценической традиции XIX столетия, превратившей Офелию в почти безмолвный персонаж, где недостаток реплик невозможно было возместить прямым объяснением мотивов персонажа (неважно, нашедших отражение в шекспировском произведении или же вымышленных), характер Офелии, по всей видимости, представлялся незначительным. Хелена Фосит (Helena Faucit, Lady M. 1817—1898), одна из ведущих актрис британской сцены середины века, вспоминает, что в театре обычным делом было почти пренебрегать Офелией как героиней, «которая становится интересной, лишь когда теряет свой слабый рассудок»[14]. В 1880 г. Х. Фосит сама пишет для *Blackwood's Magazine* эссе «Офелия» (*Ophelia*, опубликовано в 1881 г.)[15], в котором отчасти исправляет допущенную несправедливость.

---

[13] Цит. Шекспира в пер. М. Лозинского (*Othello*, IV; 3:59).

[14] *Faucit M.H.* On Some of Shakespeare's Female Characters: by One Who Has Personated Them. I. — Ophelia // Blackwood's Edinburgh magazine. 1881. January. Vol. 129. P. 66.

[15] Статьи о нескольких шекспировских героинях, которых Фосит в разное время представляла на сцене, оформленные в виде писем друзьям, по очереди публиковались на страницах *Blackwood's Edinburgh Magazine*. Затем были объединены в сборник «О некоторых женских характерах Шекспира» (*On Some of Shakespeare's Female Characters*, 1885) и напечатаны отдельно, что лишний раз свидетельствовало об их популярности.

Говоря о собственном методе интерпретации характера, Фосит подчеркивает, что с самого начала ее понимание роли основывалось на игнорировании критики — зиждилось на способности идентифицировать себя с персонажем, на сопереживании ему, на особого рода интуиции. Актриса намеренно отказывается от исследовательской отстраненности в пользу искреннего, на чей-то взгляд, возможно, даже чересчур эмоционального отклика.

Для Фосит понять Офелию означает научиться чувствовать, как чувствует героиня, услышать голос собственного «женского сердца», которое поможет пережить опыт другой (вымышленной!) женщины. В своих письмах она снова и снова описывает размывание границ между актрисой и ролью — с этого и начинается для нее изображение шекспировского характера. Для Фосит текст трагедии — только отправная точка, далее актриса наполняет роль собственными жестами, чувствами, собственными средствами выразительности: «Я пыталась передать не только его [Шекспира] слова, но также, посредством сопереживающего истолкования, — его глубинные смыслы; смыслы, которые возможно разгадать лишь при помощи отклика, идущего от сердца. Такой отклик есть воображение сердца»[16]. Она убеждена, что в этом состоит обязанность актера и одновременно его особое право, его привилегия: «Я вижу в Офелии одно из самых сильных доказательств, оставленных нам великим мастером, — веры в искусство актера (в его собственное искусство); доказательство его веры в способность, присущую, по крайней мере, натурам сопереживающим, заполнить намеченные им контуры, пробудить подлинную, яркую жизнь в творениях его ума»[17], — пишет она в письме-эссе об Офелии.

Фосит даже не называет свое ви́дение образа Офелии трактовкой, актриса говорит о некой целостной идее, из которой она исходит, объясняя любое проявление характера Офелии в действии (или при отсутствии такового). Видимо, именно ради этой целостности представления Фосит сначала излагает предысторию Офелии, многие обстоятельства которой были уже знакомы викторианскому читателю по книгам А. Джеймисон и М. Кларк. Актриса пишет, что представляла свою героиню ребенком, выросшим без матери: едва дав жизнь Офелии, несчастная женщина умирает. Воспитавшая девочку крестьянская семья — грубые, простые люди, не имеющие представления о существовании внутреннего мира. У маленькой Офелии не было друзей среди детей ее склада. Детство свое она проводит одиноко, на лоне природы, «бродя вдоль ручьев, собирая цветы, сплетая их в гирлянды и венки, запоминая названия диких трав, растущих по полянам и лощинам, <...> жадно

[16] *Faucit M.H.* Op. cit. P. 76.
[17] Ibid. P. 66—67.

слушая деревенские песни, которые пели ей, баюкая или стараясь развлечь; слова этих песен (по сельскому обычаю, не слишком благородные) вместе с мелодией вновь отчетливо всплывают в ее памяти — как ни странно, подобные вещи именно так и происходят — только когда рассудок покидает ее»[18].

Стареющий Полоний любит Офелию, точно так же, как и ее брат Лаэрт, но она не перестает от этого чувствовать себя одинокой, ведь ни брат, ни отец не пытаются понять жизнь ее души, а любовь их имеет оттенок снисходительности. Их отношение к Офелии проявляет себя, например, в той бесцеремонности, с которой они говорят о чувстве Офелии к Гамлету, поучая ее быть осторожной. Затем в том, как отец не видит ее подавленности после беседы с Гамлетом (*Hamlet*, III; 1:176—178). Фосит замечает, что после смерти Офелии Лаэрт не слишком горюет о сестре: ведь мстить Гамлету он намеревается за отца, лишь только смерть отца одна не дает ему покоя, но не участь сестры. Даже Гамлет не вспоминает больше о своей возлюбленной после последнего мучительного свидания с ней, ее судьба не вызывает у него никакого беспокойства, и актриса надеется, что хотя бы у гроба принц почувствует запоздалый укол совести[19].

Разумеется, Офелия Хелены Фосит детски невинна, и тому есть правдоподобное объяснение: «Когда мы видим Офелию впервые, — сказано в эссе, — нетрудно предположить, что при дворе та провела лишь несколько месяцев. <...> [Офелия] остается такой же чистой, неиспорченной и простой, какой она приехала из своего сельского дома»[20].

Одиночество героини, ее связь с природой («прелестное дитя природы» называет ее Фосит), ее свободная от всякого порока душа, ее красота, уподобленная красоте нераспустившегося бутона, — все перечисленные Фосит качества остаются в границах представлений, которые викторианская критика заимствовала у романтиков и впоследствии стереотипизировала. Но кроме того актриса также высказывает и свои возражения по поводу распространенных интерпретаций, склонных обвинять Офелию в слабости натуры. Основанием для обвинений было согласие героини стать приманкой, согласие помогать Королю и Полонию, которое расценивалось как предательство Гамлета (*Hamlet,* III, 1). Фосит

[18] Ibid. P. 69.

[19] С.Т. Колридж иначе трактует «безразличие» Гамлета. Он пишет о том, что оно было обусловлено драматической необходимостью, чтобы не отвлекать внимание зрителя любовной линией: «Любая непосредственная демонстрация чувства Гамлета к Офелии в дальнейшем нарушила бы целостность читательского интереса; и все же внимательный читатель догадается о нем по тому, как Гамлет допекает несчастного Полония, не желая оставить его в покое» [Coleridge, 1904, p. 363].

[20] *Faucit M.H.* Op. cit. P. 69.

пишет, что именно эта сцена навлекает на Офелию самые несправедливые обвинения. По мнению исследовательницы, Офелия в этот момент увлечена лишь мыслью о том, что, возможно, Гамлет все же ее любит и что она, возможно, стала причиной его помешательства (и потому она чувствует вину). Офелия не видит ловушки. И она, если и виновата перед своим возлюбленным, жестоко искупает эту вину уже в самом начале диалога, когда Гамлет обрушивает на нее град незаслуженных и непонятых ей обвинений: «Многие из этих слов, этих упреков, должно быть, без вреда прогремели над ее невинной головой, не понимающей, что они означают. Однако какова картина (и кто смог бы такую написать?): оглушенный, сбитый с толку агнец с раненым сердечком, стоит вот так, один, и слышит, как на нее обрушиваются обвинения во всех грехах ее пола! Она способна лишь шептать молитву — ни единой мысли о ее собственном отчаянии у нее не появляется»[21].

Затем Фосит снимает с Офелии обвинения не только в слабости характера, но и в лживости — ведь Офелии не могут простить того, что она лжет Гамлету в ответ на вопрос принца об отце (*Hamlet*, III; 1:127—129): «Должна ли она, будучи вот так призванной к ответу, подвергнуть немолодого человека оскорблениям, жестокости безумного гнева Гамлета, которые, как ей кажется, должны обрушиться на отца, если она скажет правду? Нет, как и Дездемона, она обращается к обману и, чтобы заслонить мужа, оставляет это на своей совести: “Кто это сделал? — Никто не сделал. Я сама. Прощай. Привет мой мужу милому”. Кому придет в голову порицать Дездемону? Как говорит Эмилия, “тем этот ангел чище”. И, тем не менее, я видела, как ответ Офелии приводили в качестве доказательства слабости ее характера, и слабость эта, было сказано, стала причиной неудач Гамлета или, по крайней мере, сыграла огромную роль в его внутренней трагедии. Такую слабость я называю силой в наивысшем, наиболее благородном смысле этого слова, потому что речь идет о наибольшем самоотречении»[22].

Критический подход Хелены Фосит, в котором специфическая женская интуиция становится основным «исследовательским» инструментом, может показаться старомодным даже для 1880 г. В английском литературоведении последней четверти века усиливается позитивистское направление: появляется стремление организовать литературную критику по образцу естественных наук. Тон здесь задавало Новое шекспировское общество (активно действовало в 1873—1894 гг.). Члены Общества были захвачены идей установления *фактов*, составляющих исторический контекст шекспировских произведений. Это выражалось, например, в сосредоточен-

[21] Ibid. P. 73.
[22] Ibid. P. 73.

ности председателя Общества, Фредерика Джеймса Фернивелла, на «метрических и фразеологических особенностях Шекспира» как средстве установления правильной хронологии произведений драматурга и поэта (другими словами, на воссоздании истории его творческого *прогресса*), а в дальнейшем — в том, как Фредерик Фли настаивал на необходимости применить к изучению Шекспира количественный подход, позволяющий критику «взвесить, измерить и численно выразить» результаты своего исследования.

В противоположность Новому шекспировскому обществу критический подход, объединивший в конце века столь разных людей, как актриса Хелена Фосит, поэт Алджернон Суинберн и даже профессор Эдвард Дауден (с исследовательскими выводами которого Фосит демонстрирует полное несогласие), сосредоточен на эмоциональных и иррациональных аспектах творчества Шекспира, тогда как представители Общества были склонны исключать из поля научного внимания подобные проблемы[23]. Часто, впрочем, «интуитивный» подход ориентировался в большей степени на неподготовленную аудиторию, на читателей периодических изданий, которые демонстрировали потребность в объяснении шекспировского творчества, однако не интересовались «численно выраженными» выводами, какие пропагандировало Новое Шекспировское общество. Но даже учитывая подобную ориентированность, мы не можем еще отделить академическую критику от популярной, не можем провести между ними четкую границу. Очевидны взаимовлияния: не только обусловленность «популярной» критики состоянием научной дискуссии, но и ассимиляцией «популярных» выводов профессиональными учеными. В качестве примера такой ассимиляции можно привести заимствование Э. С. Брэдли некоторых результатов исследования Х. Фосит, которые она получила, применив свой интуитивно-эмоциональный метод.

В «Шекспировской трагедии» (1904), которую справедливо считают *суммой викторианского шекспироведения*, Брэдли, как и Фосит, защищает Офелию в том, что она подчиняется отцу. Уче-

[23] А. Суинберн называл «метрический» анализ, излюбленный метод Нового шекспировского общества, методом «намозоленного глаза и заскорузлого пальца педанта» [Swinburne, 1880, p. 7]. И хотя Суинберн также был сосредоточен в своем исследовании на изменениях в языке Шекспира, он считал, что подобные модуляции «способно заметить лишь ухо, но не палец» [ibid., p. 16].

Э. Дауден, высказываясь против позитивистских методов в шекспироведении, писал о невозможности окончательной рационализации «Гамлета». Он видел в трагедии не головоломку (puzzle), но тайну (mystery), «которая бесконечно взывает к мысли, все время что-то подсказывает, но никогда не будет вполне объяснена <...> Сама эта неясность есть неотъемлемая часть произведения искусства, в котором речь не о проблеме, а о жизни» [Dowden, 1881, p. 112].

ный не видит причины, почему героиня должна была бы отказаться стать приманкой в затеянной Клавдием и Полонием ловушке — почему бы ей не пойти на это и тем самым не прояснить вопрос о причине безумия Гамлета? Ведь если ее холодность к принцу действительно вызвала его душевное расстройство, Офелии будет позволено исцелить возлюбленного своей милостью. «Следовало ли ей отказаться от предложенной роли лишь потому, что ей самой было бы больно сделать, как велели?» — вопрошает Брэдли. И тут же дает собственный ответ: «В том, что она соучаствует в “сговоре” (как его нелепо называют), я вижу признак не слабости, но самопожертвования и силы» [Bradley, 1904, p. 164]. Затем исследователь снимает с Офелии обвинение во лжи. Вслед за Фосит он проводит здесь параллель между Офелией и Дездемоной, говоря о том, что в обоих случаях имела место «спасительная» ложь. Однако если Дездемону за такую ложь превозносят, то Офелии не могут ее простить, словно это тяжкое преступление. «Говоря серьезно, разве это слабость, разве это, напротив, не героизм — что обычная девушка в столь ужасный момент не потеряла присутствие духа, не отступила, осталась верной своей задаче — ради Гамлета и ради собственного отца?» [ibid.] — завершает Брэдли свою мысль в свойственной ему вопросительной манере. Он едва ли не цитирует аргументы Х. Фосит, которая, как мы знаем, даже не была профессиональным журнальным обозревателем — не только исследователем. Не этим ли вызвано отсутствие в «Шекспировской трагедии» ссылок на работу актрисы, хронологически более раннюю?

Заключение

На протяжении всего XIX столетия в английском восприятии трагедии «Гамлет» преобладала тенденция к идеализации Офелии, что отразилось и в обширной шекспировской критике на страницах периодических изданий. Мы видим, как эпоха стремились возвести в абсолют добродетельность Офелии, без сожалений жертвуя фрагментами шекспировского текста, добиваясь однозначности, безоговорочности характеристик. Ранние викторианские исследователи (конец 30-х — начало 50-х гг.), декларируя и защищая безукоризненность Офелии, акцентируя внимание читателя на ситуациях пьесы, которые демонстрируют наивную, неискушенную неопытность героини, конечно, берут за основу понимание характера, унаследованное от романтиков. Но в то же время интерес их зачастую выходит за рамки чисто литературоведческого, потому Офелия из драматического образа почти превращается в морально-этическое клише, в образец для подражания. Ее портрет

вполне соответствует складывавшемуся в викторианском обществе идеалу женственности[24].

Желание видеть события шекспировского «будущего» героини как предопределенные придуманным критиками прошлым (см. легенду о детстве Офелии, на которую ссылается журнальный обозреватель Уилсон, находя такую практику естественной) обусловлено, с одной стороны, викторианской идеей развития, верой в строгую детерминированность всех событий на Земле, в том числе и событий человеческой жизни. С другой стороны — это и попытка добиться полноты представлений о героине, о которой текст трагедии (особенно, отцензурированный) сообщает очень мало.

Современные исследователи читательского восприятия видят его природу в особенностях осмысления литературных персонажей, в человеческой потребности знать о них больше, чем позволяет художественный текст [Bristol, 2000, p. 89—102]. Также базовым условием к пониманию текста является восполнения его смысловых пробелов и умолчаний. Человечество развило данный навык на самых ранних стадиях развития общества. Если говорить о вымышленных персонажах, то о многом в их характере мы догадываемся, исходя не из текста произведения, не из его намеков и подсказок, а только из собственной картины мира. Так поступают не только рядовые читатели, но также и исследователи. Это особенно видно в более ранних работах, когда литературоведение еще не было вполне институционализировано[25].

При этом понять сюжет для XIX в. во многом означало понять героя, проникнуть в самую суть его характера. Неслучайно одним из самых влиятельных и продуктивных направлений в англоязычном шекспироведении столетия была *критика характеров*. Здесь

[24] Идеал викторианской женщины, кроткой, обаятельной, самоотверженной, чуткой и благочестивой, получает воплощение в поэме К. Пэтмора «Ангел в доме» (*The Angel in the House*, 1854). Пэтмору удалось столь точно передать представление современников об идеале, что вскоре после выхода поэмы в свет, ее название становится нарицательным. Этот стереотип прочно укрепился в британском обществе, так что сохранял актуальность и в первые десятилетия XX в. В. Вулф, саркастически высказываясь об ангелоподобной женщине (в русском переводе эссе Вулф «Angel in the House» называется «Гением Домашнего Очага»), подчеркивает основное ее достоинство: «Но главное, как вы сами понимаете, это — что *она чиста*. *Чистота* — ее лучшее украшение, стыдливый румянец заменил ей хорошие манеры» (курсив мой. — *Ю.Д.*) (*Вулф В.* Женские профессии / Пер. И. Бернштейн.

[25] Примечательно, например, как Брэдли, объясняя характер Офелии, то и дело апеллирует к собственному опыту или исходит из собственных представлениям о мире. Например, он выражает надежду, что у него достанет храбрости повести себя в непростой ситуации так, как это делает Офелия, т.е. солгать, когда взбешенный душевнобольной станет задавать вопросы, на которые невозможно ответить честно. Подобные примеры можно умножать, однако вне зависимости от их количества, сами по себе они не делают критику Брэдли любительской.

в фокусе изысканий оказываются, как видно из названия, характеры трагедии, при этом развитие так называемого внешнего конфликта чаще всего остается за пределами внимания исследователя. Данная традиция зародилась внутри романтической школы, которая открыла в Гамлете характер как таковой и перенесла фокус рассмотрения во внутренний мир персонажа. Данную тенденцию, в частности начал развивать С.Т. Колридж, который понимал характер трагедийного протагониста — в том числе и Гамлета — прежде всего как психологический портрет.

В журнальной критике восприятие Гамлета как живого человека, абсолютизация значения этого характера приобретает уже более радикальные формы. «Это единственная пьеса, которая существует почти целиком благодаря характеру одного-единственного человека. Кто когда-либо знал Гамлета в повседневной жизни? И при этом кто же, при всей идеальности данного характера, не ощущает его принадлежность к реальности?»[26], — пишет в 1818 г. Джон Уилсон. «Одушевление» Гамлета постепенно становится все менее осторожным, так что в 1828 г. Хартли Колридж в статье для того же *Blackwood's Magazine* уже приглашает своих читателей «на мгновение забыть о Шекспире и подумать о Гамлете, как о реально существовавшем человеке, как о знакомом, который недавно скончался»[27]. И подход этот оказался удивительно долговечным. Даже Брэдли, который декларировал переход к научному осмыслению шекспировской драмы взамен «психологического», сам все еще был склонен воспринимать Гамлета так, как если бы принц датский мог жить собственной жизнью, вне трагедийного сюжета. В таком контексте совсем не выглядит неожиданным утверждение Анны Джеймисон о том, что «из всех характеров, нарисованных Шекспиром (за исключением Гамлета), только Офелия заставляет нас забыть о поэте ради его собственного создания. Всякий раз, когда думаешь о ней, возникает одно и то же исключительное ощущение ее действительного существования — безотносительного к той чудесной силе, которая пробудила ее к жизни» [Jameson, 1891, p. 111]. Тем более оправданно умение Хелены Фосит сопереживать драматургическому персонажу. Однако что касается «собственной жизни» Офелии, которой героиня живет за пределами текста трагедии, то в этом можно усмотреть уже более серьезное злоупотребление критикой характеров и счесть эту жизнь следствием чрезмерного применения данного метода, популяризируемого журнальной критикой.

---

[26] *Wilson J.* Letters on Shakspeare. No. I. — On Hamlet // Blackwood's Edinburgh magazine. 1818. February. Vol. 2. P. 510.

[27] *Coleridge H.* On the Character of Hamlet // Blackwood's Edinburgh magazine. 1828. November. Vol. 24. P. 585.

Список литературы

Bradley A.C. Shakespearean Tragedy. London, 1904.

Bristol M. Vernacular criticism and the scenes Shakespeare never wrote // Shakespeare's Survey 53. Cambridge, 2000.

British Literary Magazines: The Romantic Age, 1789—1836 / Ed. by A. Sullivan. London, 1984.

Clarke M.C. Ophelia, the Rose of Elsinore // The Girlhood of Shakespeare's Heroines: in a Series of Tales. N.Y., 1981. Vol. 3.

Coleridge S.T. Lectures and Notes on Shakespeare and Other English Poets. London, 1904.

Dowden E. Shakespeare, a Critical Study of His Mind and Art. N.Y., 1881.

Hazlitt W. Hamlet // Lectures on the Literature of the Age of Elizabeth and Characters of Shakespeare's Plays. London, 1900.

Jameson A. Shakespeare's Heroines: Characteristics of Women, Moral, Poetical and Historical. London, 1891.

Swinburne A.C. A Study of Shakespeare. London, 1880.

Поступила в редакцию
10.01.2011

А.А. Соколова, аспирантка кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: osa.05@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ИСПАНИИ: РАСЦВЕТ КОЛОНКИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI вв.

Статья посвящена становлению аналитических жанров журналистики в Испании и формированию разновидностей комментария, в частности авторской колонки, из литературной статьи. На основе обзора испанской публицистики XIX и XX веков и опыта американских колумнистов автор делает выводы о развитии колонки в Испании. Одним из основных выводов является мысль, что огромная популярность авторских колонок в Испании на современном этапе обусловлена тем, что этот жанр отвечает особенностям национальной журналистики, отличающейся политизированностью и субъективизмом и стремящейся к персонализации новостей и комментариев.

Ключевые слова: *комментарий, колонка, Испания, аналитика.*

The article gives an overview of the formation of analytic genres in Spain, in particular the formation of variety of the comment genre, including the column, of the literary article. The author bases on the review of the Spanish political journalism in the XIX and XX century and on the experience of American columnists and makes a resume of the development of the column genre in Spain. The conclusion: the grate popularity of the column in Spain in its current stage corresponds to the peculiarity of the national journalism, which is marked by politicization and subjectivism and tends to personalize the information and the comment.

Key words: *comment, column, Spain, analytics.*

Становление испанской аналитической журналистики в XIX — начале XX вв.

Процесс разделения журналистики на информационную и аналитическую большинство исследователей относят к XVIII в., когда в печати закладываются основы ключевых жанров [Abril Vargas, 2009, p. 32]. Новостные жанры формируются в ежедневной прессе, а аналитические развиваются из печати еженедельной и ежемесячной, имевшей полемическую или образовательно-литературную направленность. Примерами последней в Испании являются такие издания, как «Эль пенсадор» (1762), «Эль сенсор» (1781), «Эль дьярио де лос литератос де эспанья» (1737). Возможности аналитической журналистики, выросшей из полемических памфлетов и сатирических листков, сразу же были оценены политиками и представителями элиты общества, которые начали подкреплять свое влияние изданием газет и журналов.

Аналитические жанры находятся в области пересечения журналистики и литературы, поэтому всегда было сложно их классифицировать и дать им точное определение. У истоков столь популярных в современных изданиях авторских колонок стоял литературно-публицистический жанр эссе. В Испании одним из отцов этого жанра был Марьяно Хосе де Ларра (1809—1837), которого испанский критик и литературовед Гильермо Диас-Плаха назвал «нашим первым журналистом» [Пашков, 2002, с. 79]. За восемь лет творчества Ларра опубликовал около 200 статей, в которых ярко проявился его сатирический гений, критиковавший общественную и политическую ситуацию.

«Смеяться над нелепостями — таков наш девиз; быть читаемыми — такова наша цель; говорить истину — таков наш метод» [Ларра, 1956, с. 48], — писал Ларра в предисловии к своему изданию «Эль побресито абладор» — «Простодушный болтун». В этом сатирическом журнале, который Ларра начал издавать в 1832 г., публицист искренне выражал идею того, что с помощью веры в завтрашний день можно победить застарелый консерватизм общества, развеять иллюзию испанского патриотизма, который продолжал жить лишь достижениями прошлых веков. Ларра острее других воспринимал отсталость своей страны и сравнивал ее общественный дух со старухой, которая в 1829 г. педантично прочитывала газету от первой до последней полосы и делала критические выводы, не понимая, что в ее руках газета 1823 г. издания [Ларра, 1956, с. 59].

XIX век стал ключевым для развития политизированной журналистики, которая играла главенствующую роль в странах англосаксонского мира до середины столетия, а в Южной Европе, особенно в Испании и Италии даже до середины века XX. Оккупация Испании наполеоновскими войсками (1807—1814) и сопутствовавшая этому народная война дали толчок к росту гражданского самосознания. Для испанской истории XIX век был необыкновенно насыщен противоречивыми событиями: пять революций и пять реставраций монархического режима, соответственно пять либеральных конституций и столько же возвратов к подавлению свободы мысли, времена власти учредительных собраний и военных диктатур.

1860—1880-е гг. для Испании стали важным периодом, на который пришлась Славная Революция 1868 г., непродолжительное установление республиканского правления, восстановление монархии. В это время оформляются политические партии и разрабатываются их программы, определяются основные силы не только на политической, но и на социальной арене. Благодаря либеральному закону о печати 1883 г. испанская печать получила новый импульс развития, в результате чего, как отмечает исследователь

Пьер Альбер, период до 1931 г. можно назвать золотой эпохой испанской журналистики [Albert, 1990, p. 199].

К этому периоду относится творчество писателей и журналистов так называемого «поколения ’98», воодушевленных идеями М.Х. Ларры. На глазах нового поколения публицистов в 1898 г. произошел окончательный крах Испанской империи, потерявшей в Испано-Американской войне свои колонии в Пуэрто-Рико, на Кубе и Филиппинах. Этот морально-политический кризис дал толчок к развитию публицистики таких представителей этого поколения, как Мигель де Унамуно (1864—1936), Пио Бароха-и-Несси (1872—1956), Антонио Мачадо (1875—1939), Асорин (Хосе Аугусто Мартинес, 1873—1967). Проблема испанской нации, патриотизма, национализма испанских автономий, разделения Испании на две, настоящую убогую и прошлую великую, подняло национальную публицистику на новый уровень. Представители «поколения ’98» выражали свои идеи в таких журналах, как «Дон Кихот» (1892—1902), «Вида Нуэва» (1898—1900), «Альма эспаньола» (1903—1905). Одним из базовых изданий для продолжателей традиций этого поколения стал один из самых крупных испаноязычных журналов в сфере науки, культуры и литературы под названием «Ревиста де оксиденте». С 1923 по 1936 г. он выходил под руководством выдающегося публициста и философа Хосе Ортеги-и-Гассета (1883—1955).

Несмотря на активное развитие публицистики, стоит отметить, что в начале XX в. Испания была еще полностью погружена в предыдущее столетие и практически не затронута общеевропейским прогрессом. Большинство населения оставалось неграмотным, и лишь немногие могли читать газеты и журналы. Издания отражали только мнение своего учредителя и издателя в одном лице, который обычно и диктовал редакционную политику. Это не давало возможности демократическому развитию различных мнений и точек зрения, которые могли бы выражаться в авторских комментариях.

На рубеже веков испанская печать находилась в глубоком экономическом кризисе. Это привело к исчезновению таких изданий, как «Эль тьемпо», «Эль коррео». На плаву остались лишь крупные газеты, которые поддерживались различными политическими силами, например еженедельник «Эль сосиалиста», издававшийся социалистической рабочей партией с 1886 г.

Независимым изданиям сложно было выжить в таких условиях. Одним из исключений является газета «Ла Вангуардия», которая начала выходить в 1881 г. как орган либеральной партии Барселоны, но вскоре с 1888 г. стала самостоятельным изданием, в котором удачно применялись современные технологии. На страницах этой газеты активно выражали свою позицию авторы «поколения ‘98».

Многие из них публиковали свои колонки и в появившемся чуть позже (в 1903 г.) издании консервативного толка — газете «АБС».

Традиция авторской колонки пришла в Испанию из США, где печатные издания приобрели коммерческий характер уже в последней четверти XIX в, что повлекло за собой ряд изменений, в том числе и жанровых преобразований. По мнению американского исследователя Фрейзера Бонда, именно к этому времени относится зарождение колонки [Bond, 1974, p. 273]. Считается, что писатель Юджин Филд стал первым, чья авторская подпись появилась под материалами такого жанра, — в 1890-е гг. в газете «Чикаго дэйли ньюз» Филд вел сатирическую колонку под названием «Остроты и тупости» («Sharps and Flats»).

Вплоть до 1870 г. американская газета была индивидуальным органом выражения, трибуной для своего издателя. Читатели искали в газете мнения Бенжамина Франклина, издававшего «Пенсильвания Газетт», или Уильяма Каллена Брайанта, поэта и редактора «Нью-Йорк Пост». И только к концу XIX в. американские СМИ отошли от персонального журнализма. Издание газет превратилось в полноценное промышленное предприятие, ответственность за которое необходимо было распределять между несколькими людьми. Это дало толчок развитию комментария, главным образом в форме редакционных статей, которые писались от лица всего издательства. Традиционное «я» сменилось новым издательским «мы», — характеризует этот процесс Фрейзер Бонд [Ibid., p. 273].

В то же время у персональной журналистики были и свои плюсы, которые вскоре перешли и в издания нового типа. Психологически читатель всегда предпочитал личное и подписанное мнение коллективно-анонимному. Поэтому в редакциях появилась необходимость разделения различных голосов: позиция издателя выражалась в редакционной статье, мнения других значимых сотрудников — в авторских колонках.

На начальном этапе своего развития колонки зачастую подписывались лишь инициалами. Так, например, в 1913 г. в издании «Нью-Йорк трибьюн» один из первых известных американских колумнистов Франклин Адамс (1881—1960) подписывал свою колонку «Ходовая рубка» («The Conning Tower») лишь тремя буквами своего имени «F.P.A.». Его коллега Хейвуд Браун (1888—1939) в этой же газете публиковал авторские комментарии в колонке под названием «Мне кажется» («It seems to me»). Он стал одним из первых в США, кто, по мнению Фрейзера Бонда [Ibid., p. 273], благодаря своему академическому образованию, уделял особое внимание культуре редактирования и стилю авторских колонок. Браун до конца отстаивал тот принцип, что колумнист имеет право выражать свое собственное мнение, вне зависимости от того,

совпадает ли оно или нет с мнением редакции. Его личная позиция зачастую не совпадала с тем, что писалось в передовицах, из-за чего Браун неоднократно вступал в конфликт с издателями.

Формирование колонки на основе литературной статьи

Американский опыт пришел в Испанию со значительным отставанием. Причины этого не только в технологическом несовершенстве основной массы испанских газет и журналов, но и в социально-политической обстановке, которая характеризовала страну в первой половине XX в. Авторские колонки как символ демократического мышления не могли свободно публиковаться в период гражданской войны (1936—1939) и в эпоху франкизма (1939—1975) Тем не менее предпосылки для развития этого аналитического жанра формировались именно в это время на фоне роста гражданского самосознания.

Отцом-основателем испанского колумнизма журналист Франсиско Умбраль (1932—2007) считал Сесара Гонсалеса Руано (1903—1965), который сделал большой вклад в становление жанра «литературной статьи», как он сам называл его в то время. Выражением своего личного «я» он противостоял фашистскому подавлению индивидуальности. «На улицах его читали намного больше, чем всех остальных представителей его группы. Они шли к общему через общее, что и так было очевидно. Он же шел к общему через личное и конкретное, через то, что в итоге и интересовало людей <...> Его успех в том, что он давал жизнь, свою жизнь по порциям, в то время как другие предлагали историю и эрудицию» [Umbral, 1994, p. 253], — писал о Руано Умбраль.

Отражение реальности через призму собственной жизни и судеб других людей — это одна из ключевых характеристик авторской колонки, особенно в журналистике Южной Европы. И Сесар Руано сумел угадать эту черту, которая десятилетия спустя будет отличать современный испанский колумнизм. Луиза Сантамария, автор книги «Журналистский комментарий», также выделяет эту способность Руано: «Неподкупная близость писателя — это один из самых верных способов для колумниста создать что-то популярное и доступное для всех» [Santamaria, 1990, p. 120].

В годы франкизма как такового определения колонки еще не существовало. Сам Сесар Руано сформировал лишь определение литературной или журналистской статьи, в котором можно найти характеристики авторского комментария и, в частности, колонки. По мнению Руано, литературная статья представляет собой смешанный жанр, находящийся между жанрами литературными и информационными, а сам журналист (в современных терминах — колумнист) «почти никогда не комментирует актуальные проис-

шествия, он комментирует актуальную обстановку, среду, что не одно и то же» [González Ruano, 1996, p. 402].

Статья стала тем стволовым элементом, из которого сформировались в дальнейшем многие другие аналитические жанры, в том числе и разновидности комментария. Первоначальные определения статьи были довольно общими и обтекаемыми. Например, в 1916 г. Хосе Мария Салаверрия, характеризуя этот жанр, писал: «Статья должна заинтересовывать читателя с первого слова <...> Она должна быть легкой и быстрой, такой ее хочет видеть читатель» [López Hidalgo, 1996, p. 46]. Но именно эти качества в дальнейшем будут характеризовать авторские колонки, которые, в отличие от глубоких аналитических статей, могут иметь свободную структуру эссе и не обязательно должны заканчиваться выводом. Таким образом, можно заключить, что изначально определение статьи содержало в себе потенциальную возможность для дальнейшего развития из нее других аналитических жанров.

Постепенно произошло разделение различных видов комментария на колонки редакционные и авторские. Некоторые дизайнерские ходы, а также необходимость в кратком комментировании того или иного повода без выделения в отдельную статью или колонку привели к появлению в испанской печати таких жанров, как «суэльто», или «глосса», которые представляют собой комментарий, располагающийся рядом с основным материалом на заданную тему.

Расцвет авторской колонки в испанской печати на рубеже XX—XXI вв.

Если эпоха франкизма препятствовала развитию аналитической журналистики в Испании и подрезала крылья жанру авторской колонки, то возвращение к демократическому режиму дало этому жанру новые крылья, а его авторам — свободу высказывать свое мнение. В конце XX в. утвердилась мода на колонки, и жанр вошел в период своего расцвета. Вплоть до того, что не только общенациональные издания, но даже каждая провинциальная газета считала необходимым иметь своего собственного колумниста. Мария Касальс в статье о журналистских колонках отмечает: «Демократия позволила множеству людей представлять различные мнения и, кроме того, чтобы ориентировать нас (это делает редакционная статья), немного думать и чувствовать за нас, ободрять нас, выражая те идеи, которые есть у нас самих, но которые мы никогда не сможем выразить в такой форме и с таким чувством»[1].

[1] *Casals Carro M.J.* La columna periodística: de esos embusteros días del ego inmarchitable. Режим доступа: http://www.ucm.es/info/emp/Numer_06/6-3-Estu/6-3-03.htm

В конце XX в. авторские колонки в испанской печати стали примерно тем же, чем «ток-шоу» на телевизионных каналах — способом приблизить массовую аудиторию к обсуждаемым проблемам посредством живой и непринужденной дискуссии, направляемой одним человеком, задающим ей тон. В это время колонки сделались во многом литературным продуктом для масс — для широкой публики, которая читает в спешке. Краткость и яркость — стали одними из ключевых характеристик такого рода колонок.

Стоит отметить, что четкого определения жанра колонки до сих пор не существует. Ее можно характеризовать с точки зрения положения в издании или с точки зрения стиля. Наиболее общее определение таково: колонка — это материал с авторской подписью, публикуемый регулярно и занимающий определенное место в издании, отличающийся свободой авторского стиля. Колонки могут быть написаны с разной степенью субъективности, могут быть привязаны к конкретной новости, а могут представлять собой эссе на свободную тему, лишь формально привязанную к актуальным событиям.

Колонки, вводящие в контекст новости, пишутся обычно журналистами, специализирующимися в конкретных областях. Они объясняют читателю то, что нельзя дать в рамках одной новости, — связывают событие с рядом других явлений, комментируют исторический контекст, дают перспективу возможных решений. Тон таких колумнистов обычно довольно сух, а их успех — в ясном и толковом представлении необходимой информации, которая должна помочь читателю войти в курс обсуждаемой проблемы и расширить тему основной новости. При этом, как и любая колонка, такой аналитический комментарий не является нейтральным и не избегает идеологической подачи информации (посредством подбора тех или иных фактов и т.п.), но предоставляет читателю гораздо больше свободы для собственного выбора той или иной позиции.

В англо-американской журналистике подобные «строгие» колонки и их авторы пользуются намного большей популярностью, чем в Испании, журналистика которой всегда была склонна к большей субъективности и политизированности. Тем не менее, такие качественные издания, как «Эль паис» и «Ла вангуардия» придают большое значение этому виду колонок. Подобные комментарии необходимы при подаче новостей о внутренней и внешней политике и экономике и располагаются на соответствующих полосах этих изданий.

Одним из заметных испанских колумнистов-аналитиков является заместитель директора газеты «Эль паис» Мигель Анхель Бастеньер, колонки которого выходят в разделе внешней политики.

В своих материалах (ограниченных по объему, как и каждая колонка) Бастеньеру удается умело сочетать анализ, информирование и выражение собственного мнения. К рассмотрению каждой проблемы он подходит фундаментально, оперируя достаточным количеством фактической информации, в том числе и статистики, используя авторитетные ссылки и цитаты — и все это в доступной для подготовленного читателя форме.

Интересен, например, его анализ ситуации в Латинской Америке, опубликованный в материале под названием «Декада Латинской Америки?»[2]. Колонка построена на контрасте официального доклада, который рисует оптимистическую перспективу развития региона, и реальных фактов, которые говорят об обратном. На этом сопоставлении Бастеньер умело строит анализ, охватывая ситуацию сразу в нескольких южноамериканских странах. Несмотря на краткость колонки, его заключения не кажутся поверхностными, поскольку он смотрит в корень проблем и делает выводы в традиционной риторической форме: «Во всей Латинской Америке, за несколькими исключениями в южной части континента, не хватает института государства: общественной безопасности, надежных сил правопорядка, юридической системы, подкрепляемой соответствующими нормами. Все это хорошо знает Карлос Кастресана, испанский юрист, который в этом году, как царь, сложил с себя полномочия в борьбе против беззакония в Гватемале, так и не получив поддержки от почти незаметного, коррупционного и бездействующего гватемальского государства. Демократия — это в том числе и оккупация территории, монополия насилия, профессиональный государственный аппарат, — все то, чье упущение создает образ провального государства. Ни это, ни следующее десятилетие не сможет стать декадой Латинской Америки, если не будет заново воссоздано Государство. Личная инициатива улучшает положение вещей, а общественная делает их доступными всем»[3].

Но при всем уважении к работе подобных колумнистов — «строгих» аналитиков, в Испании они почти никогда не становятся столь известными как те, кто пишет эмоционально окрашенные авторские колонки. И если учитывать американскую традицию, по которой колумнист — это тот, кто «больше информирует, чем представляет свое собственное мнение, тот, кто приобретает свой багаж знаний в библиотеке Конгресса, а также тщательно читая и анализируя специализированные издания», то для Испании нали-

[2] *Bastenier M.Á.* ¿La década de América Latina? // El País. 2010. 8 декабря. Режим доступа: http://www.elpais.com/articulo/internacional/decada/America/Latina/elpepiint/20101208elpepiint_14/Tes

[3] Ibid.

чие таких колумнистов так же сомнительно «как снег в тропиках», — считает Мария Касальс[4].

Приоритеты испанской аудитории в большинстве своем отдаются писателям или известным общественным деятелям, которые обладают литературным талантом, четкой идеологической позицией и выражают субъективные идеи, используя неповторимый авторский стиль. «Современный колумнист во многих случаях сам является протагонистом своих комментариев и отдает себе отчет в силе своей прозы. Иногда он сам является новостью и, пусть и непреднамеренно, но влияет на общественное сознание» [López Hidalgo, 1996, p. 182], — таков один из выводов, которые делает Антонио Лопес Идальго, исследуя испанские авторские колонки.

Одним из таких колумнистов, которые сами иногда становятся главными героями новостей, является известный испанский журналист Федерико Хименес Лосантос. Его колонки выходили в газетах «АБС» и «Эль мундо», его блог размещен на аналитическом онлайн-ресурсе «Либертад дигиталь». Статья Лосантоса под названием «Изъятие оружия» («Requisa de armas»), опубликованная в «Эль мундо» в 2007 г., вызвала массу откликов и долгий судебный процесс. В материале, посвященном левой республиканской партии Каталонии (ERC), ее члены были названы пособниками терроризма, а полиции предлагалось инспектировать офис партии, в котором может находиться оружие[5]. Такое заключение колумнист вывел из факта ареста двух представителей молодежного крыла партии, которых задержали после отправления главе одной из ассоциаций, выступающей против каталанского национализма, его портрета с пулей во лбу. Суд посчитал мнение Лосантоса «оскорбительным, поскольку оно приписывает преступные намерения или непосредственно преступления всей политической партии»[6], что не может быть оправдано ни информационным контекстом, ни свободой слова.

Тематически Хименес Лосантос занимается тем же, что и другие колумнисты-аналитики, — комментирует внутреннюю политику. Но то, как он это делает, не позволяет причислить его к описанной выше группе. Прежде всего потому, что его манера аргументации, стиль его суждений и его тон — все работает на четко выраженную идеологию, в которую он хочет обратить своего читателя, а не предоставить ему площадку для собственного выбора. Все его комментарии в большой степени авторитарны и служат для доказа-

[4] *Casals Carro M.J.* La columna periodística: de esos embusteros días del ego inmarchitable. Режим доступа: http://www.ucm.es/info/emp/Numer_06/6-3-Estu/6-3-03.htm

[5] Federico Jiménez Losantos, condenado por injuriar a ERC // El Mundo. 2009. 15 декабря. Режим доступа: http://www.elmundo.es/elmundo/2009/12/15/comunicacion/1260894711.html

[6] Ibid.

тельства единственно возможного мнения. Он не боится жестких оценок (помимо последней судимости за плечами Лосантоса еще четыре приговора о его вызывающих высказываниях[7]) и использует яркий и провокационный стиль: «У Хименеса Лосантоса длинный язык и легкая рука. Он рубит направо и налево, сверху и снизу, оставляя след везде, где проходит. Чтобы выжить, его стилю необходимо окружение из группы верующих. Ему все по душе, судя по тому, как он улыбается на скамье подсудимых, на которой оказывается довольно часто, поскольку часто оскорбляет», — так охарактеризовала этого колумниста «Эль паис»[8].

Примером вызывающего стиля Лосантоса может послужить материал под названием «Порновыборы и клептомания в Каталонии»[9], где он провокационно характеризует прошедшие выборы и поведение некоторых кандидатов, не стесняясь используя всю палитру лексики из метафорически выбранной сферы «порно»: «...если мадридский сановник из левых республиканцев, некий Ридао, — который, уж не знаю, из «Присы» ли он или просто хищник (игра слов: медиагруппа «Приса» и de presa — в переводе хищный. — *А.С.*), — если он напивается с одной из журналисток <...> то ясно, что секс — это одна из двух побочных гражданских религий Каталонии. Другая религия <...> — это воровство в счет национального строительства социально-клептократического каталонского государства, это клептомания как ритуал инициации в племени и привычка, в которой всегда обвиняют других»[10]. Этот провокационный стиль Лосантоса — один из самых ярких примеров персонально-аналитического колумнизма в Испании.

Но авторские колонки на то и являются авторскими, чтобы предоставлять право голоса самым различным людям. Совершенно другой стиль колумнизма представлял один из самых популярных и уважаемых испанских журналистов и писателей последнего времени — Франсиско Умбраль, скончавшийся в 2007 г. Формулу его успеха Мария Касальс увидела в соединении литературной эстетики, преобладании собственного «я», высказывании провокационных мнений и глубокой эрудиции[11].

---

[7] Nueva condena para Losantos, ahora por decir que en las sedes de ERC hay «armas» // 20 minutos. 2008. 14 ноября. Режим доступа: http://www.20minutos.es/noticia/428735/20/jimenez/losantos/condena/

[8] *Izquierdo J.M.* Los jinetes del apocalipsis Federico Jiménez Losantos // El País 2010. 1 августа. Режим доступа: http://www.elpais.com/articulo/reportajes/angel/animador/elpepusocdmg/20100801elpdmgrep_2/Tes

[9] *Losantos F.J.* Pornoelecciones y cleptomanía en Cataluña // Libertad Digital. 2010. 20 ноября. Режим доступа: http://blogs.libertaddigital.com/blog-de-federico/pornoelecciones-y-cleptomania-en-cataluna-8557/

[10] Ibid.

[11] *Casals Carro M.J.* La columna periodística: de esos embusteros días del ego inmarchitable. Режим доступа: http://www.ucm.es/info/emp/Numer_06/6-3-Estu/6-3-03.htm

Умбраль начал сотрудничать с газетой «Эль мундо» в 1990 г. и не прекращал работать до самой смерти. Со слов главного редактора издания Педро Рамиреса, журналист умер, надиктовывая жене свою последнюю колонку[12]. Его материалы под общим названием «Дни и радости» («Los placeres y los días») выходили в «Эль мундо» с понедельника по субботу. Именно Франсиско Умбраль «превратил колонку в литературный жанр и каждодневное произведение искусства»[13]. Обладая большой эрудицией, он умел широко раскрывать каждую тему, находя самые различные новостные поводы, от кинопремий до юбилеев известных политиков. Например, в колонке «Дон Рамон», посвященной столетию испанского деятеля Рамона Серрано Суньера (1901—2003), Умбраль всего в пяти небольших абзацах умудряется «пробежаться» по всему XX в., ровесником которого был политик, и обозначить причины скрытых и явных конфликтов: «Франко, скорее военный, чем интеллектуал, выиграл свою маленькую войну, и его больше интересовало продлить собственную победу, чем вмешиваться в новую авантюру. С другой стороны, Франко, профессиональный военный, никогда слишком сильно не верил в победу Гитлера. И это стало сутью проблемы: Серрано Суньер основывал свою идею европеизации Испании на немецкой победе, в то время как Франко не верил в эту победу, ему достаточно было лишь защитить свои достижения. История показала, что прав был Франко, тем не менее дон Рамон продолжает утверждать, что союз с Гитлером повлек бы за собой европеизацию Испании»[14].

Сугубо личный подход к написанию колонки — это то, что отличает испанских колумнистов от основной массы их англо-американских коллег. Франсиско Умбраль объяснял эту особенность менталитетом и психологией типичного испанца, «анархиста, очень ценящего личное мнение и нуждающегося в ком-то, с кем можно было бы поспорить в тишине, дома, в кафе или где-нибудь еще» [цит. по: López Hidalgo, 1996, p. 84].

Одним из таких «анархистов», ко мнению которых прислушиваются тысячи испанцев, является Артуро Перес-Реверте, писатель и журналист, во многом задающий тон испанскому колумнизму. Свою колонку «Корсарский патент» («Patente de corso») в еженедельнике «XL Семаналь» Перес-Реверте превратил в настоящую

---

[12] *Pedro J.R.* Paco ha muerto intentando escribir su última columna // El Mundo. 2007. 29 августа. Режим доступа: http://www.elmundo.es/elmundo/2007/08/29/cultura/1188353460.html

[13] *Pedro J.R.* Era el mejor escritor de periódicos contemporáneo // El Mundo. 2007. 28 августа. Режим доступа: http://www.elmundo.es/elmundo/2007/08/28/cultura/1188277747.html

[14] *Umbral F.* Don Ramón // El Mundo. 2001. 11 сентября. Режим доступа: http://www.elmundo.es/elmundo/2003/09/01/espana/1062433996.html

трибуну, с которой он периодически выражает свою гражданскую позицию. Лицензия на корсарство в Средние века давала ее обладателю право свободно атаковать врагов. Так же свободно и ярко атакует со страниц «XL Семаналь» и Перес-Реверте, пользуясь классическими риторическими приемами и не ослабляя силу своего слова даже перед членами правительства. Например, так начинается его колонка, критикующая уровень образования в стране и бездействие властей, названная «Позвольте обратиться к вам на «ты», глупцы»: «Банда проходимцев. Правые пуристические безграмотные балагуры. Левые невежественные демагоги. Президент этого правительства. Бывший президент предыдущего. Глава страдальческой оппозиции. <...> Я не хочу, чтобы месяц закончился без упоминания вас — обращение на «ты» умышленно, мать вашу. И я имею ввиду мать всех тех, кто держал в своих скверных руках общественное образование в последние 20-30 лет. Тех, кто допустил, чтобы эта невзыскательная мерзостная страна стала еще дряннее. <...> Тех, кто из-за своей некомпетентности и бесстыдства виновен в том, что Испания стала одной из самых бескультурных стран Европы...»[15]. Сила слова Переса-Реверте делает его колонку своеобразной маркой «XL Семаналь», ради которой многие покупают и читают это издание.

Но погоня за субъективностью и уход в мир личных переживаний не всегда идет на пользу развитию аналитического жанра. Тенденция ко все большей персонализации колонок привела к тому, что все чаще колумнисты отходят от новостного комментария, предоставляют все меньше нужной и важной информации и сосредотачиваются лишь на своем внутреннем мире. Опора на слухи и моделирование различных ситуаций заменяют многим авторам обращение к авторитетным источникам. Все меньше колумнисты прибегают к собственным расследованием и пополнению интеллектуального багажа.

Интернет дал жанру колонки новые возможности для развития. На виртуальных страницах изданий появились десятки блогов колумнистов, которые выступают дополнением к основным аналитическим разделам и представляют огромное количество субъективных комментариев по всевозможным темам современной действительности. Чтобы разобраться в этом море авторских взглядов, читателю необходимы четкие ориентиры и механизмы систематизации такого обилия материалов. В то же время известные имена колумнистов позволяют хоть как-то организовать

[15] *Pérez-Reverte A.* Permitidme tutearos, imbéciles // XL-Semanal 2007. 23—29 декабря. Режим доступа: http://xlsemanal.finanzas.com/web/firma.php?id_firma=5150&id_edicion=2687

постоянно растущие объемы информации и привлечь аудиторию не столько содержанием, сколько подписью, которая знакома читателям.

Таким образом, можно сделать вывод, что авторские колонки в Испании стали одним из самых популярных жанров, который отвечает особенностям национальной журналистики. С одной стороны, она отличается политизированностью и тяготеет к субъективной подаче информации. С другой стороны, современные испанские СМИ уделяют много внимания персонализации новостей, подаче общего через личное, через истории обычных людей. Этим задачам как раз и соответствуют возможности жанра авторской колонки, который прошел долгий путь развития и выделения среди других аналитических жанров и вошел в эпоху своего расцвета на рубеже XX—XXI вв.

Список литературы

Ларра М.Х. Сатирические очерки. М., 1956.

Пашков Г.Н. Журналистика Испании. М., 2002.

Abril Vargas N. Periodismo de opinión. Sintesis, 2009.

Albert P. Historia de la Prensa. Madrid, 1990.

Bond F. Introducción al periodismo. Ed. Limusa, México, 1974.

González Ruano C. El artículo periodístico // Enciclopedia del Periodismo, Norguer, Barcelona, 1996.

López Hidalgo A. Las columnas del periodico. Ediciones Libertarias, 1996.

Santamaria L. El comentario periodistico. Los géneros persuasivos. Madrid, 1990.

Umbral F. Las palabras de la tribu. Barcelona, Editorial Planeta, 1994.

Поступила в редакцию
17.01.2011